4
С-56

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт русского языка

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

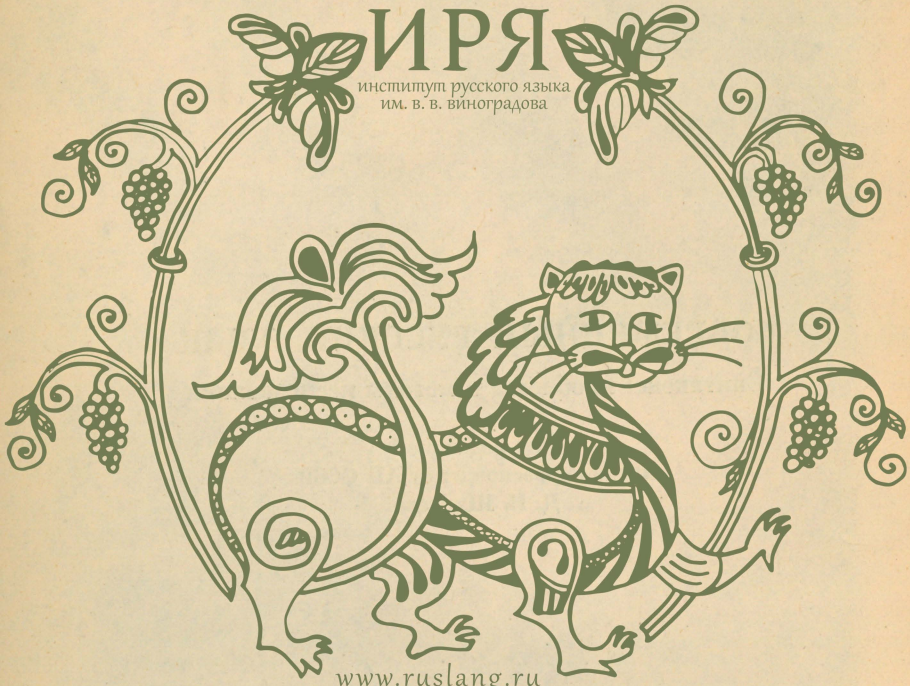
Синтаксис: проблемы и методы исследования

Под редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. Н. Шмелева

Москва 1987

4
С-56
РЯ. Синтаксис. Общ. г.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

Современный русский язык

Синтаксис: проблемы и методы исследования

Под редакцией
академика Д.Н.Шмелева

Редакторы выпуска
Е.А.Земская, Е.Н.Ширяев

Авторы
В.И.Чернов, Т.В.Шмелева, Е.Н.Саввина, Е.В.Урысон

4
С-56

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

91732

© Институт русского языка
АН СССР, 1987 г.

Е.А.Земская

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник статей - это обзор литературы по современному русскому литературному языку за 1978-82 гг. Он является продолжением предпринятого по инициативе М.В.Панова обзора за 1966-69 гг. и последующих обзоров за 1970-73 гг. и за 1974-78гг.

В последние годы все увеличивается поток работ, посвященных современному русскому литературному языку. Русист уже не может внимательно следить за всей литературой. Фонетист часто не знает новых достижений словообразовательной теории, специалист по словообразованию нередко не владеет новыми идеями в области синтаксиса и т.д.

Обзор ставит себе целью помочь специалисту-русисту разобраться в этом потоке исследований. Обзор выделяет наиболее содержательные работы, знакомит с наиболее существенными научными поисками. Освещаются не все направления лингвистической мысли, а только те, которые, по мнению авторов, наиболее интенсивно развивались в эти годы.

Авторы исходили из того, что в советском языковедении существуют разные направления научной мысли; и они не ставили своей целью участвовать в дискуссиях, которые ведут между собой эти направления: разные школы в советском языкознании апробированы временем и завоевали право на внимание и уважение. Авторы обзора не противопоставляли одно направление другому; они пытались оценить каждое исследование по тому вкладу, который оно делает в данную область языковедения.

Обзор выходит в виде выпусков, каждый из которых посвящен отдельной области языковедения: фонетике, словообразованию, морфологии, синтаксису, лексике.

В начале каждого обзора (или его самостоятельной части) помещен список литературы. Для него отобраны те работы, знакомство с которыми авторы считают необходимым для специалиста в первую очередь; в целом же эти работы дают достаточно полную картину наиболее плодотворных научных поисков в данной области за 4 года.

После перечня работ (который, ввиду его выборочности, есть уже оценка этих работ) следует сам обзор: краткая характерис-

тика новых исследований. Упоминаются не все работы, данные в перечне, а только те, которые требуют оценочного комментирования. В оценках работ возможны, конечно, расхождения; авторы старались избежать субъективизма.

Если в первых синтакоических обзорах работы группировались по традиционным рубрикам: простое и сложное предложение, то в последних выпусках принята иная система организации материала: выделяются актуальные аспекты синтаксических исследований. В предлагаемом вниманию читателей выпуске продолжен обзор работ по проблемам семантического синтаксиса и введен новый раздел о синтаксисе текста. Специальный раздел посвящен одному из самых сложных и "спорных" синтаксических явлений - обособлению членов предложения. Открывается же обзор анализом синтаксической концепции "Русской грамматики", вышедшей в свет в 1980 г.

В.И.Чернов

Русская грамматика. Т. II. - М., "Наука", 1980

"Русская грамматика" (М., "Наука", 1980), фундаментальный труд большого авторского коллектива (руководитель Н.Ю.Шведова), удостоенный Государственной премии СССР, продолжает и развивает традиции отечественной науки - обобщение сформировавшихся научных знаний в академической грамматике, в наиболее полном, энциклопедически исчерпывающем описании грамматической системы русского языка. В настоящем обзоре рассматривается синтаксический раздел (второй том) "Русской грамматики" (РГр.), однако непосредственным предметом обсуждения будут лишь некоторые проблемы изучения и описания синтаксического строя русского языка, представляющиеся наиболее существенными и актуальными в теоретической интерпретации синтаксических явлений.

Помимо небольшого теоретического Введения, характеризующего основные задачи и принципы исследования, второй том РГр. состоит из пяти композиционно выделяемых частей (разделов), краткого списка научной литературы и достаточно подробного предметного указателя. Выделение пяти особых разделов четко очерчивает границы грамматического описания синтаксического строя русского языка, свидетельствуя о несомненной полноте и и необходимой дифференциации рассматриваемого исследования:

Подчинительные связи слов и словосочетания (с. I3-82), Простое предложение (с. 83-42I), Синтаксис формы слова (обзор) (с. 422-460), Сложное предложение (с.46I-633), Бессоюзные соединения предложений (с.634-656). Совершенно очевидно, что центральное место в РГр. по праву занимает описание простого и сложного предложения. Ясно также, что без обзора синтаксиса формы слова РГр. была бы композиционно ассиметричной и концептуально незавершенной. Бессоюзные предложения были выведены из состава сложных предложений с грамматической связью, и поэтому их характеристику можно представлять или как своеобразное приложение к РГр., или как один из разделов иной книги, например, по синтаксису текста, который в РГр. специально не рассматривается.

РГр. в целом и описание словосочетания и простого предложения в особенности отличают по крайней мере три основополагающих принципа исследовательского анализа.

I. Максимальная дифференциация объекта описания и составляющих его компонентов. Весьма показательно, например, в этом отношении решительное размежевание в описании грамматической, семантической, линейной (порядок следования) и интонационной стороны предложения.

2. Многоаспектность описания синтаксических компонентов и единиц, выражающаяся как в регулярном чередовании исходных позиций анализа: от формы к содержанию и от содержания к форме, так и в последовательном восполнении характеристики рассматриваемых фактов и явлений.

3. Четкое и по возможности строгое выделение константных (постоянных) и переменных (изменяющихся) признаков, явлений, компонентов синтаксической структуры языка. Этот принцип анализа еще не имел такого активного и последовательного применения, не говоря уже о том, что из-за неизученности языкового материала переменные величины нередко представляются как постоянные.

Характеризуя синтаксические отношения, Н.Ю.Шведова развивает идею о необходимости противопоставления присловной и неприсловной подчинительной связи. Присловная связь - величина постоянная, "предопределенная словом независимо от его роли и места в предложении" (с.I3), неприсловные связи - величины переменные (ср.: Я получил эту бандероль распечатанной; Мальчик

надел рубашку неглаженной и т.п.), это "такие связи, которые предопределены синтаксическими позициями тех или иных форм слов в предложении" (с.13). Неприсловная связь наиболее ярко обнаруживается в отношениях детерминанта с остальным составом предложения (см.: с.149-163) и в координации подлежащего и сказуемого (см.: с.237-244).

Эта основополагающая идея синтаксической концепции Н.Ю.Шведовой не вызывает сомнений при характеристике присловной связи, хотя некоторые трудности, по-видимому, неизбежные, все-таки остаются, особенно в тех случаях, когда зависимый компонент втягивается в сферу предикации или как-то соотносится с глаголом-сказуемым. Известные осложнения возникают при квалификации синтаксической связи разнообразных детерминантов. Не всегда ясны и очевидны отношения атрибутивно-предикативных и обстоятельственно-предикативных компонентов (ср., например: Людмила Федоровна - женщина привлекательная и интересная; Вчера она выглядела совсем некрасиво - совсем некрасивой; Он парень не из понятливых и с придурью). О недостаточной четкости разграничения присловных и неприсловных связей свидетельствует, например, такой факт: у однофункциональных, на наш взгляд, форм творит. падежа в одном случае отмечается присловная позиция (родиться счастливым, сидеть молчальником и др. - с.433), в другом - неприсловная позиция (вырос героем, лежит добычей тленья и др. - с.434).

Характеристика неприсловных связей представляется весьма содержательной и убедительной, но эта стержневая проблема теории простого предложения требует, на наш взгляд, дополнительного изучения материала и некоторых новых решений. Так, при анализе координационной связи главных членов нельзя не учитывать некоторые константные грамматические признаки форм подлежащего и сказуемого. Если, например, в роли подлежащего выступает существительное, а в сказуемом - адъективное слово, то последнее не может не выражать родового значения существительного (ср.: Хозяйка была веселая и приветливая). Константность выражения родового признака ярко обнаруживается в тех уникальных случаях, когда характеризующее слово предопределяет падеж существительного, но согласуется с ним в родовом значении (ср.: два стола, два окна, две стены). Что же касается значения падежа адъек-

тивных слов (и шире: имен) в их предикативном употреблении, то этот грамматический признак следует считать неконстантным, не зависящим от формы подлежащего (ср.: Хозяйка была веселая и приветливая - веселой и приветливой - не из приветливых).

Отметим, наконец, и такие построения, в которых форма сказуемого константно выражает "безличность" (в именных конструкциях при связках было, будет, было бы), а подлежащего или нет вообще (односоставные предложения), или же оно по своей грамматической природе не может поддержать эту связь (Поступить так было бы опрометчиво - опрометчивым). Инфинитив здесь занимает позицию подлежащего и является тем экраном, на который направлены грамматические признаки сказуемого, но он не может их ни воспринимать, ни отражать. Может быть, в таких случаях более существенна сама направленность грамматической связи, а не обоюдность отношений главных компонентов?

Трудности характеристики отношений подлежащего и сказуемого не только не свидетельствуют против принятого в РГр. решения, а, напротив, подчеркивают и подтверждают необходимость противопоставления присловной связи (явление константное, относительно хорошо изученное) и неприсловной связи (явление переменное, хотя и с некоторыми константными признаками, а главное - недостаточно изученное).

В описании синтаксических возможностей словоформ используются понятия трех рядов: I) отношения (объектные, определительные, восполняющие), 2) характер связи (сильная и слабая подчинительная связь), 3) тип связи (согласование, управление, примыкание - собственно примыкание и падежное примыкание). Характеристика синтаксиса словоформ отличается прежде всего своей многоаспектностью и дифференцированностью, ярко выраженной направленностью против схематизма и упрощенчества. В этом плане обращает на себя внимание дальнейшая детализация отношений: помимо названных, дополнительно выделяются разнообразные виды объектных отношений (объект конкретного действия, объект мысли, объект речи, объект - орудие, объект - адресат и др.), различаются собственно определительные, обстоятельственно-определительные и субъектно-определительные отношения. Но как подчеркивает Н.Ю.Шведова, "главная сложность системы отношений, воз-

никающих при подчинительных связях, состоит не в многообразии разных видов объектов и определителей, а в том, что названные три вида отношений постоянно взаимодействуют друг с другом и этим создаются комплексные, диффузные отношения, т.е. отношения, которые совмещают в себе значения восполняющие и определительные, восполняющие и объектные, объектные и определительные, а в некоторых случаях - и те, и другие, и третьи одновременно" (с.19). Обобщение разнообразных видов отношений в три типа убедительно мотивируется различием возникающих при них подчинительных связей: при сильной связи всегда реализуются восполняющие или объектные отношения, при слабой связи - определительные отношения.

Вопрос о характере связи (сильное и слабое подчинение) находит в РГр. хорошо обоснованное решение, важнейшим следствием которого признается необходимость противопоставления собственно управляемых форм и форм падежного примыкания. Обособление падежного примыкания аргументируется комплексным анализом языковых сущностей трех планов. I) План отношений: "при падежном примыкании возникают отношения определительные, субъектно-определительные или - при информативно недостаточных словах, требующих обстоятельственного распространения, - обстоятельственно-восполняющие" (с.21). 2) План характера связи: " при падежном примыкании связь предсказана только значением главного слова как части речи (исключение составляют несколько требующих обстоятельственного распространителя информативно недостаточных слов), и возникающие отношения носят более конкретный характер, чем при управлении" (с.21). 3) План типов связи: падежное примыкание отличается от собственно примыкания прежде всего тем, что при последнем отмечается зависимость только неизменяемых слов; от управления, сильного и слабого, оно отличается в первую очередь характером возникающих отношений: при падежном примыкании главенствуют определительные отношения, при сильном управлении - объектные и восполняющие, при слабом управлении объектные отношения контаминируются с определительными; от согласования падежное примыкание отличается тем, что примыкаемые формы не могут уподобляться форме господствующего слова, однасогласуемые и падежно примыкаемые формы характеризуются слабой связью и выражают определительные отношения.

Вопрос о типах подчинительной связи (третий ряд основополагающих понятий) находит свое решение, как это отмечалось выше, в разграничении присловных и неприсловных связей: согласование, управление, примыкание обнаруживают себя в составе словосочетания, координация и свободное присоединение (связь детерминанта с предложением в целом) как неприсловные виды связи обусловлены функциональными свойствами предложения.

Характеристика сложного взаимодействия плана отношений, плана характера связи, плана типов связей дополняется анализом двойных сильных связей (вбить гвоздь в стену, сообщить новость собравшимся и т.п.), рассмотрением вариативности связей (числиться отстающим - в отстающих - среди отстающих; перейти дорогу - через дорогу; причина беспокойства - беспокойству - для беспокойства и т.п.), описанием связи группы форм - главенствующей (обойтись плохо с посетителем, пожать руку гостю) или зависимой (стоять плечом к плечу, твердить изо дня в день).

Этот сложный, но тщательно разработанный понятийный аппарат служит конструктивной основой характеристики подчинительных связей слов разных частей речи (с.25-79) и синтаксиса формы слова (с.422-460). В первом случае анализ проводится в границах словосочетания, учитывается прежде всего формальная зависимость (связь) компонентов, направленность описания - от господствующего компонента к зависимому) во втором случае анализируются формы слова, отмечаемые как в словосочетании, так и в предложении, здесь в центре внимания находится семантика (отношения) компонентов, направленность описания - от зависимого компонента к главному. Такой подход к объекту анализа - описание с диаметрально противоположных точек зрения с изменением цели и задач исследования - решение принципиально новое и, безусловно, перспективное, позволившее автору охарактеризовать синтагматические возможности словоформ в весьма компактном и содержательном изложении.

Подчинительные связи глагола, обладающего наиболее насыщенной, но далеко не однотипной валентностью, представлены в дифференцированном и многоаспектном описании. В глагольном управлении особо выделяются одиночное, двойное и вариативное управление, эти типы подчинительной связи рассматриваются на основе противопоставления беспредложного и предложного управления.

Свое освещение (и соответствующую рубрикацию) получают все сколько-нибудь заметные особенности глагольного управления: последовательно и специально рассматривается зависимость предлога от морфемного состава глагола (предлог дублирует звуковой состав и/или значение вычленяемого префикса – группа А) или только от значения глагола (группа Б), отдельно анализируются свойства сильного и слабого управления, при двойных связях выделяется беспредложное, беспредложно-предложное и предложное управление, а также контаминация управления и примыкания, аналогично описывается вариативное управление, в последнем случае особо характеризуется сравнительно новое явление – вариативная связь управляемой формы и формы, вводимой союзом как ('в качестве'). В характеристике связи приглагольного примыкания основное место занимает описание падежного примыкания – беспредложного и предложного. В этом же разделе, что представляется вполне обоснованным и целесообразным, анализируются глагольные связи у имен, словообразовательно соотносительных с глаголом.

Подчинительные связи существительного рассматриваются в трех аспектах: согласование, управление, падежное примыкание, причем последний – вследствие его новизны и неизученности – вызывает наибольший интерес. Подчинительные связи прилагательного (управление и примыкание), а также подчинительные связи наречия, компаратива, местоимения – существительного и количественного числительного характеризуются в сравнительно кратком, но весьма четком и содержательном изложении, что дополнительно подчеркивает особую значимость приглагольной и присубстантивной связи.

Если описание подчинительных связей требует прежде всего изучения валентности глагола и существительного, то синтаксис формы слова, т.е. исследование семантики и функционирования зависимых компонентов словосочетания и предложения, ограничивается в сущности анализом падежных форм существительного: иные формы или монофункциональны, или же характеризуются четко обнаруживающимися и хорошо известными закономерностями своего значения и употребления. В названии соответствующего раздела РГр. "Синтаксис формы слова (обзор)" жанровое определение (обзор) менее всего относится к спрягаемым формам глагола, к падежным

формам прилагательных и причастий, к формам инфинитива, наречия, деепричастия и компаратива; их краткая характеристика не требует существенных дополнений. Определение по жанру характеризует, как представляется, описание падежных форм существительных (с.424-454): впервые в научных исследованиях на большом языковом материале здесь осуществляется разграничение присловных и неприсловных позиций словоформ. Результаты этого разграничения имеют большое теоретическое и практическое значение. Несомненный научный интерес и особую значимость, представляет, например, вывод о том, что предикативная позиция открыта почти для всех словоформ существительного (исключения из общего правила последовательно учитываются и объясняются). Сопоставив этот вывод, дискуссионный в частных наблюдениях, но не в его общем содержании, с суждениями синтаксистов XIX в., не отмечавших, как правило, предикативного функционирования предложно-падежных форм, мы обнаружим принципиально иной подход к объяснению строения и функционирования простого предложения. Если же учесть и особую значимость подчинительных связей глагола и существительного, выделяющих эти части речи в составе всех грамматических классов языка, то с необходимостью мы придем к выводу о том, что и в строении словосочетания, и в формировании предложения, и в функционировании различных распространителей доминирующие позиции занимают глагол и существительное, их прямые и опосредованные отношения обозначают контуры всего синтаксиса.

Определяющая роль глагола в формировании и конструктивном строении предложения уже давно учитывается синтаксистами (Ф.И.Буслаев, А.А.Потебня, А.М.Пешковский и др.). Еще большую актуальность эта проблема обретает в наше время: несмотря на формальную зависимость глагола от существительного, многие синтаксисты отводят глаголу роль конституента предложения. Ср., например, исходное теоретическое положение чехословацких авторов "Русской грамматики" (Praha, 1979. T.I): "Теоретической основой раздела "Синтаксис" является понятие валентности глагола, проецируемое в элементарные структурные схемы предложения" (с.УП). Однако Н.Ю.Шведова принципиально и последовательно обосновывает иную точку зрения, отчетливо выраженную

в заключительном разделе описания синтаксиса падежных форм существительных: "По своей роли в организации предикативной основы предложения, в его распространении, а также в организации целого текста падежная форма имени не менее значима, чем спрягаемая форма глагола" (с.454). Это фундаментальное заключение, сформулированное в результате глубокого и всестороннего изучения большого, трудного для анализа материала, определяет основные объекты и главное направление исследования синтаксиса русского языка: глагол и имя (уже: существительное), их семантика, взаимоотношения и функционирование.

Основная часть центрального раздела РГр. "Простое предложение" (с.83-421) написана Н.Ю.Шведовой. Интонационная характеристика простого предложения, как и иных синтаксических структур, дана Е.А.Брызгуновой. Вопросы, относящиеся к проблематике порядка слов, освещаются И.И.Ковтуновой. Кроме названных авторов, в написании данного раздела принимали участие К.В.Габучан (Отрицание в структуре простого предложения и при его распространении), В.А.Ицкович (Обособление распространяющихся членов предложения), А.В.Прияткина (Сочинительные и подчинительные связи внутри простого предложения, Союзные конструкции, совмещающие в себе признаки простого и сложного предложения), И.П.Святогор (Вопросительные предложения). Большой состав авторского коллектива, освещающего проблематику простого предложения,- явление, несомненно, положительное: каждый из авторов, работая со "своим" материалом, дополняет и обогащает содержательную сущность единой для всех теоретической концепции, вместе с тем, тот разнобой, который, как правило, сопутствует работе большого авторского коллектива, здесь практически никак себя не обнаруживает.

Учение Н.Ю.Шведовой о простом предложении, постоянно развивающееся и совершенствующееся, уже давно получило широкую известность, поэтому в настоящем обзоре представляется целесообразным охарактеризовать лишь некоторые наиболее важные теоретические положения.

Учение о парадигме предложения, выдвинутое и обоснованное Н.Ю.Шведовой, стало неотъемлемой частью современной синтаксической теории. Парадигматические отношения в синтагматической

цепи, трактуются, как известно, по-разному, однако само наличие парадигматических отношений у выделяемых синтаксических единиц, необходимость их учета и анализа в объяснении синтаксических явлений не вызывает никаких сомнений. Логически необходимым следствием обоснования понятия парадигмы предложения является выделение структурных схем (образцов, типов) простого предложения. Каждая схема имеет свое грамматическое значение (предикативность) и свое семантическое содержание ("семантическая структура предложения"), характеризующееся определенной коммуникативной задачей и тем или иным актуальным членением. Эти диалектически связанные понятия, известные ранее или недавно разработанные Н.Ю.Шведовой, служат основой многоаспектного определения важнейшей синтаксической единицы: "простое предложение - это такое высказывание, которое образовано по специально предназначенной для этого структурной схеме, обладает грамматическим значением предикативности и своей собственной семантической структурой, обнаруживает эти значения в системе синтаксических форм (в парадигме предложения) и в регулярных реализациях и имеет коммуникативную задачу, в выражении которой всегда принимает участие интонация" (с.89-90).

В концепции парадигмы предложения особую значимость имеет понятие исходной формы. Возникает прежде всего вопрос: отражает ли это понятие реально и объективно представленную языковую сущность или же оно является вспомогательным средством лингвистического описания - очень удобным, в ряде случаев необходимым, но все-таки субъективным по своей природе?В РГр. интересующее нас решение не имеет своего обоснования. Ср.: "Парадигма открывается формой настоящего времени; это - исходная форма предложения" (с.86); ср. также аналогичное замечание на с.99. Думается, что это решение может быть вполне приемлемым, необходимо только иметь в виду его конвенциальный характер. Но если мы признаем одну из форм исходной и при этом не обнаруживаем тех ее сущностей, которые предопределяют языковые (объективно данные) особенности других форм или как-то влияют на эти особенности, то не можем утверждать, что типологическая характеристика всех других форм должна быть адекватной типологическому определению исходной формы. Напротив, если среди всех

парадигматически объединяемых форм одна и только одна форма отличается присущим ей признаком, то есть большое основание считать, что эта выходящая из общего ряда форма имеет свои особенности, которые, однако, не изменяют структурного типа объединяемых в парадигму синтаксических построений.

В РГр. некоторые структурные схемы считаются неглагольными потому, что их исходная форма (настоящее время индикатива) не содержит глагольной словоформы. Под общей рубрикой "Предложения без спрягаемой формы глагола" характеризуются следующие структурные схемы: Отец - учитель; Ребенок послушный; Ребенок послушен; Учитель уважаем; Завод восстановлен; Отец на работе; Друзья рядом; Задача - учиться; Ложь - (это) непростительно; Трудиться - доблесть; Сомневаться - значит искать; Кататься весело; Можно ехать; Приказано наступать; Видно следы - Не видно следы / следов; Наготовлено запасов; Много цветов; Масса цветов; Нет времени; Ни звука; Никого знакомых; Ничего нового; Никакой надежды; Ни единой ошибки; Некому работать; Не о чем спорить; Некуда идти.

Рассматриваемая квалификация перечисленных типов (схем) предложения не имеет и, как представляется, не может иметь необходимой аргументации. Известно, что значимое отсутствие связочного глагола уже давно, со времен А.М.Пешковского, многими синтаксистами квалифицируется как его нулевая форма (в современной терминологии). Это определение, используемое теперь и в школьной практике, является конвенциальным и поэтому может приниматься исследователями или не приниматься. В РГр. оно решительно и бескомпромиссно отвергается. Такая интерпретация объективно данных языковых явлений имеет свои обоснования, и она не требовала бы обсуждения, если бы свойства исходной формы схемы предложения (построение без личного глагола) не переносились на все другие формы парадигмы (построения с личной формой глагола). Никто не станет отрицать того, что предложение типа Отец - учитель является безглагольным. Но как доказать, что безглагольными следует считать парадигматически связанные с ним построения Отец был учителем, Отец будет учителем и т.п.? Если, например, существительные типа стол, конь не имеют флексии в именит. падеже, то это не может служить основанием для того, чтобы остальные формы косвенных падежей (кроме винит. падежа) считать бесфлексийными.

Трудно, следовательно, согласиться с тем, чтобы перечисленные схемы предложений рассматривать как предложения без спрягаемой формы глагола, однако та или иная квалификация именных предикативных построений плана настоящего времени (представлен нулевой связочный глагол - глагол не представлен) зависит от теоретической позиции исследователя, ее преимущества или недостатки определяются как объяснительной силой принятой концепции, так и конкретными результатами анализа объективно данных языковых фактов.

Преимущества избранной в РГр. точки зрения обнаруживаются прежде всего в том, что при постоянном и целенаправленном внимании к безглагольным построениям (исходная форма парадигмы) удалось обнаружить такой массив этих конструкций, который при ином подходе имел бы другие, более узкие границы.

Безглагольность именных предикативных построений плана настоящего времени постоянно констатируется в грамматиках и уже давно стала азбучной истиной синтаксистов, однако до сих пор мы не имели ясного представления о глобальном характере этого явления, открывающего, как это было обнаружено Н.Ю.Шведовой, предикативную позицию почти для всех форм существительного. Если бы безглагольные именные построения рассматривались на фоне глагольных или экспериментально "вычислялись" из последних, то в этом случае мы бы недосчитались многих построений из состава тех, которые анализируются в РГр. Высказанное предположение имеет свое обоснование: при выраженном глаголе функционируют, как правило, предложно-падежные формы с четко обнаруживающимся предикативным значением (сопутствующие значения обычно не актуализируются), тогда как в безглагольных построениях (исходная форма пардигмы) активно употребляются словоформы, выражающие комплексное значение: предикативно-атрибутивное, предикативно-обстоятельственное, предикативно-атрибутивно-обстоятельственное и др.

Но то несомненное преимущество, которое обнаруживается при описании безглагольных построений как самодостаточного и исходного объекта анализа, имеет и свою оборотную сторону. В РГр. в целом ряде случаев именные предикативные словоформы рассматриваются вместе, на равных основаниях со словоформами, которые обнаруживают не столько предикативное, сколько обстоятельст-

венное или объектное значение. Ср., например, квалификацию и характеристику конструкций: I) Земля - крестьянам; Вино - гостям; Телеграмма - сестре (с.300); 2) Дружная весна - к хорошим кормам (Бунин); Энергия - через край; Зайдут, к примеру, бабкины гуси в посевы. Еремеев - в крик (с.300); 3) Вход - с другого подъезда; Хата - с краю; Я - с работы; Ограда - вокруг сада; Сад - за забором; Днепр - за спиной; Приказ - на доске; Поворот - в двадцати шагах; Корабль - в море (с.301); 4) Столовая - до шести часов; Дом - в получасе езды (с.301); 5) Выставка - налево; Мы здесь мимоездом, Товары нарасхват (с.301).

Эта спорная квалификация функциональных свойств предложно-падежных словоформ объясняется, как можно полагать, во-первых, тем, что определительные отношения, легко трансформирующиеся в предикативные, понимаются в РГр. широко, с включением в их зону обстоятельственных отношений, во-вторых, тем, что если безглагольные предложения считаются исходной формой предложения, то в двукомпонентных предложениях при наличии формы подлежащего любая именная и даже наречная форма должна оказаться в предикативной роли.

Мы видим, следовательно, что квалификация безглагольных построений в качестве исходной формы парадигмы имеет неоспоримые преимущества и прежде всего в том, что обнаруживает богатство и своеобразие синтаксического строя русского языка, но вместе с тем избранная точка зрения обусловливает недостаточно четкое разграничение некоторых дифференциально противопоставленных синтаксических явлений.

Обратимся к структурным схемам предложения. Вопрос о выделении и размежевании структурных схем (образцов) предложения относится к наиболее дискуссионным, но он, на наш взгляд, требует не столько полемического обсуждения, сколько альтернативного решения. Рассмотрим, например, с этих позиций обособление структурной схемы с кратким прилагательным (Ребенок послушен) от построений с предикативными полными прилагательными (Ребенок послушный). Спорность этого решения самоочевидна. Можно было бы привести достаточно весомые аргументы, свидетельствующие о необходимости объединения этих двух схем: а) в обеих схемах представлены словоформы одного грамматического класса, нередко одного слова; б) по своим функциональным свойствам полное при-

лагательное творительного падежа (Ребенок был послушным) теснее сближается с краткой формой (послушен), чем с полной формой именительного падежа (послушный). Но это возможное решение представляется все-таки менее убедительным, чем принятое в РГр. Как справедливо отмечается в РГр., в многочисленных случаях при лексическом размежевании мена полной и краткой формы оказывается невозможной, кроме того, "в современном языке констатируется тенденция к ограничению употребления предложений с краткими формами - при все расширяющемся употреблении предложений с полными формами" (с.293). Если же учесть, что в наше время краткие формы не используются при модальных полузнаменательных глаголах (показаться, представляться и др.) и крайне редко употребляются при фазисных глаголах (стать, сделаться и др.), то вывод об обособлении структурной схемы с краткой формой (Ребенок послушен) представится вполне аргументированным, не требующим альтернативного решения.

Аналогичная картина обнаруживается и при рассмотрении таких структурных схем, как Задача - учиться и Трудиться - доблесть; Кататься весело и Нельзя оставаться; Нет времени и Ни звука, Никого знакомых, Ничего нового, Никакой надежды, Ни единой ошибки. Учитывая парадигматические связи предложения, выраженность глагола быть в иных модально-временных связях, эти десять схем можно было бы, на наш взгляд, сгруппировать в три. Однако и при этом решении названные построения пришлось бы рассматривать особо и с той же, по-видимому, группировкой, которая представлена в РГр.

Сказанное отнюдь не означает, что номенклатура схем РГр. не требует уточнений или изменений. Она может быть пересмотрена, но только вся в целом, в своей системной совокупности, представляемая и анализируемая со строго определенных теоретических позиций. Если же иные теоретические позиции не подготовлены, то какие-либо изменения в систематике схем предложений вряд ли можно будет считать целесообразными и необходимыми.

Разные схемы предложения имеют разную языковую значимость, и это не могло не сказаться на степени обстоятельности их описания в РГр. Наиболее подробно рассматривается, естественно, схема типа Лес шумит - предложения со спрягаемой формой глагола, подлежащно-сказуемостные предложения (с.237-269). В этом

91732

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

разделе характеризуется грамматический статус подлежащего и сказуемого, объясняется своеобразие координации главных членов, обнаруживаются особенности строения парадигмы (полная, восьмичленная), описываются регулярные реализации предложения (неполные реализации - без подлежащего или без сказуемого и реализации с полузнаментаельным глаголом стать), говорится о распространении предложения разнообразными детерминантами, на грамматическом уровне дается представление о семантическом строении таких предложений и, наконец, обстоятельно анализируются закономерности порядка слов как нераспространенных, так и распространенных предложений. Этот четкий и строгий план аналитического описания последовательно выдерживается в характеристике каждой из 3I схем предложения, представленных в РГр., однако в соответствии с особенностями семантики, парадигмы или функционирования того или иного типа предложения какой-то аспект характеристики выделяется и становится доминантным.

Так, в обстоятельном описании предложений типа Отец - учитель (с.278-289) центральное место занимает анализ семантической структуры, что совершенно закономерно, поскольку смысловое содержание этой схемы предопределяет парадигматику, систему регулярных реализаций и правила распространения предложения. В краткой, но выразительной характеристике предложений типа Видно следы - Не видно следы / следов (с.325-327) основное внимание уделяется составу предикативных слов и закономерностям употребления винит. или родит. падежа в отрицательных конструкциях. В анализе структурной схемы спрягаемо-глагольного класса Светает; Знобит (с.348-355) основным объектом характеристики является противопоставление бессубъектных и субъектных предложений. Особо необходимо отметить яркую, запоминающуюся характеристику структурной схемы Тишина; Ссора (с.358-369), выделяющуюся глубоким анализом не лично-субъектных и лично-субъектных предложений и новым истолкованием грамматического статуса этих построений.

Обобщая, считаем необходимым подчеркнуть: все характеристики структурных схем предложения, отличающиеся насыщенностью языкового материала, содержательностью излагаемых наблюдений, аргументированностью основных выводов и заключений, даются не "с чужих слов", а являются результатом многолетних самостоя-

тельных исследований Н.Ю.Шведовой и ее сотрудников. Богатство и перспективность новых идей, полнота охвата анализируемого материала, обстоятельность характеристики сложных для объяснения языковых явлений, использование в наблюдениях богатейших коллекций разнообразных и со вкусом подобранных примеров - эти качества отличают описание простого предложения в РГр.

Заключительные разделы РГр., содержащие описание сложного предложения, написаны двумя авторами: И.Н.Кручининой (Введение; Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры; Бессоюзные соединения предложений) и М.В.Ляпон (Сложноподчиненные предложения расчлененной структуры; Сложносочиненные предложения), но и здесь, как и в предшествующих разделах, единство избранной теоретической концепции выдерживается строго и последовательно.

В краткой вступительной характеристике сложного предложения как синтаксической единицы языка (с.461-467) говорится о тех особенностях, которые отличают сложное предложение от простого, рассматриваются средства связи в сложном построении, дается общая схема описания сложных предложений. Констатируя нечеткость размежевания простого и сложного предложения, И.Н.Кручинина основное внимание уделяет их дифференциальным признакам, обнаруживающимся при сопоставительном анализе сочинительной и подчинительной связи в сложном построении, с одной стороны, и в словосочетании и простом предложении, с другой. Интегральные признаки этих синтаксических единиц неоднократно характеризуются в описании того или иного типа сложного предложения (ср., например, весьма значимое заключение о том, что сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры обнаруживают в своем строении некоторые признаки простого предложения и составляют, таким образом, своего рода переходную зону от одной синтаксической единицы к другой - с.467), однако дифференциальные признаки считаются более существенными и важными (что не вызывает возражений), предопределяющими решительный отказ от изоморфизма в истолковании и описании простого и сложного предложения (а это вызывает определенные сомнения). Даже при рассмотрении тех признаков, которые явным образом объединяют простое и сложное предложение, обусловливая ней-

трализацию их грамматической противопоставленности, авторы РГр. всегда выступают "на стороне" сложного предложения и ограничивают сферу функционирования простого предложения.

Так, анализируя предложения, в которых при одном подлежащем выступает не одно, а несколько сказуемых (Я простился и пошел домой; Она то посидит, то походит; Я смирился, хотя и обиделся и т.п.), И.Н.Кручинина полагает, что их следует рассматривать как сложные, поскольку в этих построениях неоднократно выражается значение времени и наклонения и сообщается о двух или более ситуациях (с.461-462). Это решение является остро дискуссионным. Оно требует обстоятельного обсуждения и дальнейшего изучения материала, прежде всего "со стороны" простого предложения. Но более показательно, на наш взгляд, то, что оно не было необходимым: данное положение, четко обозначающее как границы функционирования сложного предложения, так и грани принятой синтаксической концепции, в конкретном описании сложных построений и в их теоретической интерпретации практически не используется, если не считать того, что рассматриваемые построения изредка фиксируются в списках приводимых примеров.

Постоянная констатация самостоятельности сложного предложения как особой синтаксической единицы, целенаправленное внимание к его различительным признакам, стремление к автономности характеристики как сложного предложения в целом, так и его многочисленных типов и разновидностей, принесло несомненные положительные результаты: в структурно-семантической интерпретации сложного предложения авторы РГр. продвинулись значительно дальше своих предшественников, и сейчас уже нет построений, которые бы не имели необходимого освещения. Вместе с тем неизбежно возникают вопросы: окажется ли дальнейшее продвижение в направлении, избранном авторами РГр., столь же успешным и плодотворным, или же придется искать другие пути исследования и, в частности, обратиться к сопоставлению сложного предложения со словосочетанием и простым предложением?

В общей классификации сложного предложения учитывается прежде всего формально выраженная (грамматическая) связь. "Бессоюзие не является грамматической связью" (с.465), поэтому его описание вынесено за рамки раздела "Сложное предложение". Все сложные предложения, кроме бессоюзных, делятся на

сложносочиненные и сложноподчиненные. "Классификация сложносочиненных предложений опирается на классификацию сочинительных союзов по признаку их неоднозначности или однозначности, т.е. по их способности к семантической дифференциации" (с.6I6). В результате применения этого критерия систематизация сложносочиненных предложений схематически представляется в двух классах с их последующим разбиением.

I. Предложения с союзами недифференцированного значения.
   1) Предложения с союзами и (и... и), ни... ни.
   2) Предложения с союзами а, но, да и их синонимами.
   3) Предложения с союзами или, либо, ли - ли, то - то, не то - не то, то ли - то ли, а то, а не то, не то, иначе.

II. Предложения с союзами дифференцированных значений и их аналогами.
   1) Предложения с пояснительным значением.
   2) Предложения со значением противопоставления.
   3) Предложения с факультативно-комментирующим значением.
   4) Предложения с причинно-следственным значением.
   5) Предложения с градационным значением.

Нетрудно заметить, что эта классификация, строгая и последовательная в формальном (структурном) плане, является недостаточно четкой и ясной в смысловом (семантическом) аспекте: систематизация построений второго класса дана по значению союзов и предложений, тогда как в первом классе по необходимости учитываются лишь противопоставительные отношения неоднозначных союзов.

"В основу классификации сложноподчиненных предложений положен комбинированный критерий; принимаются во внимание: I) характер соотнесенности придаточного предложения с главным и 2) способ подчинения: союзное или местоименное подчинение" (с.466). Предложения нерасчлененной структуры разбиваются на два класса: I) предложения с союзной связью частей и 2) предложения с местоименной связью частей, а предложения расчлененной структуры, составляющие один противопоставленный класс, разбиваются на четыре основных типа. Ср. схематическое представление классификации сложноподчиненных предложений.

I. Предложения нерасчлененной структуры.

а) Предложения с союзной связью частей.

1) Изъяснительные предложения.

2) Компаративные предложения.

3) Определительные предложения.

б) Предложения с местоименной связью частей.

1) Предложения с местоименно-вопросительной связью частей.

2) Предложения с местоименно-относительной (анафорической) связью частей.

II. Предложения расчлененной структуры.

1) Предложения, выражающие временные отношения.

2) Предложения со значением обусловленности.

3) Предложения, выражающие сравнительные отношения.

4) Предложения, выражающие сопоставительные отношения.

Рассмотренная схема дает лишь общее представление о классификации сложноподчиненных предложений. Необходимо, кроме того, иметь в виду следующие обстоятельства: а) все предложения с нечеткой границей между присловным и неприсловным положением придаточной части описываются в системе нерасчлененных конструкций; б) почти все типы нерасчлененных предложений имеют свою очень дробную рубрикацию, в которой учитываются и характер союза или союзного слова и выражаемые отношения; в) предложения расчлененной структуры со значением обусловленности подразделяются на следующие типы: 1) предложения, выражающие условные отношения, 2) предложения, выражающие причинные отношения, 3) предложения, выражающие уступительные отношения, 4) предложения со значением цели, 5) предложения со значением следствия.

Эта классификация, по необходимости дробная и разветвленная в отдельных ее фрагментах, дает четкое представление о типологии структурных средств сложноподчиненного предложения, сгруппированных в два грамматических класса (а) союзы, союзные слова; б) союзы, аналоги союзов) в зависимости от характера соотнесенности придаточного предложения с главным. Семантические признаки предложений интегрируются в большие комплексы (изъяснительные предложения, определительные предложения, предложения со значением обусловленности и др.), которые в описательном анализе дополнительно расчленяются на типы, подтипы и разновидности того или иного сложноподчиненного предложения.

Классификацию сложноподчиненных (и сложносочиненных) предложений целесообразно было бы представить графически (ср. графическое представление систематизации схем простого предложения - с.97); в этом случае, при учете иерархических отношений выделяемых типов предложения, она могла бы быть и более наглядной,и более четкой.

Если в систематизации сложного предложения авторы идут от структурных средств к значению предложения - такой подход продолжает и развивает традиции русской грамматики XX в., то в конкретном описании сложных построений основное внимание исследователей привлекает смысловое содержание союзов и союзных слов, придаточного и главного предложения и составляющих их компонентов. Смысловое содержание сложного предложения рассматривается обычно в плане семантического приспособления одного синтагматического компонента к другому (другим). Так, при характеристике изъяснительных предложений последовательно отмечается, какие именно слова могут выступать в роли предиката в главной части (жаль только, что "перечни здесь и везде далее не исчерпывающие" - с.472, такие списки крайне необходимы), причем круг таких слов указывается каждый раз особо - в зависимости от их сочетаемости с разными союзами (что, будто, как, чтобы и др.). Описательный анализ изъяснительных предложений имеет и другую направленность - от зависимого предложения к главному. Эта направленность является доминирующей, так как типология придаточных предложений определяется по семантическому характеру сферы употребления союзов: 1) предложения с союзами, принадлежащими сфере повествования (что, будто, как и др.); 2) предложения с союзами, принадлежащими сфере волеизъявления (чтобы, как бы, чтобы не, как бы не); 3) предложения с союзами, принадлежащими сфере вопросительной речи (ли, или... или, то ли... то ли).

Анализируя структуру изъяснительных предложений и коммуникативную значимость их частей, автор приходит к выводу о том, что в семантическом плане содержание придаточного предложения предопределяет возможности выбора опорного слова в главной части, тогда как в грамматическом плане опорное слово синтаксически подчиняет себе придаточное предложение (с.482). О глубоком проникновении в смысловое содержание как главной, так и

придаточной части свидетельствует четкая классификация модальных вопросов (полный - частичный, открытый - закрытый), определяющих особенности строения предложений с союзами, принадлежащими сфере вопросительной речи (см. с.479-481).

Много новых и интересных наблюдений над семантическим строением сложноподчиненного предложения содержит раздел "Предложения с местоименно-относительной (анафорической) связью частей" (с.512-539). В этом типе синтаксических отношений выделяется ориентированная анафорическая связь ("относит. местоименное слово отсылает к лицу, предмету или событию, названному в предшествующем предложении знаменательным словом" - с.513) и неориентированная анафорическая связь ("относительное местоименное слово отсылает к лицу, предмету или событию, которые остаются не названными, а лишь неопределенно обозначенными (указанными)" - с.513). В обобщающей характеристике этого противопоставления подчеркивается: "Отношения, оформляемые средствами ориентированной связи, принадлежат семантическому плану определенности; это отношения определительные, распространительно-изъяснительные и распространительно-обстоятельственные. Отношения, оформляемые средствами неориентированной связи, принадлежат семантическому плану неопределенности; это неопределенно-обобщительные отношения" (с.513).

Несомненный интерес вызывает новая, хотя и не бесспорная характеристика грамматических отношений главного и придаточного предложения. Рассматривая корреляцию указательных и относительных слов, И.Н.Кручинина полагает, что между ними или нет вообще грамматической связи (там - где), или эта связь недостаточна (тот - кто, то - что). "Не ясно и самое направление зависимости, т.е. то, что с чем согласуется: относительное слово с указательным или наоборот. Поэтому целесообразно вообще вывести связь между указательным и относительным местоимениями за рамки зависимости и рассматривать ее как особую разновидность местоименного повтора" (с.532). Но если согласиться с этим выводом, то данные синтаксические структуры следовало бы рассматривать за пределами сложноподчиненных предложений.

Описание сложноподчиненных предложений расчлененной структуры и сложносочиненных предложений (автор разделов М.В.Ляпон)

логически объединяется тем, что основным средством выражения грамматической зависимости или независимости являются союзы - подчинительные или сочинительные. Известно также, что в предложениях расчлененной структуры придаточная часть не занимает присловной позиции, в семантическом отношении она более самостоятельна, чем придаточная часть предложений нерасчлененной структуры, а это дополнительно свидетельствует о грамматической сближенности сложных построений двух противопоставленных структур. Основа их противопоставленности формируется грамматическим различием союзов, которые предопределяют не только грамматические признаки вводимых ими компонентов (частей предложения), но и в известной мере их общую семантику. Следовательно, теоретическая база описания сложных построений обоих типов может быть подготовлена в результате решения двух взаимосвязанных проблем: а) семантика и функционирование союзов, б) влияние семантики союзов на общее значение предложения.

Исходные теоретические позиции автора этих разделов четко обозначены в следующих положениях: "Оформляя связь, союз в то же время выполняет квалифицирующую функцию: он обозначает - с разной степенью конкретизации - отношения между соединяемыми предложениями или их членами" (Русская грамматика. Т.I. М., 1980, с.713); "Каждый союз является носителем определенного квалифицирующего значения. Это значит, что союз уже сам по себе характеризует (определяет, квалифицирует) то отношение, которое устанавливается между соединяемыми частями конструкции, а в некоторых случаях (при подчинении) - и само содержание подчиняемой части" (Там же, с.714). Вывод о том,что каждый союз обладает квалифицирующей функцией является перспективным, но, как следует из заключительного уточнения, он не распространяется на сочинительные союзы или же распространяется на них с известными ограничениями.

С этим выводом можно было бы согласиться, если бы под квалифицирующей функцией союзов подразумевалась сигнализация отношений типа: соединительные, разделительные, изъяснительные, причинные и т.п. Но подчинительные союзы могут выражать и более специализированную квалификацию, такие значения, как одновременность или очередность, достоверность или недостоверность, нереальную обусловленность или потенциальную обусловленность

и др. Сочинительные союзы подобных значений не выражают. Как справедливо отмечается в РГр., "специфика союзов, с которыми строятся расчлененные конструкции, определяется тем, что многие из этих союзов имеют непосредственное отношение к модальному значению конструкции" (с.541). Сочинительные союзы этой особенностью не обладают, хотя некоторые из них "способны вносить в предложение значения, близкие к субъективно-модальным характеристикам, оформляемым вводными словами и модальными частицами: сочинительная связь может иметь оценочную модальную окраску" (с.616). Следовательно, обобщающий вывод о квалифицирующей функции каждого союза требует если не существенных ограничений, то соответствующих уточнений.

Необходимые уточнения даются при описании функциональных свойств союзов и в конкретном анализе семантического строения сложноподчиненных и сложносочиненных предложений. Этим целям служит прежде всего использование таких понятий, как союзы дифференцированных значений и союзы недифференцированного значения, лексические конкретизаторы при союзе, аналоги союзов.

Исходная противопоставленность союзов определяется по степени зависимости их семантики от контекста. Одни "союзы узко специализированы, потенциально однозначны и поэтому выполняют дифференцирующую функцию без участия контекста. Это - союзы дифференцированных значений. Они противопоставлены потенциально неоднозначным союзам, т.е. союзам недифференцированного значения" (с.540).

Противопоставление союзов недифференцированного значения союзам дифференцированных значений характеризует в основном систему подчинительных союзов. Среди сочинительных союзов дифференцированные значения выражают лишь союзы то есть, а именно, а то и (см.: с.629). Это обстоятельство и объясняет введение понятий конкретизаторы союзов и аналоги союзов, которые используются прежде всего при характеристике сложносочиненных предложений.

Что же представляют собой конкретизаторы союзов и аналоги союзов? Более или менее развернутый ответ на этот вопрос содержится в первом томе РГр. Рассмотрим вначале определение конкретизаторов союзов: "По отношению к сочинительным союзам семантически дифференцирующую функцию часто выполняют специаль-

ные конкретизаторы, т.е. слова и словосочетания, которые подключаются к союзу и уточняют его значение" (Русская грамматика. Т.I., с.714). Ср. примеры: и потому, и поэтому, и в результате, и оттого, и тем самым, и стало быть, и следовательно и т.п. Конкретизация подчинительных союзов осуществляется при их соединении с предложными сочетаниями. Ср.: после того как, ввиду того что, несмотря на то что, вопреки тому что, не в пример тому как, подобно тому как и т.п.

Аналогами союзов являются слова с квалифицирующим лексическим значением, вовлекаемые в сферу союзных средств. Ср.: вдобавок, ведь, вернее, впрочем, выходит, далее, дальше, еще, затем, зато, значит, именно, иначе, кстати, лишь, наконец, наоборот, например, напротив, однако, особенно, потом, потому, поэтому, правда, притом, причем, просто, скорее, следовательно, собственно, теперь, тогда, только, точнее. Необходимо также иметь в виду, что "многие из таких аналогов широко употребительны в качестве конкретизаторов при семантически недифференцированных союзах: и вдобавок, да еще, а значит, и наоборот, а потому, а следовательно, но зато, но только, или иначе" (Русская грамматика. Т.I., с.715). При описании соотнесенности союзов с другими частями речи от аналогов союзов они не отделяются.

Характеристика функциональных свойств конкретизаторов и аналогов союзов существенно уточняет исходные теоретические положения, но она, как представляется, не подтверждает вывод о том, что каждый союз обладает квалифицирующей функцией. Собственно квалифицирующая функция (однозначно квалифицирующая, определяющая, конкретизирующая) сочинительным союзам, по-видимому, не свойственна. В сложном предложении сочинительные союзы обладают только грамматической функцией: они обозначают грамматическую независимость соединяемых частей и определяют грамматический тип соединительных отношений между скрепляемыми частями (отношения собственно соединительные, разделительные, сопоставительные и др.). Квалифицирующая функция свойственна не самим сочинительным союзам, а их лексическим конкретизаторам. Квалифицирующая функция аналогов союзов не вызывает сомнений, но их грамматический статус и их лексический состав достаточно строго не определен.

Опыт активного использования понятий конкретизаторов союзов, аналогов союзов открывает новые перспективы в дальнейшем изучении сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Вместе с тем использование этих понятий дополнительно свидетельствует о целесообразности и необходимости строгого противопоставления константных величин (союзы) и переменных величин (конкретизаторы и аналоги союзов) синтаксического строя русского языка.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. Каким бы подробным ни был настоящий обзор, он не в состоянии охватить не только всего комплекса теоретических проблем, получивших свое освещение в РГр., но даже и тех наиболее важных теоретических вопросов, которые в РГр. нашли принципиально новое решение, служащее надежным ориентиром синтаксических исследований нашего времени. "Русская грамматика", не имеющая себе равных по обстоятельности и многоаспектности описания синтаксических явлений, стала основным источником научных сведений о синтаксическом строе русского языка.

Т.В.Шмелева

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС

1. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта. // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
2. Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка (К проблеме предикативного отношения). // ИАН СЛЯ, 1980. № 4.
3. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. // Аспекты семантических исследований. - М., 1980 (а).
4. Арутюнова Н.Д. Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981. - М., 1983 (а).
5. Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций. // ИАН СЛЯ. 1983, № 4. (б).
6. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). - М.; 1983. (в)
7. Байдуж Л.М. Конструкции с союзом ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО и их место в системе средств выражения причинно-следственных отношений: Автореф. дис... канд. филол. наук. Томск, 1983.

8. Белошапкова В.А. Синтаксис. // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. - М., 1981.
9. Белошапкова В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения. // Вестн. МГУ. Сер.9. Филология. - 1981. - № 2.(а)
10. Бондаренко И.В. О типах полипредикативных структур с инфинитивом в функции предиката зависимой части. // Инфинитивные формы глагола. Сб. науч. тр. - Новосибирск, 1980.
11. Бондаренко И.В. Заместительные конструкции с союзом ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ в современном русском языке. // Синтаксис алтайских и европейских языков. - Новосибирск, 1981.
12. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи. // Аспекты семантических исследований. - М.,1981.
13. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке. // Семантические типы предикатов. - М., 1982.
14. Васильев Л.М. Принципы семантической идентификации глагольной лексики. // Семантические классы русских глаголов. - Свердловск, 1982.
15. Володина Г.И. Условия формирования значения наличия у некоторых предикатов. // Русский язык для студентов-иностранцев, № 18. - М., 1979. (а)
16. Володина Г.И. Формальный и семантический анализ предложений со значением наличия: Автореф. дис... канд. филол. наук. - М., 1979.(б)
17. Вольф Е.М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания. // ИАН СЛЯ, 1981. № 4.
18. Вольф Е.М. Состояния и признаки. Оценки состояний. // Семантические типы предикатов. - М., 1982.
19. Вольф Е.М. К вопросу о классификаторах признаков. // Филол. науки. - М., 1982. - № 2. (а)
20. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. - Саратов, 1981.
21. Гайсина Р.М. К семантической типологии глаголов русского языка. // Семантические классы русских глаголов. - Свердловск, 1982.
22. Золотова Г.А. Некоторые вопросы синтаксической теории и обучения языку. // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. - М., 1980.

23. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М., 1982.
24. Исламджанова Х. Закономерности построения предложений, обозначающих ситуацию движения: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1982.
25. Камынина А.А. О структуре предложных оборотов с предикативным значением. // Вопросы русского языкознания, вып.2.- М., 1979.
26. Камынина А.А. О синтаксической связи деепричастия в современном русском языке. // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. - М., 1980.
27. Камынина А.А. О двух функциях аппозиции в простом предложении современного русского языка. // Вопросы русского языкознания. Вып. 3. - М., 1980. (а)
28. Камынина А.А. Связь полупредикативной функции и глагольности причастия (на материале действительных причастий). - Вестн. МГУ, сер. 9. Филология. - 1981. - № 6.
29. Камынина А.А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. - М., 1983.
30. Кибрик А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках. // ИАН СЛЯ. 1980. № 4.
31. Ковалева Л.М. Проблемы анализа конструкций с предикатными актантами. // Вопросы грамматики русского языка. - Иркутск, 1981.
32. Ковалева Л.М. О понятии агенса (К проблеме семантических актантов). // Функциональный анализ синтаксических структур. - Иркутск, 1982.
33. Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. - М., 1979.
34. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. - Воронеж, 1980.
35. Крамских С.В. Смысловая организация местоименно-соотносительных (отождествительных) предложений в современном русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1982.
36. Крейдлин Г.Е. Об одном типе синтагматически обусловленной номинации. // НТИ ВИНИТИ. Сер.2. - М., 1982. - № 3.
37. Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В. Денотативный статус отглаголь-

ных имен. // НТИ ВИНИТИ. Сер.2. - М., 1981. - № 12.
38. Крысин Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц. // РЯШ. - 1983. - № 3.
39. Кузнецова Э.В. Итоги и перспективы классификации русских глаголов. // Семантические классы русских глаголов. - Свердловск, 1982.
40. Латышева А.Н. О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке. // Вестн. МГУ, сер.9. Филология. - 1982. - № 5.
41. Леонтьев А.П. Обращение как компонент высказывания. // Вопросы грамматики русского языка. - Иркутск, 1981.
42. Леонтьев А.П. Полипредикативность и другие аспекты сложности предложения // Функциональный анализ синтаксических структур. - Иркутск, 1982.
43. Леонтьев А.П. Моносубъектные полипредикативные конструкции современного русского языка (Сопоставительное описание структур с нулевым подлежащим и дубль-подлежащим): Автореф. дис... канд. филол. наук. - Томск, 1982. (а)
44. Падучева Е.В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения. // НТИ - М. - 1979. - №9.
45. Падучева Е.В. Местоимение ЭТО с предметным антецедентом.// Проблемы структурной лингвистики 1979. - М., 1981.
46. Падучева Е.В. Значение и синтаксические функции слова ЭТО. // Проблемы структурной лингвистики 1980. - М., 1982.
47. Падучева Е.В. Референциальные аспекты высказывания (семантика и синтаксис местоименных слов): Автореф. дис... докт. филол. наук. - М., 1982. (а)
48. Рябова А.И. Особенности употребления деепричастного оборота в предложениях пассивной перспективы с причастным сказуемым. // Вестн. МГУ, сер.9. Филология. - 1981. - № 2.
49. Рябова А.И. Условия и способы реализации субъектной валентности деепричастия в простых двусоставных предложениях с глагольным и причастным сказуемым: Автореф. дис... канд. филол. наук. - М., 1982.
50. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка. // Семантические типы предикатов. - М., 1982.

51. Степанов Ю.С. Иерархия имен и ранги субъектов. // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.

52. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. - М., 1981.

53. Усова Н.В. Об одном типе противительных конструкций с союзом НО. // Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. - Новосибирск, 1980.

54. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных. // Семиотика и информатика, вып.II. - М., 1979.

55. Хегай В.М. О типах разделительных рядов. // Вопросы русского и общего языкознания, № 580. - Ташкент, 1979.

56. Хегай В.М. Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1981.

57. Хегай В.М., Шмелева Т.В. Предикативность и пропозитивность в простом и сложном предложении. // Синтаксис сложного предложения. - Калинин, 1978.

58. Храковский В.С. О правилах выбора "вежливых" императивных форм (Опыт формализации на материале русского языка). // ИАН СЛЯ. 1980. № 3.

59. Храковский В.С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций). // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. - Л., 1981.

60. Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. - Новосибирск, 1979.

61. Черемисина М.И. Моносубъектная конструкция. Понятие и типология. // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база (на материале сибирских и европейских языков).- Новосибирск, 1980.

62. Черемисина М.И. О семантической специфике компаративного имени. // Языки и фольклор народов Севера. - Новосибирск, 1981.

63. Черемисина М.И. Об "однородных сказуемых". // Вопросы грамматики русского языка. - Иркутск, 1981.(а)

64. Черемисина М.И. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением ТО. // Функциональный анализ синтаксических структур. - Иркутск, 1982.

65. Шмелева Т.В. Смысл и формальная организация двукомпонентных инфинитивных предложений в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1979.
66. Шмелева Т.В. Пропозиция и ее репрезентация в предложении.// Вопросы русского языкознания. Вып.3. - М., 1980.
67. Шмелева Т.В. Социальный аспект смысла предложения. // РЯЗР, № 2, 1981.
68. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения. // РЯЗР, № 1, 1983.

0. За штурмом семантики предложения, о котором с легкой руки Н.Д.Арутюновой стали говорить в середине 70-х годов, последовала, как и можно было ожидать, настоящая осада - с методичными упорными атаками, постоянным добыванием конкретных сведений, а затем корректировкой общей картины наступления. Так в самом общем виде можно охарактеризовать обозреваемый период, развивая популярную метафору. Итог этой осады - дифференциация представления лингвистов о смысле предложения, выделение и осмысление его разных а с п е к т о в , накапливание знаний о каждом из них.

Показательно в этом отношении сопоставить два варианта вузовского курса синтаксиса современного русского языка, изложенных В.А.Белошапковой в 1977 (Современный русский язык. Синтаксис. М., Высшая школа, 1977) и в 1981 [Белошапкова, 81]. В первом о семантической структуре говорится общо, как о типовом, "обобщенном информативном содержании предложения" (с.11), дифференцированно рассматриваются только подходы к его изучению. В новом же варианте курса, где смыслу предложения отведено даже просто больше места, о нем идет речь как о "комплексе разных по своей природе компонентов" [Белошапкова, 81, с.475; см. гл.: "Смысловая организация предложения"].

Небесполезным кажется обратиться и к работам, материалом которых послужили другие европейские языки: они достаточно точно отражают ситуацию в современной отечественной синтаксической науке, часто представляя весьма плодотворный синтез идей различных национальных школ в лингвистике. Так, в книге "Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис" В.Г.Гака (М., 1981) есть глава "Аспекты семантики предложения" (с.117-131).

Подчеркивает многоаспектность семантики высказывания О.И.Москальская, см. 2-е издание ее книги "Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка),(см. с.138,154-157). О двух структурах в содержании предложения - денотативной и квалификативной - говорит Е.М.Вольф, см. ее книгу Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков (М., 1978, с.20). Три компонента в предложении - внешне-ситуационный, акто-речевой и коммуникативный - предлагает выделять А.Е.Кибрик, рассуждая с позиций исследователя языков экзотических, не освещенных лингвистической традицией [Кибрик,80]. В исходные положения Группы типологического изучения языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР входит тезис о семантической структуре предложения как "сложном многослойном образовании, в котором следует различать по меньшей мере пропозитивный, модальный, темо-рематический и анафорический компоненты". - Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами (Л., 1983, с.13).

Задача обзора видится не в том, чтобы перечислить и пересказать вышедшие за обозреваемый период работы, зафиксировать обнаружившиеся в них совпадения и расхождения, сгруппировать их так или иначе, а в том, чтобы попытаться все добытые (пусть разными путями) знания о смысле предложения свести в единую картину смысловой организации предложения.

Главнейшая характеристика этой картины - представление о бинарности смысловой организации предложения, соединенности в ней субъективного и объективного содержания. Эта, вообще говоря, не новая мысль, известная из работ Ш.Балли с наименованиями "модус" и "диктум", стала в обозреваемый период общепризнанной, можно сказать, вошла в число синтаксических аксиом [см.: Белошапкова, 81, с.475; Колосова, с.51; Крамских, с.3; Шмелева, 79, с.6 и др.]. Развитие ее состояло в детализации представлений о модусе и диктуме как относительно самостоятельных и семантически сложных частях смысловой структуры предложения.

Это обстоятельство определило композицию обзора: рассматриваются выявленные аспекты модуса, затем - диктума, в завершение - несколько традиционных синтаксических вопросов, получивших новое освещение с учетом отношений диктума и модуса.

I. Модус предложения, как теперь совершенно ясно, представляет собой некоторый спектр смыслов, обязательных и факультативных, эксплицитных и имплицитных в составе реального высказывания.

Попытки описать модус во всем его объеме, исчислить все модусные значения предпринимались как вспомогательные операции при решении конкретных синтаксических проблем.[См., напр., Шмелева, 79]: персонализация, временная и пространственная локализация, модальность, авторизация, персуазивность, оценочность. Только часть перечисленных смыслов включена в состав модуса В.А.Белошапковой: предикативность (то есть модальность и временная локализация) и персуазивность;,кроме того, целеустановка, понимаемая как противопоставленность вопросительности/невопросительности [Белошапкова, 81, с.477-479]. Т.В.Шмелевой между тем этот список пополнен еще тремя категориями - социальной, речевой и номинативной [Шмелева, 81; Шмелева, 83, с.73].

Эти многочисленные и довольно разнообразные категории объединяются в группы одного предназначения в смысле предложения, что и дает основания говорить о нескольких аспектах модуса.

I.I. Актуализационный аспект составляют персонализация, временная и пространственная локализация - категории, фиксирующие отношение пропозитивного содержания высказывания к оси времени, пространству и участникам общения относительно ситуации общения и ее центрального действующего лица - говорящего. Единое предназначение этих категорий давно ощущалось лингвистами,(см. понимание предикативности у В.В.Виноградова); сейчас это единство подтверждается развитием теории референции (весьма важным в этом отношении представляется выход тома переводов зарубежных логических и лингвистических работ - Новое в зарубежной лингвистике. вып. XШ, Теория референции (Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. - М., 1983).

Как указывает в предисловии к названному тому переводов Н.Д.Арутюнова, "референция - это способ "зацепить" высказывание за мир" (с.18), при этом важны "зацепки" за предметы и за события, эти последние и составляют часть модуса предложения, его актуализационный аспект.

Подход к актуализации с позиций теории референции осуществлен в исследованиях Е.В.Падучевой, рассматривающей местоимен-

ные слова и некоторые другие актуализаторы [Падучева, 82, с.19].

К актуализационным аспектам высказывания обращается Т.В.Булыгина, анализируя предикаты с учетом проявления в их семантике "суперкатегории пространственно-временной локализованности" [Булыгина, 80, с.344-355; Булыгина, 82, с.28]. Особый аспект актуализации выделяет М.И. Черемисина, говоря о субъектной предикации и возможности для нее абсолютного и относительного установления [Черемисина, 79, с.63].

В изучении актуализационного аспекта высказывания отмечены факты его взаимодействия с другими категориями модуса и некоторыми диктумными значениями.

Так, персонализация небезразлична к значениям оценочности: высказывания с положительной оценочностью от первого лица - Как я умен и красив - воспринимаются по крайней мере как неестественные [Вольф, 82, с.326], сомнительны высказывания типа Она умна, но я в это не верю, Я воображаю, что я остроумен [Падучева, 82, с.26].

Возможности актуализации связаны с характером описываемого события (диктумом), это хорошо иллюстрирует ситуация состояния: характеристика состояния субъекта может быть "подана" от 2-го лица, самого испытывающего состояния, - мне грустно, холодно и т.д. Для высказываний о других лицах более естественен модус предположения - Мне кажется, тебе грустно, холодно. Для предложений со 2-м и 3-м лицом более характерна информация о внешнем проявлении состояния - Вы бледны - вы нездоровы? [Вольф, 82, с.325]. Фразы типа Вы счастливы вряд ли выглядят естественно.

Ю.С.Степанов отмечает невозможность приписать первому лицу действий, называемых глаголами плавиться, литься, течь, трескаться, раскалываться, лопаться [Степанов, 81, с.88].

Особенно существенно взаимодействие временной актуализации с референтным аспектом диктума. Здесь, как показала Е.В.Падучева, существует целый ряд "устойчивых корреляций между денотативным статусом пропозиции и статусами входящих в ее состав предметных термов", частноутвердительный статус пропозиции (т.е. актуализация 'сейчас', 'тогда') предполагает референтное употребление имен; общеупотребительный статус ('обычно', 'всег-

да') - родовое употребление термов; ср. Мальчишки побили кошку и Норвежцы высокого роста; см. также *Вчера он прочел какую-нибудь лекцию [Падучева, 82, с.19].

Аналогичные явления отмечает Т.В.Булыгина, указывая на сочетаемость предикатов типа хищник, редкостный, быть в моде только с родовыми субъектами - *Мы увидели тигра. Он был хищник. Другие предикаты допускают только конкретную временную локализацию и поэтому сочетаются только с референтными субъектами - навеселе, пьян, голоден [Булыгина, 82, с.29].

Именно этот "пункт" взаимодействия модуса и диктума разграничивает понятия качества (умения, привычки, свойства) и явления [Булыгина, 82, с.12-30], а это основное разграничение в классификации предикатов Т.В.Булыгиной. Его значимость подчеркивает, правда, приводя иные аргументы, и О.Н.Селиверстова. Она выделяет как особую группу "предикаты класса и свойства", характеризующиеся тем, что они не могут непосредственно лежать на оси времени [Селиверстова, с.91], т.е. получать конкретные актуализации 'сейчас', 'тогда'. Отсюда их сочетаемость с генерическим показателем вообще-то и темпоральными распространителями "значительной временной протяженности" - Раньше он часто бывал печален, ср. *Раньше он был печален, а потом развеселился (с.93).

I.2. Квалификативный аспект модуса составляет сумма оценок, квалификаций говорящим описываемых событий и информации о них - модальность, авторизация, персуазивность, оценочность.

Наиболее притягательной для лингвистов в обозреваемый период стала оценочность "в узком или собственном смысле, связанная с противопоставлением "хорошо/плохо" [Вольф, 81, с.392].

В структуру оценочной ситуации, помимо самой оценки с соответствующим знаком, входят субъект, объект и мотив оценки, точка отсчета, основание [Вольф, 81, с.394]. Последний элемент имеет устойчивую тенденцию проявляться имплицитно, "уходя корнями" в известную в данном социуме шкалу ценностей [Вольф, 81, с.394,397].

Противопоставленные "нейтральным" в этом отношении предложениям (которые нельзя продолжать словами "и это хорошо/плохо") [Вольф,81, с.396], оценочные высказывания располагаются на шкале по удельному весу оценочности в их семантической структу-

ре. Плюсы этой шкалы - собственно оценочные предложения, где оценка выражена в предикате, - и такие, где оценочность "встроена" в дескриптивную структуру, выражаясь ее факультативными элементами или присутствуя имплицитно; см. отрицательную оценочность, не содержащуюся ни в одной из лексем предложения Надзиратель думал только о своих выгодах [Вольф, 81, с.397].

"Обслуживают" оценочность либо специально предназначенная для этого лексика, в первую очередь адъективная плохой/великолепный, либо совмещающая оценочный компонент с качественным. При этом существует механизм "переключения знака" оценки, напр., наречия слишком и чересчур [Вольф, 81, с.393-394].

Анализ оценочных конструкций выявляет среди них более общие, напр., "субстантив + адъектив", и более специализированные, напр., на оценке событий (о блоке таких предложений см.[Шмелева, 79]).

Н.Д.Арутюнова описала особый случай оценочности - через сравнение, его связь с логическим аспектом семантики предложения и прагматикой [Арутюнова, 83].

Персуазивность исследовалась главным образом в связи с изучением семантики модальных слов[1].

I.3. Социальный аспект модуса содержит информацию от отношении говорящего к адресату речи - нейтральном, подчеркнуто учтивом, дружески-фамильярном, откровенно неприязненном и грубом [Шмелева,81].

Этот аспект русским языком, если можно так сказать, слабо разработан, в отличие от восточных языков в нем социальный аспект факультативен и собственными средствами практически не располагает - см. о слове пожалуйста как показателе вежливости [Храковский, 80, с.277].

Самое регулярное и ощутимое средство социального аспекта - "игра" местоимений ты и вы и соответствующих форм глагола. В

---

[1] См., напр., кандидатские диссертации Ламбардзян С.П. Значение уверенности/неуверенности в разных по целенаправленности типах простого предложения в русском языке. М., 1981; Степенко Л.И. Субъективно-модальные частицы в современном русском литературном языке. Воронеж, 1982; Яковлева Е.С. Значение и употребление слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности. М., 1983 и другие работы этих авторов.

статье В.С.Храковского [Храковский, 80] убедительно показано, что наши представления о назначении этих форм и правилах выбора их в реальных фразах не совсем точны. По В.С.Храковскому, формы множ. числа так же нейтральны, как и их сингулятивные корреляты. Различия в их употреблении определяются взаимным отношением говорящего и слушающего по трем признакам: младший/старший, свой/чужой, начальник/подчиненный по службе. При расхождении признаков лучше ошибиться, выбрав форму множ. числа, чем единственного; поэтому услышав стук в дверь, мы можем сказать только "Войдите" - и альтернатива исключена.

Выбор форм императива, таким образом, определяется не хорошим или плохим отношением говорящего к собеседнику, а соотношением их социальных ролей.

На социальную значимость частицы - ка и некоторых примет синтаксических структур указывает Л.П.Крысин [Крысин ,83].

I.4. Метакатегории модуса составляют смыслы, характеризующие говорение с различных сторон и отбор номинативных средств для построения предложения. Для них характерно имплицитное присутствие в структуре предложения, и эксплицируются они только в случае "отклонения от стандарта".

Так, отмечается специальная конструкция, к которой прибегает говорящий, не имея возможности выбрать единственную номинацию - это разделительные ряды с союзами не то... не то..., то ли... то ли: Они [пингвины] сидят, запрокинув головы и свесив не то ручки, не то крылышки, не то ласты (Ю.Олеша) - 'то, чему трудно подобрать название' [Хегай, 70, с.43-44; Храковский, 81, с.5,9-10]. Причин такого выявления номинативного аспекта несколько [Хегай, 79, с.43], эффект же его - персуазивный.

Более эксплицитный способ проявления номинативного аспекта - местоименно-относительные конструкции с глаголами типа называть в придаточном. Они используются при затруднениях говорящего в выборе номинации или нежелании использовать имеющуюся номинацию как свою, напр., То, что вы называете общественным положением, составляет привилегию капитала и образования (А.Чехов). Такая номинативная функция отождествительных конструкций описана С.В.Крамских [Крамских ,82].

Речевой аспект модуса содержит информацию о целях данного речевого действия (ср. целеустановку В.А.Белошапковой), его

жанре и месте в тексте [Шмелева, 83, с.73]. Как показано Шмелевой, описание этого аспекта смысла предложения может быть построено как исчисление правил построения предложения и случаев, когда их приходится нарушать. Для "обслуживания" таких случаев русский язык располагает набором лексем - пожалуй, буквально - и идиом - так сказать, как говорится и под.

В более общем виде проблема речевого поведения обсуждается в работах: Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегия общения (интерпретирующий подход и аргументации). - Изв. АН СССР, СЛЯ, т.41, № 4, 1981; Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэррола. - Семиотика и информатика. Вып.18, М., 1982.

2. Изучение диктума велось в двух направлениях, которые условно можно обозначить как "количественное" и "качественное".

2.1. Первое направление связано с разрешением вопросов о возможности диктума отображать различный объем объективной информации и представлять отношения между ее элементами. Естественно, что при такой постановке вопроса оказалось недостаточным оперировать понятием "диктум", возникла необходимость в понятии 'единица диктумного содержания'. В таком значении используются термины пропозиция [Шмелева, 79, с.6; Кибрик, с.327; Белошапкова, 81, с.481; Крамских, с.3; Падучева, 82, с.8-9], ситуация [Гайсина, 81, с.18; Леонтьев, 82, с.53-54; Леонтьев, 83, с.3], событие [Колосова, 80; Черемисина, 82, с.9-11], а также положение дел [Булыгина, 82, с.8], фрагмент действительности, факт... (ряд, видимо, открытый).

Различий между этими терминами, как правило, не устанавливается, да они и не существенны для исследований данного аспекта; (ср., однако [Булыгина, 82, с.84-85]). Более "работающим" здесь оказывается различие моно- и полиструктур диктума: моно/полипропозитивность [Хегай, 78, с.117; Белошапкова, 81, с.484, 512; Крамских, 82 с.3 и сл.]; моно/полисобытийность [Колосова, 80 с.31, 35] и моно/полиситуативность [Леонтьев, 82, с.53-54; Леонтьев, 82, с.20]. Используются также и термины полипредикативность [Черемисина, 79, с.12; Колосова, 80 с.81, 83; Золотова, 80, с.164-165] и многокомпонентность [Колосова, 80, с.50 и сл.] при анализе семантики предложения.

"Количественная" проблематика более естественная по отношению к диктуму сложного предложения - единицы принципиально полипропозитивной [Белошапкова, 81, с.512] . В.А.Белошапкова перечисляет целый ряд конструкций сложноподчиненного предложения, "склонных" к потере одной пропозиции из состава диктума "в пользу" модуса: отождествительные местоименно-соотносительные, присубстантивные, изъяснительные и некоторые другие: Хорошо, что Иван Иванович приехал [Белошапкова, 81, с.512]. Им должны противостоять конструкции "более пропозитивные, чем предикативные". Таким образом, в изучении количественного аспекта диктума сложного предложения за точку отсчета принимается количество предикативных единиц, а счет пропозиций ведется относительно этого числа, выявляя предложения с "больше"-диктумом и предложения с "меньше"-диктумом.

2.I.I. "Меньше"-диктум обнаруживается в предложениях с повышенным удельным весом модуса, в пользу которого и оказывается отнятой у диктума одна пропозиция; они рассмотрены в [Крамских ,]

Взгляд на "уход" пропозиции в модус как на ее "утрату" свойственен не всем синтаксистам;так, М.И.Черемисина, анализируя изъяснительную конструкцию, говорит о двух событиях, подчеркивая только их функциональную неравнозначность [Черемисина, 82, с.II]. Аналогично, видимо, рассуждает и Г.Л.Золотова, считая простые предложения, близкие к изъяснительным (Доброта Качалова была широко известна), в частности конструкции с авторизацией (Одновременно наблюдается активность комаров) полипредикативными [Золотова, 80, с.239].

Другой случай "убывания" диктума обнаруживается в некоторых предложениях "с однородными сказуемыми". Так, М.И.Черемисина склонна видеть один предикативный акт в предложениях, где описывается одно событие - "либо по схеме экспрессивного лексического или синтаксического повтора ("просил, просил...", "плачет заливается"[2]), либо по схеме "положение при свершении действия + действие" ("сидел писал", "стоит разговаривает") [Че-

---

[2] О таких конструкциях в разговорном синтаксисе см.: Шестопалова В.А. Глагольное удвоение в русской разговорной речи. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1983.

ремисина, 8I, с.I4]. А.П.Леонтьев продолжает этот список случаев, когда двупредикатные структуры могут быть моноситуативными: I) предикаты возглавляют кореферентные выражения: Эдвин Хаббл впервые "разрешил" (т.е. разделил) туманность Андромеды на отдельные звезды" (Ф.Зигель); 2) второй предикат описывает ту же ситуацию, но более расчлененно: Он был горд, слишком горд (Г.Гессе); 3) предикаты только совместно описывают ситуацию: Я слышал привычный голос и не слышал его (Г.Гессе); 4) один из предикатов не имеет номинативного значения, являясь модификатором первого: А я... только и делаю, что вспоминаю (П.Хандке); 5) Предикаты описывают одну ситуацию, давая ее разную временную локализацию: Церковь проповедовала и будет проповедовать веру в нечистую силу (м.Шейнман); 6) Один из предикатов "концептуально комментирует" ситуацию, описываемую другим: Ховоки наказал ворона тем, что сделал его пищей гнилье и помет (Е.Мелетинский) [Леонтьев, 82, с.54; Леонтьев ,82, с4I].

Предложения с кореферентными предикатами могут быть организованы разделительными союзами; так, союз не то... не то В.М.Хегай характеризует как специально предназначенный для связывания нескольких неточных номинаций (термин В.Г.Гака) одного события: ...слышалось, как мать не то плачет, не то поет (И.Бунин).

Такого рода монопропозитивные конструкции могут содержать и пометы неравноправности двух номинаций: "...баба подробно и не спеша рассказывает или, скорее, вслух придумывает все то, что я слышал уже много раз (И.Бунин) [Хегай, 79, с.44].

Монопропозитивные конструкции немодусного типа отмечает и С.В.Крамских. В одних из них "элементарность смысла" создается репрезентацией одной из предикативных единиц отношений экзистенции, для которых более характерно составлять обязательную пресуппозицию высказывания: Толчком может быть все, что существует в мире вокруг нас и в нас самих (К.Паустовский) [Крамских,82,с.89]. Пресуппозитивные смыслы тождества, классификации тоже могут составлять содержание одной из предикативных единиц, делая предложение в целом элементарным (монопропозитивным): То, что он испытывал, было чувством собственной значительности; Бессонов не из тех, кто теряет голову, рискует

без надобности (Ю.Бондарев); таким же свойством обладает и кванторная семантика: В нашей жизни нет ничего, что не кончалось бы рано или поздно (А.Чехов) [Крамских, 82, с.87,89].

С.В.Крамских отмечает, что монопропозитивность такого типа свойственна и сложным предложениям с придаточными присубстантивными: Нет такого солдата, который не мечтал бы стать генералом.

2.I.2. Предложения с "больше"-диктумом рассматриваются в монографии Т.А.Колосовой, одной из самых значительных работ, посвященных асимметричным структурам сложного предложения [Колосова, 80].

Выделив и тщательно описав огромный массив русских конструкций с расхождением количественных показателей предикативности и событийности, Т.А.Колосова убедительно доказывает неслучайность их в системе сложного предложения, связывая это явление в первую очередь с тенденцией языка к экономии.

Т.А.Колосова строит типологию таких конструкций, учитывая главным образом два факта: синтаксический показатель, организующий конструкцию, и числовые соотношения формальной и смысловой структуры, например, 2:3 или 2:4.

Среди показателей выделяются несколько групп.

"Контактирующие скрепы" как если бы, чем если бы, как когда, чем когда, чем какой, чем где, чем сколько, нежели, если бы [Колосова80с.84]. Сам их состав "намекает" на необозначенную пропозицию, по содержанию своему дублирующую предшествующую, обозначенную: слова ее мальчику слышались так точно и ясно, как если бы говорила она прямо над ухом - ср. как они слышались бы, если бы.. [Колосова,80,с.70,75]. Предложения с такими скрепами, как убедительно показывает исследователь, принципиально отличны от явлений речевого эллипсиса [Колосова, 80, с.84].

Взаимодействие смыслов 'негация' и 'ирреальность': Я бы позвал тебя, но жена совсем нездорова - развернутый вариант может быть представлен так: Если бы жена была здорова, я бы позвал тебя к себе, но жена не совсем здорова, поэтому я тебя не зову [Колосова,80с.127]. Роль ирреальности как фактора, обусловливающего количественный рост диктума, хорошо иллюстрирует анализ предложений с а то. Из шести разновидностей таких

предложений, рассмотренных в монографии (с.92-106), только одна представляет собой структуру с трехсобытийным диктумом [Крамских,82,с.103][3] - это предложения альтернативной мотивации от противного: в них союзом вводится событие, осуществление которого зависит от осуществленности события, обозначенного первой предикативной единицей. Иначе говоря, ирреальность второго события вызывает негацию первого, тем самым вводя в семантическую структуру звено, не вербализованное в структуре предложения: Заприте дверь, а то войдут = Заприте дверь, потому что если вы ее не запрете, сюда войдут.

Ценность работы Т.А.Колосовой состоит в описании материала, практически не попадавшего в поле зрения синтаксистов, и в теоретических выводах, из которых здесь важно подчеркнуть такой: семантикой, склонной не проявляться в сложном предложении эксплицитно, но увеличивать его диктум, является негация, ирреальность, причинно-следственные отношения.

С такими выводами согласуются и результаты исследования отождествительных местоименно-соотносительных конструкций, проведенного С.В.Крамских [Крамских82] Дополнительные и осложняющие смыслы "вырастают" в предложениях такой структуры на фоне отождествительной семантики с поддержкой лексики и пресуппозиций, это условные, причинные, уступительные, сравнительные и сопоставительные отношения (пропозиции, в понимании автора). Отмечены и особенности актуализационного аспекта таких предложений; так, условность возникает при внеперсональности, внелокальности и часто вневременности - Где рассудочность, там холодность или Два звука тогда являются полнозначными различителями, когда они встречаются в одинаковом окружении [Крамских, 82,с.12,13]. Роль лексической поддержки наиболее ощутима, по наблюдениям автора, при формировании уступительной семантики - здесь привлекается целый ряд показателей все-таки, все равно, тем не менее, так ведь и, даже и развернутые описания "препятствующих обстоятельств, неблагоприятных условий" [Крамских, 82,с.13,14].

---

[3] Интересно отметить расхождения лингвистов в "подсчетах": С.В.Крамских видит в таких предложениях пять пропозиций - три событийные и две логические.

В работах Т.А.Колосовой и С.В.Крамских рассмотрены принципиально разные случаи осложнения диктума – и по характеру осложняющей семантики, и по способам формальных "намеков" на нее. В конструкциях Т.А.Колосовой оказывается имплицитным событийный смысл, дублирующий уже представленные в предложении события, "намекают" на него средства связи и некоторые семантические характеристики эксплицитных единиц (негация, ирреальность). В отождествительных конструкциях осложняющими становятся логические смыслы – отношения, возникающие между описанными событиями; намекают на них те или другие лексемы в составе предикативных единиц или таких намеков нет совсем – срабатывает пресуппозиция.

Еще один вариант такого рода конструкций анализирует Н.В.Усова [Усова,80]-конструкции с союзом "но" "с имплицитным ожиданием", по определению автора: Уже шла война, но ни он, ни люди, встречавшие поезд, еще не знали о ней. Противительность в таких предложениях невозможно усмотреть между имеющимися предикативными единицами; она связывает вторую предикативную единицу и имплицитное звено, которое реконструируется как ожидание, предполагающееся первым: шла война ⟶ ожидается, что все знают об этом.

Анализ таких предложений привел к необходимости говорить о двух типах ожидания – общезначимом и ситуативном, последнее предполагает "контекстные указания", тогда как первое их практически исключает: Мне шестидесятый год, но я еще никогда не видел такого лета на Балтике (ожидается, что я мог многое видеть) [Хегай, 81].

Рассмотренные конструкции с союзом "но" как бы объединяют свойства двух первых типов: в них имплицитное звено проецируется эксплицитными, но не прямо, и с участием пресуппозиций.

Асимметричные структуры сложного предложения анализируются и в [Байдуж, 83].

2.I.3. Изучение количественного аспекта диктума простого предложения во многом определялось тем, что стал очевиден не только сам факт его полипропозитивности, но и ее неоднородность [Камынина, 81, с.28].

Хорошо известные и достаточно, как казалось, изученные средства "полипредикативизации простого предложения" (термин Г.А.Золотовой - [Золотова, 80, с.223]) - причастные и деепричастные конструкции в первую очередь - в обозреваемый период осмыслялись с общетеоретических позиций семантического синтаксиса, что привело к некоторым уточнениям знаний о таких традиционных объектах синтаксиса[4]. Можно говорить сейчас о некоторой типологии дополнительной предикативности в простом предложении [Камынина, 81, с.28,30].

Важнейшие пункты такой типологии: а) механизм создания дополнительной предикативности, б) роль дополнительного предиката в смысловой организации предложения.

Раскрывая первый пункт, А.А.Камынина противопоставляет =полипредикативность лексическую, возникающую за счет пропозитивного характера семантики слов, занимающих актантные позиции; Он любит пение птиц ср. Он любит море, не считая ее фактом синтаксиса [Камынина, 81, с.28];
=полипредикативность обстоятельственных членов, возникающую при взаимодействии пропозитивной семантики субстантива с лексической семантикой предлога и синтаксическим строением оборота. При всей очевидной справедливости (хотя аргумент явно справедлив) в нем все-таки слышится некая фальшь [Камынина, 79, с.59; Камынина, 81];
=полипредикативность обособленных оборотов с причастием, прилагательным, приложением, предложно-падежной конструкцией атрибутивного характера, возникающую в определенной синтаксической позиции каждой из названных форм за счет формирующихся так или иначе отношений с предикатами и актантами предложения [Камынина, 80, с.15 и сл.; Камынина, 81, с.29].

А.А.Камынина убедительно показывает, что полипредикативность простого предложения - не автоматическое следствие присоединения к предикативному центру одного из известных оборотов, и описывает условия ее возникновения.

---

[4] См. интересную в этом отношении статью: Фролова И.А. Причастный оборот как предикативный компонент древнеславянского предложения. // Сложное предложение в языках разных систем. - Новосибирск, 1977.

Так, напр., обстоятельственный оборот приобретает "предложенческое" содержание только в том случае, если предлог соединяется с именем пропозитивной семантики или предполагающим пропозитивное прочтение в данном случае, соотносящимся с некой лексемой, играющей роль субъекта: можно назвать его всеобщим любимцем во все время пребывания его в школе. При отсутствии таких условий оборот остается обстоятельством монопредикативной конструкции [Камынина, 79, с.54-55].

Обособленное приложение становится дополнительным предикатом только в том случае, когда реализуются нереферентные свойства имени (поэтому такая роль исключена для имен собственных [Камынина, 80, с.26]: Лучший слесарь на фабрике и первый силач в слободе, он держался с начальством грубо; такое употребление субстантива А.А.Камынина называет "именным полупредикативом", противопоставляя его собственно аппозиции, которая работает на субъект, его референциальные характеристики - т.е. вносит в предложение информацию, необходимую для идентификации, естественным образом соотносясь с придаточным определительным [Камынина, 80].

Действительное причастие, по наблюдениям А.А.Камыниной, тоже не всегда делает предложение полипредикативнм: в случае припредикатной постпозиции оно вносит дополнительную информацию в содержание предиката, делая его "многокомпонентным" и "расщепленным": Он стоял красный, растерянный, страдающий [Камынина, 81, с.29] - так, по А.А.Камыниной, обозначается неэлементарная ситуация.

Как показала А.А.Рябова, описав конструкцию, названную ею "перифрастической", даже деепричастие, наиболее "гарантированное" в этом отношении, не всегда образует полипредикатную структуру. В составе такой конструкции деепричастие называет фактически то же событие, что и глагол, но под другим углом зрения: ...в красноватом небе суетно мелькают галки, возбуждая невеселые мысли. Деепричастие, таким образом, вносит свой вклад в семантику модуса, обозначая "воздействие эмоционально-психического плана на некий потенциальный (не всегда эксплицированный) воспринимающий субъект" [Рябова, 82, с.5].

Отмечая бóльшую естественность такого осмысления деепричастия для предложений с неодушевленным субъектом, А.И.Рябова вы-

деляет три типа модусных значений деепричастия: эмоционально-психического воздействия, ассоциативности и иллюзорности - пример последнего: ...седоватые мокрые волосы облипали голову, делая ее странно маленькой [Рябова, 82, с.6].

Не обозначают собственно события и атрибутивные деепричастия, но "работают" они не на модус, а на диктум, входя в состав семантического предиката на правах характеристики глагольного действия: Толстой говорил тоже в о л н у я с ь , со слезами на глазах. Свидетельство непропозитивной роли деепричастия - невозможность его замены финитной формой глагола: Котенок лежал, свернувшись в клубок → *Котенок лежал и свернулся в клубок [Рябова, 82, с.17].

Итак, механизм формирования полипредикатных структур достаточно сложен и "небезотказен". Что же касается ролей дополнительного предиката в предложении, то, обобщая наблюдения А.А. Камыниной, можно сказать, что у всех рассматриваемых форм есть общая (или сходная) роль, которую А.А.Камынина именует ролью "второстепенного сказуемого". Дополнительный предикат 1) находится в теме - поэтому для причастия обязательна препозиция, инициальная позиция в предложении [Камынина, 81, с.30]; 2) вступает с основным предикатом в смысловые отношения, при которых он "прямо или косвенно объясняется, стимулируется, или сопровождается" дополнительным [Камынина, 81, с.30], иначе эти отношения называются "мотивирующими" [Камынина, 80,с.30], а образованные таким образом предложения - конструкциями "с каузативной перспективой", или "квазикаузативными конструкциями", где тема причинения является факультативной [Камынина, 81, с.30]. Специально подчеркивается, что эта семантическая роль нейтрализует формальные различия присубстантивных распространителей [Камынина, 80, с.15,27].

Г.А.Золотова привлекает внимание к полипропозитивности, формирующейся в предикативной основе предложения "по воле" либо деадъектива, либо инфинитива [Камынина, 83, с.223-274].

Конструкции с деадъективами можно так расположить по степени семантической сложности:

1) деадъектив в форме предложного падежа с предлогом в присоединяется к глаголу: Бедный старик стоял в глубокой задумчивости; такие конструкции близки к соединительным структурам

сложносочиненного предложения Золотова, 80, с.247 ; здесь Г.А.Золотова видит "полипредикативность в чистом виде";

2) деадъектив в формах обстоятельственного значения: Она говорит со мной только из жалости [Золотова, 80, с.246; ср.: Камынина, 79];

3) деадъектив-подлежащее сочетается с глаголом каузативной семантики. Меня тревожит встреч напрасность [Золотова, 80, с.237-238][4];

4) деадъектив выступает объектом глаголов изъяснительной семантики: В каждом слове чувствовалась узость, косность [Золотова, 80 с.239-241];

Нельзя не заметить, что перечисленные конструкции неоднородны: в первых двух полипропозитивность создается действительно "по воле" деадъектива, при взаимодействии его с предлогом; два последних типа конструкций "обречены" на полипропозитивность предикатом, и деадъектив здесь выступает как альтернат предикативной единицы.

Среди инфинитивных конструкций Г.А.Золотова тоже обнаруживает каузативные - где инфинитив соединяется с формами на -о, обозначающими состояние субъекта: Приятно думать у лежанки [Золотова, 80, с.268].

Сравнивая предложения типа мне было страшно больно и мне было страшно больно видеть, Е.М.Вольф отмечает, что во втором случае ""категория состояния" указывает не на состояние субъекта, но служит оценочным модусом при диктуме, выраженном в большинстве случаев инфинитивным оборотом" [Вольф, 82а, с.337]. Это наблюдение [см. также результаты работы Шмелева, 79] заставляет усомниться в "каузативности" подобных конструкций.

Полипропозитивны для Г.А.Золотовой и предложения, в которых инфинитив соединяется со словами оценочной семантики, по-

---

[5] Более детально о каузативных глагольных конструкциях см.: Чагина О.В. Номинативно-аккузативные структуры с глаголами, выражающими количественные и качественные изменения, и их конверсивы.// Русский язык для студентов-иностранцев. Вып.18. - М., 1979; она же, О разграничении причинно-обстоятельственного и притяжательного значений в подлежащем номинативно-аккузативных структур. // Русский язык для студентов-иностранцев. Вып.19.- М., 1980.

скольку "оценка всегда полисубъектна", а полисубъектность означает полипредикативность [Золотова, 80, с.264-265]; см. однако специальную работу М.И.Черемисиной о конструкциях полипредикативных, но моносубъектных [Черемисина, 80].

Сопоставляя исследовательские позиции А.А.Камшиной и Г.А.Золотовой по отношению к полипредикативности простого предложения, можно заметить следующее. А.А.Камшина идет по пути уточнения понятия "предикативности" и отграничения собственно полипредикативных конструкций от таких, которые только могут быть таковыми по своим конструктивным, грамматическим данным. Г.А.Золотова, напротив, расширяет понятие полипредикативности, связывая его с полисубъектностью и обнаруживая ее в конструкциях, вполне монопредикатных по своей структуре, формальной организации. Впрочем, Г.А.Золотова не утверждает абсолютной предикативности рассматриваемых ею конструкций; можно заключить, что это свойство представляется ей подвижным, способным то увеличиваться ["Полипредикативность предложения усиливается, когда инфинитивизации подвергаются сами по себе полипредикативные авторизующие и каузативные конструкции" - Золотова, 82, с.270], так и убывать, и тогда она говорит о диффузности между простым и осложненным предложением [Золотова, 82, с.236].

Инфинитив квалифицируется как второстепенное сказуемое в конструкциях с глаголами движения и каузативами, при этом отмечается, что такие употребления "типологически близки деепричастным и причастным оборотам"[6].

2.I.4. Изучение количественного аспекта диктума простого предложения имеет некоторые последствия для формального синтаксиса, а точнее для осмысления соотношений между простым и сложным предложением. На условность и часто непоследовательность традиционного установления границ между простым и сложным предложением указывалось давно - Т.Б.Алисовой, Г.А.Золотовой, М.И.Черемисиной. В обозреваемый период появился ряд работ, в

---

[6] Бондаренко И.В. Синтаксические функции русского инфинитива. // Вопросы грамматики русского языка. Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. - Иркутск, 1981.

которых не только критически анализируется этот факт, но и предлагаются выходы из создавшегося положения.

Прежде всего, стала очевидной недостаточная лингвистическая информативность и убедительность понятия "предикативность", а значит, и "полипредикативность" [Черемисина, 80, с.7].

Жестко связывать предикативность с наличием финитной формы глагола - предиката значит оставлять за пределами сложного предложения союзные конструкции с инфинитивом [Бондаренко, 80], не говоря уже о предложениях со вторым именным "предикатом" [Камынина, 80].

Полипредикативность простого предложения связывается обычно со "свертыванием" предикативной единицы в один из его членов (Буслаевская традиция). Такие операции интерпретируются как номинализации, инфинитивизации [Золотова, 80, с.269; Шмелева, 79, с.9; Шмелева, 80, с.I34]; производность причастия, деепричастия очевидна в силу положения их в грамматической системе русского глагола. Вместе с тем доказано, что "быть придаточным" - это тоже производная функция для предикативной единицы, тоже результат транспозиции. Так, М.И.Черемисина считает, что становясь придаточным в изъяснительной конструкции, сообщение о событии становится "экс"-сообщением", претерпевает номинализацию средствами не морфологии, но синтаксического показателя "то, что", но имеет ту же цель - "сделать сообщение объектом дальнейшей грамматической обработки по тем же самым схемам и алгоритмам, по которым мы оперируем с именами вещей и явлений - существительными" [Черемисина, 82, с.I3,I4].

Этому синтаксическому преобразованию М.И.Черемисина противопоставляет "субстантивацию", которая производится с помощью операторов "то, что", чтобы "представить предикат сообщения как окказиональное имя предмета, которому предицирован данный признак. Падежная характеристика не существенна при этом, каждый из операторов принимает падежную форму по требованию собственного предиката, объединяет же их референциальное тождество. Субстантивация используется для организации отождествительно-анафорических предложений" [Черемисина, 82, с.I5-I7; Черемисина, 79, с.78; см. также Крамских, 82].

Таким образом, ни сам признак полипредикативности/(=полипро-

позитивности), ни характер его формального проявления не позволяют безостаточно разграничить простое и сложное предложение. Как показано А.И.Леонтьевым, в практике такого разграничения наряду с этим признаком используются еще по крайней мере семь, ни один из которых также не позволяет твердо и окончательно провести границу [Леонтьев, 82].

По наблюдениям А.И.Леонтьева, измерение простоты/сложности предложения производится со стороны 1) структурной - моно/полиядерность, 2) номинативной - моно/полиситуативность, 3) деривационной - моно/поликомпонентность, 4) интонационной, 5) коммуникативной - моно/полирематичность, 6) количества актов предикации, 7) "предикативной", под которой имеется в виду "количество актов отнесения сообщаемого к действительности, которое выявляется в отношении актуализационных, в первую очередь модально-временных, значений предикатов" [Леонтьев, 82, с.51-59].

Такая оценка положения дел в теории сложного предложения приводит к выдвижению и обсуждению новых понятий, лежащих, если можно так сказать, не вдоль границ простого и сложного предложений, а на пересечении их.

Таково понятие многосубъектной конструкции - МСК, - введенное М.И.Черемисиной [Черемисина, 82], см. об этом [Золотова, 80]. Анализ синтаксических структур в аспекте их субъектности выявляет новые ряды и иерархические линии, "невидимые" с позиций традиционных границ простого и сложного предложения.

Иной вариант отхода от этих границ и выявления новых горизонтов исследования предлагает Л.М.Ковалева, выступив с "концепцией первичных и вторичных синтаксических структур" [Ковалева, 81, с.50] среди глагольных предикатов с предметными именами, событийными именами, инфинитивными оборотами и придаточными. Определив первичную структуру как такую, в которой семантика получает выражение не только самым эксплицитным, но и самым экономным образом, Л.М.Ковалева доказывает, что в зависимости от характера предиката первичной для него может оказаться любая из названных выше конструкций. Все другие при этом оказываются производными от нее, т.к. обнаруживают потерю или избыток информации [Ковалева, 81, с.44,52].

Такой подход обещает быть интересным, так как предполагает классификацию всех базисных структур и описание семантических

сдвигов в их производных. Последовательное его осуществление, однако, маловероятно без полной и детальной классификации в этом аспекте предикатов, которой мы не располагаем. Интересные в этом отношении данные представляет коллективная монография: Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.

2.2. Качественный аспект диктума изучался менее интенсивно. Итогом такого изучения могла бы быть выявленная семантическая типология пропозиций. Хотя такая задача ни в одной из работ не ставится, можно обобщить некоторые сведения о пропозициях, ситуациях, событиях, предикатах, имея в виду их типологическое содержание.

Вообще говоря, набор возможных событий, получающих отражение в диктуме, зафиксирован языком в динамических предикатах, смысловые группировки которых как будто бы хорошо разработаны современной лексикологией; см., напр.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974; Васильев Л.М. Семантика русского глагола (М., 1981), где рассмотрены глаголы психической деятельности, сгруппированные в десять рубрик; Семантические классы русских глаголов: Межвуз. сб. науч. трудов (Свердловск, 1982), там же библиографию на с.140-150 и многие другие работы, посвященные отдельным семантическим группам глаголов.

Если "перевести" в синтаксис эти лексические знания, то можно говорить о том, что диктум может составлять пропозиция движения, креативных и деструктивных действий, поведения, восприятия, умственной деятельности и социальных действий и т.д. Очевидно, однако, что отношения синтаксиса и лексики не так просты, чтобы такой "перевод" исчерпывал синтаксическую задачу.

Собственно же синтаксический подход к типологии пропозиций таков, что задача эта решается попутно, как вспомогательная при разрешении иных вопросов.

Так, Г.А.Золотова представляет ценные данные о типологии пропозиций (событий) "в интересах" типологии простого предложения, [Золотова, 82, с.38]. В другой работе, перечисляя типы субъектов в русском предложении, она по существу перечисляет типы ситуаций, в которых возможен/обязателен субъект: дейст-

вие, состояние, наличие, владение, функционирование, восприятие, обстоятельственное состояние [7] [Золотова, 82, с.135-138].

Вариант типологии элементарных пропозитивных смыслов находим в книге Ю.С.Степанова, осмысляющего предложение с позиций семиологической грамматики. Из событий здесь обнаруживаются: местоположения, положения (корреспондирующие скорее всего с состояниями), существование, "состояние обладания", действие [Степанов, 79, с.154-158].

Опыт самых разных работ, так или иначе обращенных к "элементарным частицам" диктума, говорит, как представляется, о том, что типология пропозиций должна быть объемной, многоаспектной. В этом убеждают работы, в которых можно видеть монографические описания пропозиций одного типа.

Так, напр., в [Вольф, 82] онтологическая сторона состояния, показанная главным образом в противопоставлении признакам/свойствам, дополняется сведениями о его актуализационных возможностях; об особенностях субъекта состояния и его отношении к говорящему; необходимыми оказываются и сочетаемостные характеристики пропозиции состояния - в соединении с какими пропозициями она может составлять полипропозитивный диктум. Завершается описание характеристикой пропозиции состояния со стороны модуса - его сочетаемости с оценочными смыслами.

Второй пример - статья Н.Д.Арутюновой, посвященная пропозиции (в терминологии автора - концепт) идентификации (тождества). Статья продолжает описание семантики идентификации, представленного в книге Н.Д.Арутюновой "Предложение и его смысл", подтверждая мысль о необходимости многоаспектного подхода к смыслам такого рода. В [Арутюнова, 83а] обращается внимание на весь диапазон синтаксических структур, в которых проявляется взаимодействие и своеобразная "игра" тождества и подобия, отношение тождества к актуализации, модусу утверждения и отрицания, прагматические эффекты различных "ипостасей" тождества, возможности его как смысловой основы тропов.

---

[7] См. о части таких ситуаций - атмосферно-метеорологических явлениях: Бирюлин Л.А. *Verba Meteorologica* и их диатезы в современном русском языке. // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. - Л., 1977.

Наиболее фундаментальна из таких монографических работ [Арутюнова, 83в], посвященная бытийной ситуации, семантике существования. Дифференцируя типы бытия по мирам, в которых оно осуществляется, авторы исчисляют таким образом все его возможные варианты. В описании синтаксических структур (которое и есть главная задача книги) убедительно показано, что проявление бытийного смысла в его различных модификациях не ограничивается предикатом, а распространяется на весь состав предложения и его коммуникативную организацию.

Большинство работ о разных типах пропозиций сосредоточено преимущественно на одном из аспектов, обобщая которые, можно выделить по крайней мере три: денотативный (онтологический), актантный и аспект временной актуализации.

2.2.I. Денотативный аспект пропозиции. Как утверждается в программных статьях сборника "Семантические классы русского глагола" (Свердловск, I982), даже для решения лексикологических задач описания глагольной лексики важно "онтологическое расчленение действительности" [Васильев, 82, с.II], т.е. типология событий и явлений, среди которых выделяются классы "бытие", "состояние", "деятельность", "ощущение/восприятие", "перемещение", "принадлежность", "отношение" и т.д. [Васильев, 82 с.I3; Кузнецова, 82, с.5-6, Гайсина, 82, с.I6-I8]. Здесь же говорится и о неоднородности смысловых компонентов (сем), составляющих значение глагольной лексемы, что предполагает "отделение" денотативных (диктумных) сем как основных от "надстраивающихся" - отражающих "различного рода впечатления и ассоциации, вызванные денотатом, или оценку денотата" [Гайсина, 82, с.20].

Сформулированная таким образом программа наиболее полно и последовательно реализована в монографическом описании Р.М.Гайсиной [Гайсина, 8I], что позволяет уделить ему в Обзоре особое место.

Исследуя "ситуацию отношения" [Гайсина, 8I, с.I8], она понимает ее настолько широко, что в кругу анализируемых оказываются глаголы со значением соответствия, равенства, зависимости, классификации социальных отношений, эмоционального и рационального отношения.

Р.М.Гайсиной приходится анализировать по существу два типа предикатов: первые фиксируют некоторые из перечисленных выше "положений дел" - равняется, соответствовать; вторые описывают акт умственной деятельности, устанавливающий или создающий такое положение - сверять, сличать, сопоставлять, сравнивать, мотивировать, сослаться [Гайсина, 81, с.84,95].

Этот факт и весь богатый материал книги Р.М.Гайсиной подтверждает высказывавшуюся ранее мысль о важнейшем для типологии пропозиций противопоставлении пропозиций событийных и логических, которое наиболее ощутимо в сфере умственной деятельности: событийная пропозиция - это представление в предложении некоего факта, поступка, действия; логическая - отражение отношений, установленных в результате умственной деятельности, логического хода [Шмелева, 79, с.7] - ср.: Он сличил тексты (событие, действие) и Тексты оказались идентичны (отношения идентичности, установленные в результате сличения, - логическая пропозиция).

Сфера событийная, которую наряду с умственной деятельностью составляют бытие, движение, физические и социальные действия (см. далее список Г.А.Золотовой), более объективна: ее пропозиции представляют в предложении "кадр, выхваченный из киноленты жизни" [Арутюнова, 80, с.219]. Назначение второй состоит в осмыслении происходящего, установлении и констатации отношений между событиями и их элементами; будучи результатами умственной деятельности, они более субъективны.

2.2.Iа. Логические пропозиции, выделенные и описанные в книге Н.Д.Арутюновой, продолжали привлекать внимание синтаксистов.

Пропозиция идентификации, изученна , пожалуй, в наибольшей степени во многом благодаря работам Н.Д.Арутюновой. Знания о ней расширились главным образом за счет расширения круга конструкций (см. об этом выше).

Разнообразные ситуации, в которых приходится идентифицировать объекты, рассматриваются Е.В.Падучевой в связи с анализом семантики и употребления слова "это" [Падучева, 81]. Уточняя существо операции идентификации, Е.В.Падучева отмечает, что это есть приписывание объекту нового концепта взамен прежнего [Падучева, 81, с.88]; тем и удобно в предложениях тожества

"это", что оно способно называть объект, не приписывая ему никакого концепта, освобождая от уже названного в тексте.

Разграничив при рассмотрении ситуации субстанциональной и таксономической идентификации, Е.В.Падучева показывает, какие факторы в каждом из этих случаев "управляют" словом "это"; среди таких факторов: степень новизны знаний об объекте для участников общения, кванторные характеристики объекта, характер модальности предложения и некоторые другие.

С лексикологических позиций оказываются изученными логические пропозиции в работе Р.М.Гайсиной [Гайсина, 81]. Судя по тому, как она группирует глаголы, ей представляются близкими три типа отношений: равенства, подобия ("частичного равенства" - [Гайсина, 81, с.87]), соответствия, для обозначения которого, по подсчетам автора, используются около 50 глаголов - гармонировать, вязаться, годиться и под. Варианты соответствия различаются признаком симметричности/несимметричности; кроме того, предикаты соответствующей семантики различаются сочетаемостными признаками в отношении "объектов соответствия", ср. приличествовать, совпадать, подгонять [Гайсина, 81, с.78-81].

Существенным для пропозиций равенства, подобия, соответствия оказывается признак сопоставления - "аспект", который может быть выражен либо аналитически - отдельным именем при глаголе общей семантики (уравнивать - по весу, в правах), либо включаться в лексическую семантику предиката: уравновешивать - 'по весу', совмещать, подгонять - 'по размеру' [Гайсина, 81, с.83-86].

Таксономическая пропозиция - "сообщение о вхождении данного предмета в некоторый, известный говорящим, класс, множество" [Арутюнова, 80, с.167] - как показано в работах Н.Д.Арутюновой, может обходиться без предиката в составе биноминативного предложения; предикаты быть одним из, принадлежать к числу, входить в число, относиться к категории эксплицируют это отношение, часто давая его различные повороты - от предмета или от класса - ср. входить и включать [Гайсина, 81, с.96][8].

---

[8] См. интересный анализ близких по семантике глаголов включать, составлять, наполнять: Туманов Ю.А. Структура предложений с глаголами содержания. // Русский язык для студентов-иностранцев. Вып.18. - М., 1979.

Логические пропозиции межсобытийных отношений обозначаются, по Р.М.Гайсиной, глаголами зависимости: обусловливать, объяснять, определять, причинять, следовать, сопровождать [Гайсина, 81, с.93]. Эти предикаты обладают валентностями причины и следствия, их семантика может быть осложнена дополнительными значениями, напр., неизбежности или отрицательной оценки [Гайсина, 81, с.94]. Более типично, однако, для пропозиций межсобытийных отношений проявляться в рамках сложного предложения при помощи союзов. Потому исходное положение одной из работ, посвященных семантике союзов, сформулировано так: "союзу соответствует в семантическом представлении некоторый предикат", аргументами которого будут предикаты главного и придаточного предложений [Латышева, 82, с.54]. Условному союзу, как утверждает А.Н.Латышева, соответствует предикат каузировать или лексемы естественного языка влечь, следовать, обусловливать. Названное предикатное значение объединяет все условные, причинные и уступительные союзы, дифференцирует же их различное соотношение пресуппозиций и утверждения, вернее, различие в расположении границы между ними, и разное отношение к модусу, напр., к модусу мнения,

Интересно дополняет сведения о союзах казуальной семантики работа Л.М.Байдуж о конструкциях с союзом "тем более что" [Байдуж, 83], в содержание которого входит, как показывает автор, кроме собственно причинности, момент градационный, получивший в работе специальное детальное толкование [Байдуж, 83, с. 8-9].

Работа В.М.Хегай позволяет составить достаточно полное представление о системе "разделительных" пропозиций, объединенных значением выбора (альтернативности) и различающихся характером альтернативных объектов, модальными аспектами альтернации. Список таких пропозиций составляют: взаимоисключение модального и темпорального, дистрибутивности, допущения [Хегай, 81, с.15-18]. Первая и вторая пропозиции могут взаимодействовать с логической семантикой градационности [Хегай, 81, с.16,17] и модусным значением дубитативности [Хегай, 81, с.16]. На основе альтернативных отношений формируется особый тип казуальности - мотивационные отношения "от противного" [Хегай, 81, с. 18], ср. возникновение казуальных отношений на основе идентификации [Крамских, 82, с.12-14].

Пояснительные отношения можно считать прагматическим освоением отношений разделительности - альтернация кореферентных номинаций, вторая из которых прагматически более ценна для слушающего [Уегай, 81, с.19].

Систематизация представлений о логических пропозициях разделительности позволила расширить представления и о средствах их выражения: помимо хорошо известных разделительных союзов, здесь действуют наречные слова иначе, а реже, а чаще, иногда, порой, может быть; местоименные ряды [Хегай, 81, с.16-17].

2.2.16. Событийные пропозиции в денотативном аспекте изучались главным образом как некие инварианты, располагающие системой вариантов.

Более других "повезло" ситуации существования, наличия. Описанная в книге Н.Д.Арутюновой "Предложение и его смысл" в плане ее онтологического существа, взаимодействия со смыслом характеризации, она продолжала привлекать внимание исследователей.

Детализируя представления о пропозициях этого типа, Г.И.Володина сумела едва ли не исчерпывающим образом исчислить весь диапазон средств ее выражения - синтаксические структуры и предикаты. Среди последних оказались а) предназначенные для описания только ситуации существования - как существовать; предназначенные для ее описания в сопровождении некоторых дополнительных смыслов как изобиловать, и б) предназначенные для описания иных фрагментов действительности; но вовлеченные семантикой бытийности в круг средств ее проявления путем деформации стандартных условий употребления - как располагать, богат, наблюдаться, таиться и т.д. [Володина, 79а, с.41-45; Володина, 79б]. Естественным образом дополняет эту систематизацию бытийных предикатов представленный Н.Ю.Шведовой перечень глаголов, обозначающих завершающую стадию бытия объектов разного типа[9].

Денотативная структура ситуации существования служит исходным пунктом описания бытийных предложений в [Арутюнова, 83в]. Эту структуру составляют пространство, сфера бытия и "бытующий"

---

[9] См.: Шведова Н.Ю. К понятию вариативности в языке (на примере лексического множества). //ИАН СЛЯ. 1983. № 3.

предмет. Область бытия может быть представлена как мир, фрагмент мира, внешний микромир человека и личность человека, включая его внешний облик, физическое и психическое состояние [Арутюнова, 83в, с.94-187]. Характер области бытия предполагает тип бытующего объектов - и эта корреляция составляет типологию экзистенциальных пропозиций в русском языке. Каждая из них имеет собственную проекцию в план выражения и особый "модификационный потенциал" - возможности "обыгрывания" ее элементов с достижением разных логических и коммуникативных эффектов.

Описание одного смыслового типа предложений дает в своей книге Г.А.Золотова, демонстрируя возможности предлагаемого ею компонентного анализа предложения [Золотова, 80, с.213]. Ситуацию восприятия запаха составляют компоненты: лицо, воспринимающее запах; предмет - источник запаха; квалификация/опознание запаха; процесс восприятия или движения запаха; исходный и конечный пункт того движения; среда или место распространения запаха [Золотова, 80, с.214]. В зависимости от того, какие элементы ситуации "отбираются" для описания и как представляется в предложении, ситуация может быть обозначена конструкциями 13 типов [Золотова, 80, с.215-246], характерно, что в семи из них не предполагается обозначать субъект - главный участник ситуации.

Как специфику плана выражения данной ситуации Г.А.Золотова отмечает "бедность" ее собственных предикатов - их только два (пахнуть и вонять), все остальные вовлечены из сфер движения, существования и др.

По поводу ситуаций зрительного и слухового восприятия, имеющих аналогичную денотативную структуру, Г.А.Золотова высказывает отдельные наблюдения; напр., о взаимодействии ситуации зрительного восприятия и цветовой характеристики воспринимаемого объекта [Золотова, 80, с.220].

Попытка описать ситуацию движения предпринята Х.Исламджановой [Исламджанова, 82]. Она считает характеризующими эту ситуацию показатели "среда", "способ", "линейность", "длительность" [Исламджанова, 82, с.7] и выделяет два типа ситуации движения - направленного и ненаправленного движения, различающиеся своим "денотативным составом": первая включает предмет, движение и

точки направления движения, вторая - предмет, движение и место, по которому оно распространяется [Исламджанова, 82, с.13]. Интересны наблюдения автора этой работы о взаимодействии, вернее, "соприкосновении" ситуации движения и ситуации речи говорящего: последняя "оказывает влияние на объем изображения внеязыковой ситуации", допуская различные положения говорящего-наблюдателя относительно движения [Исламджанова, 82, с.19,21].

2.2.2. Актантный аспект пропозиций весьма существен для их типологии. Об этом говорит, например, введение Т.В.Булыгиной в классификацию предикатов признака контролируемость/неконтролируемость "положения вещей", т.е. наличии/отсутствия в ситуации субъекта-лица (а не предмета или существа) и в причастности его ума и воли к осуществлению ситуации. Ср.: Он упал на колени, чтобы убедить ее в своем раскаянии и Дерево упало. Т.В. Булыгина подробно рассматривает "последствия" этого признака для пропозиции, проявляющиеся в возможности входить в сложное предложение с целевым придаточным, императивные конструкции с негацией; инфинитивные конструкции типа А царица хохотать; безличные модели типа Мне не работается и др.[Булыгина, 82, с.69-80].

Существенным для классификации предикатов считает роль субъекта и О.Н.Селиверстова, она выводит своеобразную типологию таких ролей. Противопоставив ситуации с определяющей и неопределяющей ролью субъекта, она затем говорит о субъекте агентивном, неагентивном и несобственно агентивном в том и другом случае; напр., Мы получили прекрасный результат - агентивный неопределяющий субъект, а неопределяющий неагентивный (пациенс) - Его бьет лихорадка. Отмечаются и последствия разных ролей субъекта - возможность или невозможность пропозиции соединяться, напр., со значением разрешения, см.: *Ты можешь быть грустен, если хочешь; различно осмысляются конструкции с должен при разных ролях субъекта [Селиверстова, 82, с.III-II4].

Эта типологическая значимость субъекта заставляет внимательно проанализировать синтаксические работы, посвященные проблеме субъекта.

В книге С.И.Кокориной [Кокорина, 79] обобщается опыт многолетней дискуссии вокруг субъекта и предлагается его понимание,

которое при известной простоте не обладает такой же убедительностью объяснительной силой. По С.И.Кокориной, субъектную роль может принимать на себя практически любой субстантивный компонент предложения, выдвинутый в его начало и ставший тем самым "протогонистом сообщения" (Кацнельсон). Довольно большой материал привлечен для иллюстрации того, что так понимаемый субъект может быть выражен формой любого косвенного падежа [Кокорина, 79, с.24-26].

Таким образом возникает вопрос о "различных типах вещественного значения семантических субъектов" [Кокорина, 79, с.39] и решается он с учетом лексической семантики предиката и грамматической семантики схемы. В результате С.И.Кокорина предлагает классификацию субъектов, т.е. список субъектов в различных ситуациях: действия, отношения, модальной характеристики, состояния [Кокорина, 70, с.42-44].

Эти типы субъектов напоминают актанты, вызывая денотативные ассоциации, а их инвариант - семантический субъект - имеет при этом некоторую загадочность, неясность статуса в смысловой структуре предложения. Трудно не согласиться с Г.А.Золотовой, снимающей эту неопределенность: то, что С.И.Кокорина изучает как семантический субъект, есть, по мнению Г.А.Золотовой, тематический компонент актуального членения предложения [Золотова, 80, с.149].

Однако трудно согласиться с Г.А.Золотовой в том, что такое истолкование понятия субъекта - результат "уровнего", "расслаивающего" подхода к структуре предложения [Золотова, 80, с.149-150]. Скорее наоборот - семантическая, формальная и коммуникативная стороны в анализе С.И.Кокориной не разграничиваются, автор то и дело с одного аспекта переключается на другой.

Полемизируя с С.И.Кокориной, Г.А.Золотова предлагает свое толкование субъекта, отличающееся главным образом отрицанием признака "инициальная позиция в предложении": опираясь в основном на признак субстанциональности, она много места уделяет аргументации той мысли, что субъект в русском языке выражается не только формой именительного падежа [Золотова, 80, с.135-138]. Предлагается и типология субъектов, так сказать, сквозь призму типологии ситуаций (скорее пропозиций; так как события не отличаются от логических смыслов): называются субъ-

екты действия, состояния, восприятия, классификации, квантитативный, тематический [Золотова, 80, с.135-137].

Взгляду Г.А.Золотовой на субъект свойственно, как кажется, некоторое преувеличение этой категории на фоне соотносимых с ней категорий семантической структуры предложения. Так, субъект отождествляется по существу с предикацией, и полусубъектность = полипредикативность, трудно признать полипредикативной всякую конструкцию с оборотами типа на твой взгляд, по-твоему [Золотова, 80, с.155]. Субъект рассматривается безотносительно к другим актантам, тогда как многие вопросы "сталкивают" субъект с объектом, локативом и др.

Подход к проблеме субъекта с позиций теории актантов осуществлен в работе Л.М.Ковалевой [Ковалева, 82]. Заявив о стремлении найти формальные основания для разграничения/объединения актантов, она показывает на примере конструкции N_1 V_j N_4 с глаголами "повреждения и убийства", что позиция N_1 обнаруживает различные приметы, существенные для семантической структуры предложения и различающие таким образом а) собственно агенс, б) силу, в) инициатор, г) каузатор [Ковалева, 82, с.79-82]. Агенс - самый "многопризнаковый" актант, отсутствие его некоторого признака создает тот или другой актант из приведенного ряда: 'Силу' отличает от 'Агенса' 'непреднамеренность'[10]; 'Инициатор' от 'Агенса' отличается своим не прямым, а побудительным участием в осуществлении ситуации; 'Каузатор' же невольно способствует осуществлению ситуации не будучи ее участником.

Наряду с названными, уже вполне традиционными для семантического синтаксиса линиями исследования актантного аспекта пропозиции, в обозреваемый период обозначился новый - референтный.

Н.Д.Арутюнова дает референтную интерпретацию субъекта, т.е. описывает условия (информативные и прагматические), при которых имя может состояться как субъект предложения. Эти условия обеспечивают имени предметную соотнесенность: их составляют

---

[10] См. также: Ковалева Л.М. О возможности сведения некоторых семантических актантов в классе аллоединиц. // Проблемы теории грамматического залога. - Л., 1978.

наличие в предтексте сообщений о существовании объекта, его включении в некоторый класс - таксономия, его "собственном" имени и индивидуализации [Арутюнова, 79, с.325]. Каждая из этих предварительных операций может получать выражения в отдельном высказывании, а возможны и разнообразные "объединения".

Индивидуализация, как подчеркивает Ю.С.Степанов, в разных типах предложений градуирована: полярности представляют собой "Я-предложения" (максимум индивидуализации) и "Локус-предложения" (типа Там темно - минимум) [Степанов, 79, с.336-337]. Ю.С.Степанов предлагает классификацию имен по их возможности быть субъектом разной степени индивидуализации [Степанов, 79, с.344-346].

При описании залоговых противопоставлений в разноструктурных языках В.С.Храковским было показано, что разные пропозиции (глагольные лексемы) по-разному относятся к количественным модификациям их ролей и актантов. Так, пропозиции догнать, перебить не допускают уменьшения числа референтов (т.е. возложения на одного двух ролей), поэтому для них невозможны рефлексивные преобразования - *Петя догнал себя, *Председатель перебил себя [Храковский, 81, с.15]; тогда как пропозиции типа причесать (и другие "глаголы туалета") допускают такую модификацию, представляя для такого случая рефлексивную форму - причесаться [Храковский, 81, с.18,23]. С другой стороны, одни пропозиции не допускают увеличения ролей, выполняемых референтами, другие - допускают и поэтому именуются симметричными Коля и Петя спорят друг с другом [Храковский, 81, с.26,27].

В понимание актанта, таким образом, внесено существенное уточнение: вместо двух данностей - семантический актант и синтаксический актант - необходимо говорить о трех данностях: референт, семантическая роль, синтаксический актант [Храковский, 81, с.10,20]. Только при таком уточнении удается объяснить природу рефлексивных и реципрокных конструкций, манифестирующих отличное от активной конструкции соответствие между ролями предиката и их референтами [Храковский, 81, с.38].

Категория референтности, объединяющая эти конструкции, и категория диатезы, обеспечивающая пассивизацию - это механизмы, разрешающие определенную языковую"игру" с одной и той же пропозицией в ее актантном аспекте. Цели такой "игры" - чаще

всего прагматического характера, напр., фокусирование внимания слушателя на том или ином актанте; собственно информативные - информировать собеседника о референтности актантов или их равноправном участии в ситуации [Храковский, 81, с.24].

Значимость категории референтности (может быть, еще недостаточно оцененная) видна из того, что к ней выходят разные лингвисты с разных сторон: В.С.Храковский, как было сказано, от интерпретации традиционных, казалось бы, взаимных и возвратных залогов; Е.В.Падучева - от описания семантики и синтаксиса местоименных слов; Г.Е.Крейдлин и Е.В.Рахилина - от свойств пропозициональных глаголов; М.И.Черемисина - от изучения имен в сравнительных оборотах. Что же выяснено в этих разных по объекту работах?

Существует некий набор типовых отношений между именем и референтом, каждое из которых может быть реализовано в предложении при довольно многочисленных условиях, начиная от семантических возможностей имени и кончая "предысторией" предложения в данном тексте. Этот набор вполне может быть исчислен.

Так, Е.В.Падучева вводит понятие "денотативный статус" и приводит перечень денотативных статусов (т.е. возможных ситуаций в отношениях "имя - референт") для предметных существительных. Отводя автономное употребление, когда имя представляет в предложении "само себя" и не соотносится с объектом (Муж звал ее Наташа), и предикатное, когда также нет соотнесения с объектом, а есть лишь "намек" на свойства, типические черты, принадлежность к классу (Он врач), Е.В.Падучева подробно классифицирует термовые денотативные статусы, среди которых выделяет референтные и нереферентные.

Референтный денотативный статус имя имеет, когда обозначает реальный объект с разной степенью определенности - Иван читает какой-то учебник, Врач пришел к вечеру. Это имеет место в описании различных событий, об участниках которых говорящий располагает различным объемом информации, ср.: Иван - врач - кто-то.

Нереферентный денотативный статус предполагает большее число ситуаций, отчего приходится говорить о его вариантах, разных денотативных статусах: а) экзистенциальных, б) универсаль-

ных, в) родовых, г) переменных (в другой работе - атрибутивных).

В случае а) речь идет об объекте, не выделенном из множества - Некоторые товары портятся при перевозке [Падучева, 82а, с.17], в случае б) - обо всем множестве - Дети любят мороженое; в в) некий не индивидуализируется, а подается как "типичный представитель" своего класса - Он поступил как мужчина; в последнем случае г) объект индивидуализируется по временному, в данной ситуации значимому признаку - Убийца Смита сумасшедший [Падучева, 79; Падучева, 82а, с.17-19].

Видимо, к последнему случаю близок тип относительной референции, которую Н.Д.Арутюнова противопоставляет автономной (все рассмотренные выше случаи автономны, т.к. связь имя - референт - прямая): в сочетании крыло птицы первое имя получает такой статус, какой будет иметь второе [Арутюнова, 80а].

Противостоит всем денотативным статусам, так или иначе относящих имя к объекту в реальной действительности, употребление имени в сравнительном обороте. Как показывает М.И.Черемисина, оно лишено функции обозначения, а отсылает к феномену мнимому, в реальности описываемого заведомо не существующему - Что ты копаешься, как черепаха? ср.: Ну, черепаха! - предикатный денотативный статус [Черемисина, 81].

Сходен с этим по признаку отсутствия в наблюдаемой действительности предлагаемый Г.Е.Крейдлиным и Е.В.Рахилиной гипотетический денотативный статус, реализующийся для предметных имен в сочетаниях типа сшить платье, строить гараж, но преимущественно для пропозитивных имен в сочетаниях с пропозициональными глаголами отрицательной импликации - предотвратить, попросить, размечтаться, потребовать. Наряду с гипотетическим пропозитивные имена обнаруживают конкретно-референтный, экзистенциальный, универсальный и родовой (эталонный) денотативные статусы [Крейдлин, 81].

Денотативный статус актанта, как показывает Т.В.Булыгина, может быть характеризующим признаком пропозиции. Так, классифицирующие именные предикаты типа хищник, редкостный, быть в моде не допускают никаких денотативных статусов, кроме родового (значит, *Мы увидели тигра. Он был хищник). Другие предика-

ты, наоборот, предполагают конкретно-референтные субъекты - навеселе, голоден, пьян и т.д. [Булыгина, 82, с.29].

Референтность актантов, как это видно хотя бы из приведенных наблюдений Г.Е.Крейдлина и Е.В.Рахилиной, важна для изучения не только элементарных ситуаций с предметными актантами, но и для полипропозитивных структур, где актантами выступают факты, суждения, события; см. об этом [Падучева, 82а, с.38-39].

Главнейшая из референтных проблем - проблема кореферентности и ее оформления в разных типах структур. В монопропозитивных предложениях - кореферентность актантов - довольно частое явление. Особый тип кореферентности субъекта и объекта - в рефлексиве - описан В.С.Храковским [Храковский, 81]. Другие комбинации кореферентности "сопредикатных" актантов обслуживаются возвратными местоимениями; при этом, как показано Е.В.Падучевой, существует несколько формально различающихся случаев - ср.: Ты, Моцарт, недостоин сам себя и Потеряна собака с инициалами своего хозяина на ошейнике [Падучева, 82а, с.29-30].

Кореферентность актантов с модусным эффектом - номинативным, персуазивным и пояснительным - получает отражение в разделительных рядах, организованных союзами или, не то... не то, то ли... то ли [Хегай, 79, с.43; Хегай, 81, с.5].

Несколько неожиданно, но вполне убедительно описаны как структуры с кореферентностью актантов фразы с обращением. Действительно, обращение называет одного из участников описываемого события значит, это его актант - Звезда моя, ты разбилась, разбилась моя звезда (А.Вознесенский); он получает во фразе обозначение с помощью местоимения в соответствующей актантной позиции либо указание на него "извлекается" из незамещенной глагольной позиции.

А.П.Леонтьев указывает, что назначение такого рода кореферентности - выражать дополнительно к обозначению ситуации адресованность [Леонтьев, 81]. Кореферентность этого типа семантически более сложна, чем выражаемая рефлексивными средствами, так как здесь происходит "наклацка" актанта денотативной ситуации и ситуации общения (т.е. совмещение разных аспектов предложения.

Вопрос о кореферентности более актуален для изучения полипропозитивных структур, где кореферентность как неизбежное

следствие совмещения нескольких пропозиций в составе одной семантической структуры имеет разнообразные способы проявления и формального выражения.

Так, по наблюдениям Е.В.Падучевой, показателем кореферентности может быть слово это; в таком случае во второй пропозиции оно обозначает как актант то, что в первой является фактом (а не процессом, действием, состоянием) - Они тоже обсуждают повышение цен на нефть, хотя страдают от этого прежде всего западные провинции. "Привязанность" к факту отличает это от местоимения 3-го лица, которое может служить показателем кореферентности "нефактического" характера, см.: Приезд Анны взволновал весь хутор. Весь день только об этом и говорили - т.е. о факте приезда, если бы о нем - то о тех или иных обстоятельствах приезда [Падучева, 82, с. 88].

Значимость проблемы кореферентности актантов для изучения конструкций с предикатными именами отмечается в коллективной монографии "Категории глагола и структура предложения" (Л., 1983, с.22-23).

Кореферентность актантов - структурная база местоименно-соотносительных отождествительных конструкций [Черемисина, 82, с.16]. Особенность кореферентности этого типа состоит в том, что актант ни в одной из пропозиций не получает собственного наименования, а кореферентность обеспечивается парой взаимноотсылающих местоимений. Семантические возможности и функции таких предложений описаны в работе С.В.Крамских [Крамских, 82, с.4-7].

Частный случай кореферентности - моносубъектность (кореферентность субъектов) оказывается существенным признаком большого массива синтаксических конструкций, как показано М.И.Черемисиной: Эту книгу я возьму в пятницу, чтобы к понедельнику прочитать. Взяв книгу в пятницу, в воскресенье Миша ее уже возвратил. Мои родители жили дружно, потому что во всем понимали друг друга. Отец нездоров, но отзыв напишет. Рецензент сильно помог автору, хотя и не поскупился на резкие замечания. Женька снял валенки, оставшись в одних носках. Рая зашла к нам отдать ключи. Прежде чем снять трубку, Илья взглянул на жену [Черемисина, 80, с.13].

Полипредикативные конструкции в отношении этого признака могут быть а) принципиально разносубъектными, б) допускающими как разно-, так и моносубъектные реализации и в) принципиально моносубъектные [Черемисина, 79, с.64; Черемисина,80,с.23-25].

М.И.Черемисина считает структурным стержнем моносубъектных конструкций относительную субъектность [Черемисина, 79а, с.63] - видимо, это можно считать частным случаем относительной референтности, по Н.Д.Арутюновой [Арутюнова, 80]. В рамках полипредикативного синтаксиса относительная субъектность проявляется в том, что зависимый предикат не реализует своей субъектной валентности: "она обязательно замыкается на субъект, выраженный в другой предикативной единице и уже связанной там предикативными отношениями с другим, главным предикатом-сказуемым"[Черемисина, 80, с.II].

Хрестоматийный пример односубъектных конструкций - предложение с деепричастным оборотом, не имеющим в своем составе собственного обозначения субъекта и реализующего субъектную валентность через посредство финитной формы глагола(Взяв, возвратил/возвращу/возвратим) [Камынина, 80].

При таком понимании в число моносубъектных конструкций включаются структуры со вторым предикатом в финитной форме (с бессоюзной, сочинительной и подчинительной связью частей), а также с "оборотами" - причастием, деепричастием, герундием, герундивом, инфинитивом, супином [Черемисина, 80, с.I2]. В исследовании этих конструкций существенны два аспекта: а) "изучение диапазона содержательных отношений" между предикативными узлами; б) "выявление специфики самих форм, способов выражения моносубъектности" [Черемисина, 80, с.2I].

Рассмотрению таких способов посвящено диссертационное исследование А.П.Леонтьева [Леонтьев, 82а]. Используя понятия нулевого подлежащего и дубль-подлежащего, он описывает функции того и другого и условия их конкуренции, ср.: Духи злы, нападают на людей и Конец корневища острый, он легко внедряется в почву. По А.П.Леонтьеву, надежное средство организации моносубъектной конструкции в русском языке - нулевое подлежащее, понимаемое как особый синтаксический знак, ср. с представлениями о нем как о пропуске, элипсисе и т.д. "Заодно" с нулевым

подлежащим могут действовать формальное согласование предикатов, общий вспомогательный глагол Леонтьев, 82а, с.7 .

Дубль-подлежащее, в качестве которого могут выступать имя-повтор, личные местоимения I и 2 лица, анафорические слова он, который, этот, тот - преобразуют в моносубъектные принципиально разносубъектные конструкции. При этом они только в некоторых случаях могут быть взаимозаменимы с нуль-подлежащими конструкциями [Падучева, 8I, с.9]. Чаще же дубль-подлежащее выполняет особые, вторичные функции, нарушая такую взаимозаменимость; к ним относятся функции а) быть аналитическим показателем сказуемостных категорий, б) подчеркивать ударность союзного слова в изъяснительной конструкции, в) разграничивать главный и зависимый компонент сложноподчиненного предложения, г) сигнализировать расчлененность фразы на два высказывания.

Другой тип моносубъектных конструкций, включающих инфинитив, - рассматривается в работах И.В.Бондаренко [Бондаренко, 80; Бондаренко, 8I]. Результаты ее исследования говорят о том, что союзные инфинитивные конструкции (традиционно сложные), среди которых выделяется пять разновидностей, тяготеют к моносубъектным реализациям, хотя в разной степени допускают и разносубъектность, так,напр., условные предложения в 60% разносубъектны Заяц, если его бить, спички зажигать может [Бондаренко, 80, с.I4I].

Устройство таких предложений позволяет выражать отношения, не характерные для полипредикативных конструкций с финитными формами глаголов - напр., отношения взаимоисключаемого выбора или заместительные, соединяющие два события, одно из которых ожидаемое (желательное), а другое отвергаемое (неожиданное) Вместо того, чтобы за мужем и дитем малым ухаживать, они сядут и книжечки почитывают; ...вместо того чтобы перепугаться, наш герой успел подумать [Бондаренко, 8I, с.I72-I73].

Вопрос о субъектности поставлен и по отношению к деепричастным конструкциям: субъектная валентность деепричастия, оказывается, называется его столь же важной характеристикой, как способность проявлять другие предикативные категории - время, и модальность [Камынина, 80]. Плодотворность такого подхода доказана исследованием А.И.Рябовой, в которой специально рас-

смотрены и описаны способы реализации субъектной валентности деепричастия и условия, влияющие на эти способы [Рябова, 82, с.I].

Два способа реализации субъектной валентности деепричастия - прямой и опосредованный - различают два типа деепричастных конструкций по характеру отношений между событиями. Уходя от терминологии автора, можно истолковать это различие так: в первом случае события связаны "актантно"; во втором случае кореферентности субъектов нет - есть "чистая" связь на уровне событий. Этот второй случай и представляют собой перифрастические конструкции, асимметричные в отношении диктумно-модусной организации (см. об этом ниже).

Анализ выявил и особенности использования деепричастия в пассивных конструкциях [Рябова, 82, с.I8 и сл.], что позволило уточнить вопрос о характере субъекта, на котрый ориентируется деепричастие - субъект формальный; а это, в свою очередь, приводит к пересмотру некоторых нормативных оценок пассивных конструкций с деепричастиями [Рябова, 8I; Рябова, 82, с.2I-23].

Таким образом, можно сказать, что проблематика актантного рассмотрения пропозиции значительно расширилась благодаря влиянию теории референции, с одной стороны, и - с другой, перемещению внимания синтаксистов с элементарных синтаксических структур на более сложные.

2.2.3. На временной аспект пропозиций как существеннейший признак их онтологической типологии обращено внимание в коллективной монографии "Семантические типы предикатов".

В классификации предикатов Т.В.Булыгиной представлено их "ступенчатое" разбиение на основании пяти признаков, относящихся к различным сторонам отношения пропозиции ко времени. Фундаментальным представлен признак временной локализации, разделяющий все "положения вещей" на вневременные, нелокализованные во времени - "качества" и локализованные во времени, эпизодические - "явления", ср.: Снег белый и Еще в полях белеет снег [Булыгина, 82, с.I7-I8].

Второй признак, дифференцирующий уже "явления", - наличие/отсутствие динамичности, которая понимается как описание изменения, происходящего в определенный момент времени, ср.: Еще в полях белеет снег и Смотри, пятно на глазах белеет. Динами-

чес...ие явления могут быть "растянуты" во времени и "сосредоточены" в одной его точке, т.е. по тому, каков момент протекания динамического явления, они разделяются на "процессы" (деятельность), обладающие признаком постепенности, и "события" (поступки), не обладающие таковым, ср.: гореть, беседовать и раздаться, побриться [Булыгина, 82, с.85].

Процессы характеризуются по их отношению к будущему: одни предполагают успех или неуспех, достижение/недостижение некоторой точки, о других говорить в этом отношении бессмысленно, они могут протекать сколь угодно долго, не приводя ни к какому событию, не меняясь качественно [Булыгина, 82, с.57]. Такие пропозиции "без определенного будущего" названы гомогенными процессами, они обозначаются предикатами типа плакать, играть, заниматься.

"Негомогенные", "перспективные" процессы и события завершаются в будущем достижением некоторого результата, это традиционно выделяемые в аспектологии "предельные" глаголы - писать - написать, светало - рассвело [Булыгина, 82, с.85].

Для событий(поступков) существенно также отношение к прошлому, характеризующее их как признак постепенности: постепенным событиям предшествуют некоторые процессы или действия, "непостепенные" происходят вдруг, у них нет "прошлого" - найти, сказать, прийти [Булыгина, 82, с.85].

Каждое из временных значений пропозиции имеет значительные последствия семантического характера. Они касаются в первую очередь возможностей актуализации и сочетания с именами различных денотативных статусов, сочетаемости с временными распространителями [Булыгина, 82, с.65-67], конфигурации актантов, соединения с другими пропозициями и модусными смыслами. Временной аспект пропозиции проявляется не столько в различиях лексических, сколько в грамматике глагола, показательно, что в своей классификации Т.В.Булыгина часто обращается к классическим и современным работам из аспектологии.

Временной аспект пропозитивного значения кладет в основу классификации предикатов и О.Н.Селиверстова. Ее разбиение в принципе совпадает с тем, что предлагает Т.В.Булыгина, отличаясь меньшей детальностью, большей грамматичностью и часто иной аргументацией. Обе рассмотренные работы [Булыгина, 82;

Селиверстова, 82] показывают важность для изучения типологии пропозиций временного аспекта, намечая интересные повороты его исследования.

2.3. Изучение диктума и его "единицы измерения" - пропозиции - невозможно без рассмотрения проблемы репрезентации пропозиций в предложении. Можно говорить о двух аспектах репрезентации пропозиций: I) собственно формальном и 2) номинативном.

2.3.I. Список формальных репрезентаций и описание свойств каждой из них важны в первую очередь для изучения полипропозитивных и других неэлементарных структур предложения [см., напр., Шмелева, 80].

Сложившаяся традиция предполагает этот список иерархическим: начинает его финитно-глагольная репрезентация, за которой следуют все другие как ее производные, что подчеркивает и выработанная терминология - номинализация, инфинитивизация [Шмелева, 79, с.9; Шмелева, 80, с.I34; Золотова, 80, с.269].

Интересные дополнения к знаниям о номинализации содержит статья Н.Д.Арутюновой [Арутюнова, 80], где показано различное смысловое содержание номинализаций, в частности, их фактуальное значение в противоположность процессному. Разграничение неполных и полных номинализаций, по Н.Д.Арутюновой [Арутюнова, 80, с.348], согласуется с рассуждениями М.И.Черемисиной о различной технике транспозиций - синтаксической и морфологической/словообразовательной [Черемисина, 82]. Многое выяснено об инфинитивизации [Бондаренко, 80; Бондаренко, 8I; с.249-274; Шмелева, 79; 80], именных репрезентациях [Камынина 79, 80а], деепричастной [Камынина, 80; Рябова, 8I; 82].

2.3.2. Номинативные возможности репрезентации пропозиций разного типа выявляются по сравнению со стандартом - предикат (имя пропозиции) + аргументы (имена актантов)[II].

В изучении пропозиций нефизической сферы была продолжена линия исследования, предпринятого Н.Д.Арутюновой - см.: гл.

II О понятии стандарта в представлении пропозиции и некоторых связанных с этим проблемах см.: Шмелева Т.В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции;Т.П.Ломтева. // Филол. науки. - М., I983. - № 3.

"Специфика несвободной сочетаемости имен чувств" в ее кн.:"Предложение и его смысл". Показано, что для русского языка характерно описание психических ситуаций не стандартно, а путем "переодевания": имя пропозиции выступает как актант, а предикаты "призываются" из других, физических сфер на основе коннотаций/коннотативных пресуппозиций пропозитивного имени. Задача лингвиста при этом - описать коннотации, "отбирающие" предикаты для таких репрезентаций.

В.А.Успенский исследует в этом отношении ситуацию чувств (страх, горе и радость) и ситуации, связанные с понятием "авторитет". Страх, по В.А.Успенскому, коннотирует с враждебным существом, способным к парализующему воздействию, поэтому он охватывает, мучит, лишает слов и т.д. Имена горе и радость обнаруживают жидкостные коннотации, обеспечивающие соединения испить горе, погружен в горе, всплеск радости. Коннотации слова авторитет - вещные, они поддерживают представления о нем как о сплошном шаре, имеющем массу, размеры, степень наполненности, и проявляются в сочетаниях уронить/поднять/повысить авторитет [Успенский, 79].

К репрезентациям пропозиций умственной деятельности, как показывает В.Н.Телия, привлекаются предикаты на основе нескольких рядов коннотаций: антропоморфных, зооморфных, вещных с весьма разнообразными свойствами - то летающих, то горючих. "Переодевание" при таких репрезентациях совершается таким образом, что "константы мышления" выглядят то как субъект (мысли приходят, уходят, преследуют, овладевают...), то как объект (мысль можно подать, потерять; мечты - разбить, разрушить...)[12].

Результаты систематического исследования номинативного аспекта пропозиции в этом направлении могут быть представлены в виде словаря сочетаемости непредметной лексики, содержащем лингвистически существенную информацию о скрытых в семантической системе русского языка аналогиях ситуаций физического мира и внутреннего мира человека.

---

[12] Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981, с.238-240.

www.ruslang.ru

На факты "переодевания" - перемену мест при обозначении ситуаций восприятия обращает внимание Г.А.Золотова [Золотова, 80, с.221-222].

Особый номинативный прием обозначения пропозиций - аналитическая репрезентация - предполагает использование родового пропозитивного имени - классификатора - и уточняющего его конкретного, описывающего. Продуктивен такой тип репрезентации для ситуации состояния, как показано Е.М.Вольф: классификаторы состояния многочисленны - состояние, положение, настроение, самочувствие, ощущение, чувство; они сочетаются с качественными именами горе, радость, недоумение и оценочными словами, квалифицирующими состояния, но не описывающими его - он был в скверном, плохом, отличном, великолепном настроении [Вольф, 82, с.332-335].

Систематизировав в другой работе классификаторы признаков, Е.М.Вольф отметила их склонность к участию в создании оценочного значения замещением качественной валентности (У него тяжелый характер) или ее незамещением (Ну и характер!) [Вольф, 82а]. Аналогичные явления отмечены для инфинитивных предложений, где в оформлении оценочных предикатов участвуют более 50 классификаторов [Шмелева, 79, с.18-19].

Явления синтагматической обусловленности в пропозитивной номинации в меньшей степени связаны со словарем, да и известно о них гораздо меньше. Г.Е.Крейдлин приводит интересные факты, свидетельствующие о приоритете субъекта при построении номинаций по принципу родо-видового замещения. Это означает, что при осмыслении какого-либо из актантов, обозначенного обобщенно (инструмент, машина, вещь) выбирается понимание, наиболее естественное для субъекта: Гитарист положил инструмент понимается непременно гитару. Приоритет субъекта заставляет по-разному понимать предложения Ревизор похвалил повара и Санитарный врач похвалил повара, т.е. субъект определяет имплицитный смысл 'мотив оценки' [Крейдлин, 82].

Как отмечает автор, завершая свою статью, полностью раскрыть природу явлений синтагматической обусловленности еще предстоит.

3. Факт диктумно-модусной двойственности предложения, ис-

пользуемый при решении некоторых традиционных вопросов структурного синтаксиса, открывает новые "ходы" в поисках ответов или семантических обоснований тех или иных конструктивных решений. Вот несколько примеров такого использования при анализе сложного и простого предложения.

3.I. М.И.Черемисина, обратившись к вопросу о синтаксической природе изъяснительных конструкций, убедительно показывает, что изъяснительные конструкции (с "то" или без него) - "особая синтаксическая форма" [Черемисина, 82, с.9] "ступенчатой" организации, которая адекватна "ступенчатой" организации их смысла.

Для объяснения этой смысловой ступенчатости М.И.Черемисина вводит понятие "уровень рефлексии" [Черемисина, 82, с.8], понимая под "рефлексией" обработку сознанием чувственной или вербальной информации. Событие может быть объектом первичной мыслительной операции - вербализации содержания высказывания (это первый уровень рефлексии). Оказываясь объектом второй, "психической" обработки, событие становится элементом второго события, включаясь в него в качестве своеобразного объекта - либо содержания знания, либо объекта оценивания Огорчен тем, что директор ему отказал; Подумай о том, что у тебя есть сын [Черемисина, 82, с.II]. Предикат первого события соответствует диктуму, предикат второго - модусу (это модусный предикат, как его называет М.И.Черемисина).

Смысл изъяснительной конструкции, таким образом, состоит в "сообщении о событии под призмой направленной на него рефлексии" [Черемисина, 82, с.II], в этом неравнозначность описываемых событий, одно из которых представляет собой лишь реакцию на другое. Из этого следует, что изъяснительные конструкции "не являются собственно сложными", поскольку для семантики сложного предложения характерно соединение двух функционально равнозначных, т.е. вербализованных на одном - первичном - уровне событий (ср. временные, целевые и др. типы сложноподчиненных предложений).

Этой ступенчатости смысловой организации, проявляющейся в более высокой роли события - психологического акта, соответствует ступенчатость формальной организации, проявляющаяся в

подчиняющей, управляющей роли соответствующей предикативной единицы (модусной семантики).

Опираясь на опыт исследований синтаксиса алтайских языков, ведущихся в Сибирском отделении АН СССР, М.И.Черемисина утверждает, что специфической синтаксической организацией, предполагающей зависимость диктумной предикативной единицы особого типа, обладают все языки; реализация же этой "модели" определяется "техническими частностями" различных языков [Черемисина, 82, с.5-6].

Изъяснительная техника русского языка предполагает формальную маркированность диктумного события, и показателем такой маркированной связи, "предикативного управления", служит комплекс местоимение "то" плюс союз "что". Из этого М.И.Черемисина делает вывод: адекватный смысловой организации вариант конструкции - с "то", а без него - вторичный. Механизм изъяснительной конструкции принципиально отличен от внешне сходного "отождествительно-анафорического": последний соединяет два однофункциональных - диктумных - события; содержательной стороной этого вида связи является "референциальное отождествление".

3.2. Опора на противопоставление диктума и модуса в другом случае приводит к выделению в составе одних и тех же формальных классов предложения симметричных и асимметричных структур.

Так разделяются местоименно-соотносительные отождествительные конструкции в [Крамских, 82]: в симметричных предложениях объединяются два события, помещаемых в диктум. Незнакомец положил у костра то, что держал в руках (А.Чехов); в одном из типов асимметричных - одно из событий "уходит" в модус, делая предложение монопропозитивным - Это всё, что я расслышал (М.Булгаков) [Крамских, 82, с.4-10].

Т.А.Колосова, понимая асимметричность иначе, - как несоответствие количества пропозиций и предикативных единиц в предложении, - рассматривает несколько конструкций с союзом "если". "Поверхностной" двухкомпонентности в них соответствуют три компонента в смысловой структуре, причем две из них составляют модус: Если хотите купить хлеба, то (знайте, учтите), что магазин налево [Колосова, 80, с.59].

Т.А.Колосова убедительно показывает, что именно модус часто является "виновником" асимметрии предложения: он (т.е. предикативные единицы с семантикой обнаружения, мысли и познания, речи) [Колосова, 80, с.57] имеет устойчивую тенденцию к имплицитному присутствию в предложении. Модусная семантика способствует "переходу" соответствующих предикативных единиц во вводные конструкции. Ср.: Да, если правду сказать, мне не понравился тон Весловского - Если серьезно, то всё в порядке - Сказать правду, спасенный не понравился Морозке с первого взгляда.

3.3. Использование диктумно-модусного разграничения позволило дать новую интерпретацию простых предложений, в предикативную основу которых входит инфинитив, - Расставться грустно, Хотелось поговорить, Отступать - не в его привычках, Развлекать гостей - проблема, Сказать так - значит обидеть его [Шмелева, 79].

Формальная организация таких предложений обнаруживает симметричность смысловой: в их семантике соединяются пропозитивный элемент - название события - и его оценка - модусный элемент; в структуре первому соответствует инфинитив, второму - партнер инфинитива по схеме, связанный с ним связью, близкой к согласованию. Несводимость структуры анализируемых предложений к классическим типам подлежащно-сказуемостным схем объясняется, таким образом, своеобразием их семантики, двуэлементной, тогда как основные модели ориентированы на вербализацию диктумного содержания.

Среди разнообразных значений модуса инфинитивные модели специализируются на выражении своей модусной частью оценочности и модальности, о чем говорит состав лексики, соседствующей в моделях с инфинитивом.

Более просто, т.е. более симметрично устроены схемы Inf Vf Хотелось поговорить, Inf Adj Расставаться грустно, Inf Adv/N2 Отступать не в его правилах: в них диктумный и модусный элементы соединяются непосредственно. В моделях же Inf N1 Развлекать гостей - проблема и Inf Inf Сказать так - обидеть его эти элементы соединяются "через посредство" логической пропозиции; выражать оценочность - хотя и достаточно часто исполняемая, но не единственная их роль (в отличие от первой

группы). В своих "первых" ролях эти схемы выражают интерпретативные отношения; вовлекаясь в выражение модусных смыслов, они делают это более тонким способом - имплицитно, в более широком ассортименте, не зависящем от наличия оценочной лексики.

3.4. С диктумно-модусным противопоставлением связана и идея деривационной парадигмы предложения [Белошапкова, 81а].

При обсуждении явлений синтаксиса простого предложения, известных под названием регулярных реализаций или структурно-семантических модификаций, обращено внимание на аналогичность названных явлений словообразованию. Деривационные преобразования моделей весьма разнообразны как по своим семантическим последствиям, так и по характеру формальных изменений, ставящих вопрос о границах, в которых модель можно считать тождественной самой себе. Предложено одну из таких границ провести по "границе" диктума и модуса. Иначе говоря, исходной предлагается считать модель, предназначенную для обозначения диктумного (пропозитивного) содержания, а ее модусные осложнения - дериватами исходной схемы, набор которых и составляет деривационную парадигму предложения.

Такой подход позволяет провести иерархизацию в достаточно большом и пестром списке структурных схем простого предложения, который находится в научном обороте со времен выхода Грамматики-70. Минимальными признаются десять схем, которые при заполнении своих позиций полнозначной лексикой обозначают преимущественно тот или иной тип диктумной семантики [см. Белошапкова, 81а, с.50].

Один из самых решительных результатов такого подхода - признание всех инфинитивных предложений модусными дериватами. Если однокомпонентные инфинитивные предложения претерпевают только формальное изменение, то двуинфинитивные включают лексический показатель модусности - среди которых в русском языке около 300 адъективных форм, 100 глагольных и 30 адвербальных [Шмелева, 89].

Такое осмысление инфинитивных конструкций как неосновных, производных вполне согласуется с помещением их на периферии синтаксического поля предложения Г.А.Золотовой [Золотова, 80, с.172]. Однако вызывает возражения Г.А.Золотовой в силу того обстоятельства, что предложения-дериваты определены общо, без

учета существенных, по мнению Г.А.Золотовой, различий инфинитивных конструкций [Золотова, 80, с.186]. Представляется между тем, что идея деривационной парадигмы, как она изложена в названной статье, не исключает дальнейшей детализации в характеристике как элементарных моделей, так и их дериватов.

Вводя понятие деривационной парадигмы в вузовский учебник, А.А.Белошапкова подчеркивает его теоретическую значимость и вместе с тем вносит в него некоторые уточнения. Продолжая аналогию "предложение-слово", она предлагает различать внутрисхемные мотивационные отношения (аналог модификационных) и межсхемные (аналог транспозиционных). В таком случае инфинитивные предложения включаются не в число дериватов, а в число минимальных структурных схем [Белошапкова, 81, с.460-470, см. список на с.443].

Итак, мысль о противопоставлении диктума и модуса, хорошо освоенная современной синтаксической наукой, эффективно используется при решении различных вопросов синтаксиса, обогащая его новыми аргументами и данными о свойствах синтаксических единиц и их отношениях в системе.

Фокусировка внимания на модусно-диктумной структуре предложения, а также условия времени и печатного места вынуждают оставить за рамками обзора многие интересные работы, напр., исследования прагматического аспекта предложения[13], не рассмотрена проблема экспрессивных явлений в русском синтаксисе, о которых появилось много новых сведений именно в обозреваe-

---

[13] См., напр., цикл статей в ИАН СЛЯ, 1981, № 4: Степанов Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта); Арутюнова Н.Д. Фактор адресата; Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический "принцип Приоритета" и его отражение в грамматике языка; Николаева Т.М. Категориально-грамматическая цельность высказывания и прагматический аспект; Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики; Демьянов В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания. Там же - 1982, № 4; Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений: Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога; Почепцов Г.Г. (мл.). Анализ перформативных высказываний. // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. - М., 1982. - № 6.

мый период[I4]. Неясен статус прагматики и экспрессии в смысловой структуре предложения, хотя довольно смело можно говорить об их субъективной природе (часть ли это модуса? нечто иное или близлежащее?). Вообще нужны обобщающие работы о закономерностях взаимодействия различных аспектов предложения и принципах его описания с учетом этих закономерностей. Примечательный образец такого описания представлен в [Арутюнова, 83в], значимость выработанных автором принципов и приемов описания заслуживают специального обсуждения.

Чрезвычайно важные сведения о смысловой организации предложения добываются исследователями служебных и строевых слов, сфера действия которых часто весьма прихотливо пронизывает несколько разных аспектов предложения[I5].

Изучение служебных слов показало необходимость разработки в понятийном аппарате семантического синтаксиса особого раз-

---

I4 См.: Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования. Томск, I98I; Акимова Г.Н. Новые явления в строе современного русского языка. Л., I982 и др. работы этих авторов.

I5 См., напр.: Богуславский И.М. О соотношении синтаксических и семантических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., I979; Крейдлин Г.Е. Служебные слова в рксском языке: Семантические и синтаксические аспекты их изучения: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., I979; Кобозева И.М. Опыт парадигматического анализа ТО- и НИБУДЬ-местоимений. // ИАН СЛЯ. I98I. № 4; Николаева Т.М. Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке и типология ситуации. // ИАН СЛЯ. I983. № 4; Николаева Т.М. "Событие" как категория текста и его грамматические характеристики. // Структура текста. / Отв. ред. Т.В.Цивьян. М., I980; Володин А.П., Храковский В.С. Опыт анализа семантико-синтаксических свойств частицы ЖЕ (Ж) в императивных конструкциях. // Семантика служебных слов. / Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, I982 и там же статьи А.Н.Баранова, Н.В.Коссек, Г.Е.Крейдлина, Е.Г.Широковой; Баранов А.Н. О несубстантивных употреблениях слова ПРАВДА. // Вестн. МГУ, сер. 9 Филология. - I982. - № 2; Усова Н.В. О некоторых свойствах частицы "и" в противительных конструкциях с "но". // Функциональный анализ синтаксических структур. / Сб. науч. тр. Иркутск, I982.

дела, обращенного к информации разного типа, не получающего эксплицитного выражения в составе высказывания[16].

Умолчание обо всех этих проблемах никоим образом не должно быть истолковано как недооценка названных направлений в исследовании семантики предложения. Скорее наоборот: возрастающее внимание к ним со стороны лингвистов и недостаточная ясность их отношения к теоретически более освещенным участкам семантического механизма настоятельно требуют специального и подробного разговора - и о самих лингвистических объектах и о том, как они "штурмуются" синтаксистами.

Е.Н.Саввина

СИНТАКСИС ТЕКСТА

1. Акишина А.А. Структура целого текста. Вып. I,2. - М., Высшая школа профсоюзного движения, 1979, 88 с (I), 80 с. (2).
2. Арутюнова Н.Д. Функция определения в бытийных предложениях. // Русский язык. Текст как целое и компонент текста. - М., 1982, с.29-45.
3. Бархударов Л.С. Структура предложения и структура текста.// Лингвостилистические проблемы текста: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. 1980. Вып.I, с.5I-58.
4. Бондаренко Г.В. К вопросу о взаимосвязи структуры текста и актуального членения предложения. // Аспекты изучения текста. Университет дружбы народов им. П.Лумумбы. - М., 1981, с.II-I8.
5. Брчакова Д. О связности в устных коммуникатах. // Синтаксис текста. - М., 1979, с.248-261.
6. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. - М., 1979, 295 с.
7. Вежбицка А. Метатекст в тексте. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.УШ. Лингвистика текста. - М., 1978, с.402-430.
8. Волкова С.С. О синтаксической сущности понятий "единица

---

[16] См. чрезвычайно важную в этом отношении работу: Падучева Е.В. Презумпция и другие виды неэксплицитной информации в предложении. // НТИ / ВИНИТИ. Сер.2. - М., 1981. - № II.

текста" и "текстуальная связь". // Структурная, прикладная и математическая лингвистика. вып.8. - Киев, Изд-во КГУ, 1980, с.22-30.

9. Вольф. Е.М. Прилагательные в тексте. // Лингвистика и поэтика. - М., 1979, с.118-135.
10. Гиндин С.И. Советская лингвисика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948-1975). // ИАН СЛЯ. 1977. № 4, с.348-361.
11. Головачева А.В. Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах. // Категория определенности-неопределеноости в славянских и балканских языках. - М., 1979, с.175-203.
12. Горшкова И.М. Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике. // Синтаксис текста. - М., 1979, с.153-161.
13. Ермакова О.П. Контекстно-обусловленная сочетаемость идентифицирующих существительных с прилагательными. // Синтаксис текста. - М., 1979, с.153-161.
14. Золотова Г.А. Вводно-модальные слова в предложении и тексте. // - 1983, ХХУШ, № 5, с.207-213.
15. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста.// Синтаксис текста. - М., 1979, с.113-133.
16. Кленина А.В. О коммуникативной природе членения научного текста на абзацы. // Аспекты изучения текста. - М., Университет дружбы народов им. П.Лумумбы. - 1981, с.47-55.
17. Ковтунова И.И. Структура художественного текста и новая информация. // Синтаксис текста. - М., 1979, с.262-275.
18. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом.// Синтаксис текста. - М., 1979, с.49-67.
19. Кононенко Т.Н., Новицкая И.М. О предсказуемостной силе предложений текста. // Лингвистические проблемы функционального методарования речевой деятельности. Вып.IУ. - Л., изд-во ЛГУ, 1979, с.108-115.
20. Красина Е.А. Актуальное членение сложноподчиненных предложений с невыраженной темой в современном русском языке. АКД. М., 1980.
21. Крылова О.А. Спорные вопросы актуального синтаксиса. //

Коммуникативно-синтаксический и стилистический аспекты анализа текста. - М., 1980, с.3-21.

22. Крылова О.А., Красина Е.А. Понятие нулевой темы и синтагматическая зависимость-независимость высказываний. // Синтаксис и стилистика: функциональный аспект. - М., Ун-т. дружбы народов им. П.Лумумбы, 1982, с.3-9.
23. Левин Ю.И. Повествовательная структура как генератор смысла: текст в тексте у Х.Л.Борхеса. // Текст в тексте. / Уч. зап. Тарт. ун-та (Труды по знаковым системам, 14). - Тарту, 1981, вып. 576, с.45-64.
24. Левицкий Ю.А. Сложносочиненное предложение как модель текста. // Текст в процессе преподавания иностранного языка. - Пермь, 1979, с.120-133.
25. Левковская Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? - Науч. докл. высш. шк. филол. науки. - М., 1980. - № 1, с.75-78.
26. Леоненко М.А. Сопоставительные предлоги и их роль в синтаксисе текста. // Синтаксис текста. - М., 1979, с.197-203.
27. Леонтьева Н.Н. О механизме интерпретации слабых связей в тексте. // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. У. - Л., 1982, с.101-124.
28. Москальская О.И. Аранжировка предложений в тексте и проблема подчинения. // ИАН СЛЯ. 1980. № 6, с.521-530.
29. Муравьева Н.В. К вопросу о классификации средств межфразовой связи предложений в текстах газетно-публицистического стиля. // Проблемы функционирования языка в его разновидностях. - Пермь, 1981, с.135-152.
30. Никитина Т.Н., Откупщикова М.И. Некоторые проблемы актуального членения текста. // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности, вып.У. - Л., 1982, с.150-165.
31. Николаева Т.М. Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и его семантическая цельность. (К вопросу о функции русских частиц). // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. - М., 1982, с.46-63.
32. Николаева Т.М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики. // ИАН СЛЯ. 1977. № 4, с.304-313.

33. Новое в зарубежной лингвистике, вып.УШ. Лингвистика текста.-М., 1978.
34. Орлова Л.В. Лингвистические средства задания ремы в связном тексте. // Структурная, прикладная и математическая лингвистика, вып.9. - Киев, изд-во КГУ, 1981, с.73-80.
35. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. Учебное пособие. - Л., изд-во ЛГУ. 1982, 103 с.
36. Прянишникова А.Д. О композиционной функции партитурности.- Науч. докл. высш. шк. филол. науки. - М., 1983. - № 2, с.74-77.
37. Радзиевская Т.В. Анафорические имена с антецедентом-высказыванием. // ИАН СЛЯ. 1979. № 2, с.128-135.
38. Слюсарева Н.А. Лингвистика речи и лингвистика текста. // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. (Раздел П, глава I). - М., 1982.
39. Стародумова Е.А. О релятивных свойствах частиц (синтаксические функции частицы именно). // Синтаксические связи в русском языке. - Владивосток, 1981, с.111-123.
40. Тороп.П.Х. Проблема интекста. // Текст в тексте. Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1981. - вып.567. (Труды по знаковым системам, 14). Тарту, с.33-44.
41. Федосюк М.Ю. О функциональном подходе к изучению видов связности текста. // Проблемы современной и исторической лексикологии. - М., 1979.
42. Федосюк М.Ю. Способы передачи новой информации в художественном тексте. // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. М., 1983. - № 6, с.40-46.
43. Шаляпина З.М. Межфразовые связи как способ реализации валентностей. // Аспекты изучения текста. - М., Университет дружбы народов им. П.Лумумбы, 1981, с.80-87.
44. Широкова Е.Г. Частица и и некоторые функции усилительных частиц. // Семантика служебных слов. - Пермь, 1982.
45. Ширяев Е.Н. Структура разговорного повествования. // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. - М., 1982, с.106-121.
46. Янус Э. Обзор польских работ по структуре текста. // Синтаксис текста. - М., 1979, с.325-340.

47. Girke W. Zur Funktion von и, также und тоже. - In: Slavistische Beiträge. Band 141. (P. Hill und V. Lehmann Hrsg.) München, Verlag Otto Sagner, 1981.

Общее направление развития лингвистической мысли закономерно привело к тому, что в последние десятилетия усилился интерес к изучению языка "вглубь" и "вширь". Стремление вглубь привело к активной разработке проблемы семантики, стремление вширь способствовало все более четкому обращению к достаточно обширным фрагментам материала, воплощающего в себе результат языковой деятельности человека, - к цельным текстам. Неверно было бы утверждать, что текстом не занимались прежде, однако в последние годы усиление интереса к тексту проявляется, с одной стороны, во все увеличивающемся потоке работ, непосредственно затрагивающих вопросы изучения структуры текста и закономерностей его организации, а с другой стороны, в том, что все больше исследователей занимается разработкой даже традиционных лингвистических проблем с "оглядкой" на текст.

Настоящий обзор посвящен синтаксису текста, а не проблемам лингвистики текста вообще. В связи с этим хотелось бы уточнить то понимание синтаксиса, на которое мы здесь опираемся. Синтаксис в его классическом, привычном понимании представляет собой изучение закономерностей построения предложения и/или словосочетания из более мелких единиц. У такого понимания синтаксиса отчетливо выделяется два, по всей видимости, независимых аспекта: I) ограничение размера "строительного материала": из словосочетаний и слов строятся предложения, 2) стремление к постижению структуры целого, способов соединения частей в целом. Именно этот второй аспект и берется в качестве конституирующего для принятого здесь более широкого понимания синтаксиса, а именно, такого его понимания, при котором этот термин может выступать с уточняющим определением: "синтаксис словосочетания", "синтаксис предложения" и "синтаксис текста".

В чем же состоит тогда постижение структуры? Структура в языке - это совокупность отношений, которые не даны исследователю в непосредственном наблюдении, а конструируются им для наиболее простого и адекватного описания целого. Но это кон-

струирование осуществляется не чисто спекулятивно. Ведь выявляемые отношения должны иметь в рассматриваемом материале свое более или менее эксплицитное выражение. Поэтому задача синтаксиса состоит, на наш взгляд, именно в том, чтобы оптимальным образом были выявлены цементирующие текст отношения и чтобы эти отношения были соотнесены со средствами их выражения. Две части этой задачи представляются неотделимыми друг от друга. С этой точки зрения и производится, в основном, отбор работ для данного обзора.

Следуя этому принципу, мы сознательно исключили из рассмотрения работы, имеющие, по-видимому, только косвенное отношение к синтаксису текста: I) работы стилистического характера, посвященные анализу специфики языковых средств, типичных для определенного класса текстов (научных, публицистических, художественных и т.п.)[1]; 2) работы, в значительной степени ориентированные на прагматику и коммуникативную ситуацию[2]; 3) работы с преимущественным вниманием к семантике, в которых выявление семантических категорий не связывается самым теснейшим образом со средствами их выражения или же исследование ведется в направлении "от средства выражения к выражаемым значениям"; 4) работы, в которых анализируется влияние контекста любой протяженности на семантическую интерпретацию лексемы или на какое-либо аналогичное лингвистическое явление; 5) работы по описанию только наиболее "внешних", "поверхностных" средств оформления текста: графики для письменного и интонации для устного текста; 6) психо-лингвистические работы в области лингвистики текста. Наконец, в минимальной степени затронута проблематика глобальной структуры текстов и работы в русле так называемой нарративной лингвистики (направление, разрабатываемое преимущественно за рубежом). Это ограничение

---

[1] Впрочем, это ограничение не принималось во внимание, если содержащиеся в работе результаты могут быть признаны значимыми не только для данного стиля, но и для языка в целом.

[2] С этим ограничением связан отказ от рассмотрения работ, касающихся проблемы пресуппозиций.

вызвано тем, что такие исследования, как правило, не имеют непосредственного отношения к русскому или какому-либо другому естественному языку, а носят скорее универсальный характер и часто оказываются ближе к литературоведению или к семиотике, чем к лингвистике.

Разумеется, все перечисленные ограничения применялись не жестко и служили скорее общим руководством к отбору материала. В каждом конкретном случае включение работы в рассмотрение определялось индивидуально с учетом того, насколько представленные в ней результаты интересны и важны для темы в целом.

I. Немного истории.

История учений о тексте в русской лингвистической литературе до середины 70-х годов изложена в [Гиндин, 77] и весьма популярно и доступно в Акишина, 79, вып.I, гл.I . Правда, авторы этих работ не выделяют собственно синтаксис текста в отдельную дисциплину, а говорят о лингвистике текста вообще. Однако в плане исторической перспективы для настоящего обзора это не имеет большого значения, поскольку синтаксис текста целесообразно понимать как всего лишь один из аспектов рассмотрения текста и потому для его истории важно представить становление всей более широкой дисциплины, т.е. лингвистики текста в целом.

Текст может быть объектом изучения разных наук с разной целью: филологии (в самом широком ее понимании), семиотики, логики, психологии, социологии, юриспруденции;[ср. Акишина, 79, вып. I, гл.I, §I]. В рамках филологии текст по-своему представляет интерес для литературоведения, фольклористики и стилистики, для риторики и методики преподавания языка и, наконец, для собственно языкознания. Чисто лингвистическое изучение текста оформилось в самостоятельную отрасль языкознания, отделившись от проблем, типичных для перечисленных выше других филологических дисциплин. Однако лингвистика текста не утвердилась бы как самостоятельная отрасль языкознания, если бы внутри самого языкознания не возникло насущной потребности обратиться к тексту большей протяженности, чем одно предложение.

А.А.Акишина в [Акишина, 79] выделяет три периода в становлении русской лингвистики текста: I) начальный период - конец XIX - начало XX в., когда проблема только намечается (труды А.В.Добиаша, А.А.Потебни, Д.Н.Овсяннико-Куликовского, А.А.Шахматова, А.М.Пешковского и др.); 2) второй период - 40-е и 50-е годы XX в., характеризуемый интересом к связному целому и накоплением материала по структуре текста (этот период связан с именами Н.С.Поспелова, Л.А.Булаховского, В.В.Виноградова и др.); 3) третий - современный период. Аналогичную периодизацию дает и С.И.Гиндин [Гиндин, 77]. Если в начальном периоде исследователи больше указывали на необходимость заняться изучением связного текста, чем занимались им непосредственно, то во втором периоде в научный обиход уже было введено такое важное понятие как "сложное синтаксическое целое"[3] (ССЦ), или "сверхфразовое единство"[4] (СФЕ). Споры о природе, свойствах и определении этой сложной единицы не прекращаются до сих пор, вызвав к жизни обилие других терминов, называющих, по всей видимости, то же самое понятие. Тем не менее именно рассмотрение таких образований, охватывающих несколько предложений, вызвало интерес к организации текста, т.е. к наличию определенных смысловых связей между компонентами целого и к средствам выражения этих связей.

Наиболее заметным проявлением связи между предложениями оказалось повторное упоминание в тексте одного и того же объекта. Поэтому вначале усилия многих исследователей были сконцентрированы на характеристике языковых средств реализации связей этого типа[5]. Эти исследования достигли своего логичес-

---

[3] См.: Поспелов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. // Доклады и сообщения института русского языка АН СССР, вып.2, 1948.

[4] См.: Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка.- Киев. "Радяньска школа", 1952, с.1.

[5] См., например: Фигуровский И.А. От синтаксиса отдельного предложения - к синтаксису целого текста. // РЯШ, 1948. - №3. С.21-31; Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. - М., 1969. 135 с.

кого завершения в диссертации С.И.Гиндина[6], предложившего обобщение для лексического, местоименного и др. повторов в виде понятия семантического повтора. Тем самым был сделан шаг в сторону признания главенствующей роли семантики в создании связности текста. Параллельно с исследованием повторов велось также изучение таких средств связи в тексте, которые наблюдаются и в пределах предложения (главным образом сложного): союзов, последовательности времен сказуемых и т.п. Выявление все большего числа типов связей заставило перейти от интуитивного принятия членения текста на СФЕ к уточнению этого понятия, к определению сравнительной значимости разных средств связи для выделения СФЕ. Смысловые параметры, в частности, единство темы, и здесь получили главенствующую роль. Другим важным достижением (вытекающим из пока еще недостаточной формализации семантики) явилось осознание относительности членения на СФЕ, связанной с тем фактом, что разная степень смысловой близости предложений в их объединениях может давать разные по объему объединения, позволяющие построить целую иерархию уровней членения[7].

Были получены важные результаты, касающиеся противопоставления СФЕ и абзаца, как объективной единицы субъективной[8]. Различные аспекты связности текста и его фрагментов рассматриваются в диссертациях и монографиях, выпущенных в свет в конце 60-х - начале 70-х годов[9]. Проблемы синтаксиса текста

---

[6] Гиндин С.И. Внутренняя организация текста. Элементы теории и семантический анализ. Канд. дисс. М., 1972, 390 с.

[7] См.: Скороходько Э.Ф. Семантические связи в лексике и в текстах. // Вопросы информационной теории и практики. - М., ВИНИТИ, 1974, № 23. С.6-116.

[8] Отзвуками этих работ в современной лингвистике явились статьи: Левковская, 80 и Кленина, 81 .

[9] Назовем лишь немногие из них: Котюрова М.П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным). Канд дисс. Саратов, 1975; Турмачева Н.А. О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве. Канд. дисс. М., 1973; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М., 1973; Лосева Л.М. Межфразовая связь в текстах монологической речи (основные структурные модели, типы и принципы синтаксической организации).

рассматривались применительно не только к русскому языку, но и к другим европейским языкам - в монографиях М.П.Йонице, В.Г.Борботько, И.О.Москальской, Е.А.Реферовской и др. Состояние лингвистики текста к середине 70-х годов хорошо отражено в материалах конференции "Лингвистика текста", проводившейся в 1974 году в МГПИИЯ им. М.Тореза. Вслед за ней в 1977 году была проведена конференция на тему "Текст и аспекты его рассмотрения", материалы которой также опубликованы. В настоящее время интенсивные исследования проблематики текста продолжаются в лаборатории математической лингвистики НИИ математики и механики ЛГУ[10]; также в Ленинграде существует проблемная группа "Структурно-семантическая природа синтаксических единиц и их функционирование в тексте"[11]; наконец, в Калинине издано уже несколько специализированных сборников по вопросам организации текста, в основном в семантическом и прагматическом аспекте[12]. За рубежом интерес к лингвистике текста в СССР воплотился в издании комментированной библиографии советских работ по лингвистике текста и подготовленном на базе этой библиографии двухтомнике рефератов и переводов хрестоматийного характера[13]. Советский читатель в свою очередь может получить общее представление о зарубежной лингвистике текста из статьи Т.М.Николаевой Николаева, 77 , из ее же вступительной статьи к сборнику переводов "Лингвистика текста" ("Новое в зарубежной лингвистике". Вып.УШ. М., "Прогресс", 1978) и из самого этого сборника, а также из специального издания

Одесса, 1969; Маслов Б.А. Проблемы лингвистического анализа связного текста (надфразовый уровень). Таллин, 1975.

10 Результаты этих исследований периодически отражаются в продолжающемся издании "Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности".

11 Работы членов этой группы были опубликованы в сборнике "Функционирование синтаксических категорий в тексте". Л.,1981.

12 Ср., например: "Семантика и прагматика синтаксических единств". Калинин, 1981; "Синтаксическая семантика и прагматика". Калинин, 1982.

13 Jellite H. Kommentierte Bibliographie zur Sowjetrussischen Textlinguistik. - "Linguistische Berichte", 1973, (H.28), 1974 (H.29); Sowjetrussische Textlinguistik. B. 1-2. Frankfurt/M. 1976.

ИНИОН'а[14], посвященного лингвистике текста и содержащего рефераты работ зарубежных авторов и дополнительную библиографию[15]. Наконец, наряду с чисто теоретическими изысканиями синтаксис текста дал практические плоды: его результаты используются в прикладных работах по информатике, посвященных решению задачи автоматического индексирования и реферирования научных текстов[16].

2. Публикации монографического характера.

Разработка проблем синтаксиса текста в 70-е годы нашла свое достаточно полное отражение в обобщающем труде М.И.Откупщиковой [Откупщикова, 82]. Эта небольшая по объему книга, написанная в качестве учебного пособия для студентов ЛГУ, представляет тем не менее не только результаты многочисленных исследований других авторов, завоевавшие большее или меньшее признание в данной области, но и собственные оригинальные наблюдения и концепции М.И. Откупщиковой, полученные в ходе многолетней работы по описанию языковых явлений в рамках текста. Простота и логичность изложения, обусловленные характером книги, удачно сочетаются с насыщенностью тематики. Книга состоит из двух глав: в первой рассматриваются общие вопросы, связанные с определением понятия "связный текст" (раздел I) и с формулировкой основных законов устройства связного текста (раздел II); вторая глава посвящена описанию языковых способов выражения связности в тексте.

Отмечая многообразие существующих в лингвистике на сегодняшний день определений текста и отсутствие среди них обще-

---

[14] Исследования по теории текста. М., 1979.

[15] Заинтересованному читателю можно порекомендовать также аннотированную библиографию: Dressler W.U., Schmidt S.J. Textlinguistik. Kommentierte Bibliographie. München, 1973; 12-й выпуск из серии "Syntax and Semantics" сборник "Discourse and Syntax" N.-Y., 1979 – и сборники и монографии в продолжающихся сериях: 1) Papiere zur Textlinguistik (Ihwe J., Petöfi J.S., Rieser H. Hrsg.) Hamburg: Buske, von 1972–; 2) Research in Text Theory (Petöfi J. ed.) Berlin–N.-Y.: de Gruyter, from 1977; 3) Advances in Discourse Processes. Norwood, from 1978–; 4) Discourse analysis monographs. English language research. University of Birmingham, from 1979–.

[16] См., в частности, соответствующий раздел коллективной

признанного, М.И.Откупщикова рискует все же дать свое собственное определение: "Текст представляет собой почти жестко фиксированную, передающую определенный связный смысл последовательность предложений, связанных друг с другом семантически, что выражено различными язнковыми способами" [Откупщикова, 82, с.28].

Помимо общего определения текста и анализа многоаспектности этого понятия в первом разделе книги рассматриваются следующие вопросы: I) текст как элемент акта коммуникации, 2) неавтономность смысла отдельного предложения, зависимость его от текста, в который входит данное предложение, 3) тенденции развития лингвистики, приведшие к формированию лингвистики текста, 4) знаковость текста, 5) границы текста, 6) единицы текста.

Во втором разделе первой главы формулируется пять законов устройства связного текста: I) закон связности; 2) закон антагонизма между линейной организацией текста и его гиперсинтаксической и смысловой структурой; 3) закон повторяемости смысла; 4) закон сокращения (экономии); 5) закон избыточности. Интуитивно очевидные и частично описанные ранее другими исследователями, эти законы сведены здесь в стройную систему с указанием их взаимосвязей и отношений логического следования между ними.

К числу конкретно-языковых средств выражения связности текста, анализируемых во второй главе, относятся I) разнообразные замещения, 2) логические связки или коннекторы, 3) актуальное членение предложения, 4) предсказание смысла последующего текста на основании лингвистических свойств некоторых единиц в предыдущем тексте. В соответствии с тематическим построением настоящего обзора конкретные наблюдения и результаты из этой книги целесообразно будет рассмотреть ниже, в соответствующем разделе.

монографии-обзора "Итоги науки и техники. Серия "Информатика", т. 7. Автоматизация индексирования и реферирования документов. - М., ВИНИТИ, 1983.

3. Общетеоретические положения.

3.1. Понятие связности текста.

Опыт, накопленный в лингвистике текста в 60-70-е годы, позволяет говорить о том, что на рубеже 80-х годов обращение исследователей к таким общетеоретическим проблемам как связность текста носит уже не столько прескриптивный, сколько более деловой характер. В то же время наметилось движение от демонстрации важности какого-то одного-двух аспектов в плане описания некоторого понятия к попыткам оценить многообразие и сложность взаимодействия различных аспектов. С этим связано стремление вовлечь в рассмотрение такие тексты, от которых прежде считалось целесообразным отвлекаться.

В этом отношении показательны работы, опубликованные в сборнике "Синтаксис текста" (М., "Наука", 1979) и прежде всего статья чешской исследовательницы К.Кожевниковой Кожевникова, 79 . Отмечая единодушное мнение исследователей текстовой проблематики, что текст не мыслим вне с в я з н о с т и", К.Кожевникова стремится вместе с тем показать, что связность весьма разнообразна по своей манифестации и аспектам рассмотрения и "не является каким-то абсолютным качеством". Представляется принципиально верной мысль о том, что средства связи не создают связности сами по себе, а только служат ее сигналами. Поскольку текст можно рассматривать, во-первых, как процесс, а во-вторых, как результат, постольку и связность можно оценивать в двух аспектах: 1) как "н а л и ч и е о б щ е г о в двух или более фактах, явлениях и т.д." и как 2) о б ъ е д и н е н и е разных фактов, явлений и т.д. в единое целое.

К.Кожевникова выделяет такие три близких понятия как 1) отграниченность (чисто формальная, внешняя, категория, характеризующая, как правило, письменный текст), 2) замкнутость или целостность (соответствующая ограниченности семантическая категория), 3) законченность (соответсиие содержания текста определенной информативной модели). Отграниченность может служить средством выражения замкнутости и законченности.

Жанрово-коммуникативные особенности позволяют различать

три типа текстов: I) "тексты, содержание которых строится по более или менее жестким, но всегда облигаторным информативным моделям" (примеры: кулинарный рецепт, инструкция, афиша и т.п.); 2) "тексты, содержание которых строится по узуальным информативным моделям" (примеры: газетное сообщение о текущих события, рецензия и т.п.); 3) не регламентированные тексты (примеры: частные письма, большинство жанров художественных произведений). Принадлежность текста к одному из этих трех типов как раз и дает соответствующие инструменты для оценки его законченности.

Использование отграниченности для выражения замкнутости происходит по-разному с точки зрения автора создаваемого текста и с точки зрения рецепиента. В этом проявляется еще одна важная не только для работы К.Кожевниковой, но и для всего рассматриваемого периода тенденция: интенсивное обращение к акту коммуникации, к учету говорящего и слушающего. Ниже мы еще неоднократно столкнемся с этой тенденцией. В работе К.Кожевниковой отмечается, что автор всегда исходит из априорной целостности, замкнутости создаваемого им текста, даже если стороннему наблюдателю или рецепиенту текст может представляться и не вполне цельным (например, справочник, телефонная книга, учебные упражнения и т.д.). Для реципиента целостность не всегда существенна , его могут интересовать в некоторых текстах (типа перечисленных выше) отдельные фрагменты и быть безразличными отношения частей текста между собой и к тексту в целом.

К.Кожевникова указывает следующие четыре параметра, существенные для характеристики связности: I) так сказать тематическая "топология" связности, ведущая к различению связности (а) радиального типа (пучкообразная связь с общей темой при отсутствии связи частей между собой; примеры см. выше) и (б) линейного типа (наличие связей частей между собой в рамках целого); 2). (для связности линейного типа) смысловое соотношение связываемых частей, сводимое к противопоставлению (а) смыслового зацепления (логических связок) и (б) смыслового перекрытия (некоторого обобщения понятия "повтор"); 3) способ выражения - (а) эксплицитный (б) имплицитный; 4) на-

конец, соотнесенность протяженности текста со связностью, позволяющая различать (а) плавную и (б) прерывистую связь.

Усиленное внимание к проблемам речевых актов, проявившееся, как уже было сказано, и в работе К.Кожевниковой, с одной стороны, стимулировало интенсивные исследования текстов разговорной речи, а с другой стороны, привело к обогащению лингвистики текста идеями перформативного анализа[17]. Первая тенденция нашла свое отражение в работах [Брчакова, 79] и [Ширяев, 82], а вторая также проявилась в работе [Брчакова, 79], но гораздо четче эта тенденция реализовалась в более ранней статье [Вежбицка, 78].

В работе [Ширяев, 82] в качестве объекта исследования рассматриваются тексты разговорной речи. Эти тексты представляют собой интерес с точки зрения синтаксиса текста, поскольку они обладают гораздо "большей внутренней взаимосвязанностью компонентов", чем тексты в кодифицированном литературном языке. Этот тезис Е.Н.Ширяев подает даже в несколько парадоксальной форме: "В разговорной речи синтаксис высказывания уже есть синтаксис текста" [Ширяев, 82. с.109]. Вместе с тем именно в разговорной речи может максимально проявляться тематическая разноплановость текста. Тем не менее текст можно считать связным с учетом в комплексе всех компонентов коммуникативного акта: говорящего, слушающего, коммуникативной ситуации в целом. Подчеркивается творческий аспект участия говорящего и слушающего в создании текста диалога: и говорящий, и слушающий должны постоянно решать определенные задачи, чтобы достичь оптимального взаимопонимания. Задача говорящего - постоянно моделировать в себе слушающего; этому служат такие языковые средства как вопросно-ответная форма построения текста или же высказывания в монологе, начинающиеся со слова нет - как бы в ответ на имплицитное возражение слушающего. Задачи слушающего многообразны - 1) распознавать часто встречающиеся имплицитные мысли, 2) порой заканчивать текст за говорящего,

---

[17] Основная идея перформативного анализа состоит в том, что для любого предложения S_1 постулируется представление типа "Я ГОВОРЮ ТЕБЕ, ЧТО S_1 ".

3) не просто понять, а наглядно представить себе какие-то картины там, где этого хочет говорящий, 4) помогать временами говорящему в подборе нужного слова, 5) показывать говорящему, что текст постоянно воспринимается активно (как минимум - такими репликами, которые означают именно факт восприятия текста, но еще не согласие с высказанным: Ага! Угу! Да, либо более содержательно: Да-да. Конечно. Надо-же и т.п.).

Аналогичная точка зрения высказывается и в работе Д.Брчаковой [Брчакова, 79]: связность в диалоге создается дистрибутивно обоими партнерами[18]. В этой работе, также обращенной к устным текстам, большое внимание уделяется элементам текста, противопоставленным основной, объективной тематической линии текста. Выделяются I) показатели контактирования, 2) показатели автокомментирования, 3) цитаты, 4) восстановители связности. Все эти элементы признаются нарушающими связность основной линии текста; одни из них могут образовывать свои линии, другие образуют принципиально несвязные ряды. Очевидно, что присутствие таких элементов в некотором тексте едва ли способно повлиять на интуитивную оценку этого текста как связного. Поэтому нарушение связности основной тематической линии все же не является нарушением связности текста в целом. К сожалению, в такой отчетливой форме эта мысль в работе Д.Брчаковой не проведена, а именно такое понимание связности как единства нескольких линий (хотя бы и "мешающих" друг другу) представляется наиболее полезным и современным.

А.Вежбицка отказывает подобному "двутексту" в связности [Вежбицка, 78, с.404]. Однако думается, что в этом утверждении повинен основной пафос статьи: обратить внимание лингвистов на дополнительную, метатекстовую линию в тексте. Ясно, что эта линия и основная тематическая линия связаны между собой очень тесно, и в статье можно найти также и свидетельства признания этой связи: "Высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании. В опреде-

---

[18] В том же сборнике "Синтаксис текста" противоположная точка зрения обнаруживается в обзоре польских работ по структуре текста (Э.Янус: в нем приведено мнение М.Майеновой, что диалог несвязен [Янус, 79, с.327].

ленном смысле эти нити могут сшивать текст о предмете в тесно спаянное целое, высокой степени связности", "Метатекст очень тесно связан с самим текстом". Замеченным метатекстовым элементам А.Вежбицка дает толкования (на своем специфическом семантическом языке). Можно соглашаться или не соглашаться с каждым из этих толкований в отдельности, однако нельзя не заметить ярко продемонстрированной А.Вежбицкой семантической общности толкуемых элементов. Отражением этой семантической общности во всех толкованиях и является "метатекстовый плеоназм" (так называет его А.Вежбицка) '(я) говорю (тебе, что)' - основной перформативный глагол.

3.2. Единицы текста.

Вопрос о выделении и определении единицы текста, промежуточной между отдельным предложением и целым текстом, ознаменовал в свое время, как уже говорилось, становление лингвистики текста в СССР. Однако и через три десятилетия после этого нельзя еще говорить о том, что эта проблема получила единодушное решение.

С.И.Гиндин в своем обзоре [Гиндин, 77] дает едва ли не оптимистическую картину результатов в области разработки этой проблемы в 1975 г.: это понятие было постулировано Н.С.Поспеловым в статье 1948 г., затем А.А.Смирновым были получены "экспериментальные доказательства релевантности подобной единицы для процесса восприятия и запоминания текста", а Н.И.Жинкиным отмечена роль СФЕ в качестве "одного из важнейших показателей сформированности механизма построения письменного текста" (цитируется по [Гиндин, 77, с.351]).

Тем не менее исследователи конца 70- - начала 80-х годов, вновь обращаясь к вопросу о единице текста, все еще не чувствуют себя так, будто имеют дело с давно "закрытой" проблемой. По-видимому, как и всякая достаточно теоретическая проблема, эта проблема будет оставаться нерешенной до тех пор, пока ее решение не сможет быть обусловлено однозначно потребностями практики. Может быть, именно поэтому в работах рассматриваемого периода, посвященных этой проблеме, намечаются два пути

развития и уточнения понятия "сложного синтаксического целого".

Первый путь состоит в том, чтобы, признавая существование промежуточной единицы по сути дела, отвлечься тем не менее от гипноза главенствующего положения ССЦ в системе понятий синтаксиса текста и расширить эту систему за счет введения дополнительных понятий, определяемых по разным основаниям. Так, Н.А.Слюсарева [Слюсарева, 82] предлагает различать лингвистику языка и лингвистику речи и рассматривать текст преимущественно в рамках последней. Единицы лингвистики речи образуют иерархию "высказывание - тематический блок - дискурс", причем в ы с к а з ы в а н и е представляет собой единицу лингвистики речи, соотносимую по размеру с предложением как единицей лингвистики языка, а д и с к у р с , находящийся на другом конце иерархии, предлагается в качестве более краткого и удобного заместителя термина "сверхфразовое единство" или "сложное синтаксическое целое". Объединение высказываний в блоки, а блоков - в дискурсы, определяется одним и тем же принципом - выделением опорных тем.

А.А.Акишина, наоборот, считает необходимым ввести единицу более высокого ранга, более крупну по размеру, чем ССЦ, - м и к р о т е к с т [Акишина, 79]. Для ССЦ основным принципом выделения признается наличие определенных смысловых связей между предложениями, неавтономность (так называемая синсемантичность) большинства из них (кроме первого) в составе ССЦ. Единство же темы служит признаком выделения микротекста.

В этой связи хочется отметить обогащение и уточнение системы понятий, связанных с единицей текста, Ю.В.Ванниковым в [Ванников, 79], а также в исследованиях представителей чешской лингвистики, отраженных в обзоре [Горшкова, 79].

Занимаясь в основном описанием такого интересного языкового явления, как парцелляция (например, (I) Сама останусь здесь. Навсегда), Ю.В.Ванников вынужден преодолевать недостаточность формального определения предложения (последовательность слов от точки до точки) и в связи с этим он противопоставляет п р е д л о ж е н и е как образование, обладающее определенной грамматической структурой, ф р а з е как интонационально-смысловому единству (в примере (I) предложения -

одно, но оно представлено в речи двумя фразами). Если же учитывать и явление интеграции предложений, представленное в письменной речи бессоюзным сочинением предложений, а в устной речи - их интонационно-смысловым объединением в одну фразу, то возникает необходимость в общем, более абстрактном понятии, называющем "реальную самостоятельную единицу общения". Его Ю.В.Ванников обозначает термином "высказывание". И интеграция, и парцелляция приводят к единицам, в которых воплощается это понятие.

Иная система с использованием формально тех же терминов разрабатывается в чешской лингвистике (см. [Горшкова, 79, с.343-344]). Она восходит к К.Гаузенблясу и включает такие единицы как: 1) языковой коммуникат, 2) текст, 3) фраза, 4) высказывание, 5) предложение. Если, по Ю.В.Ванникову, фраза уже, чем высказывание, то, по К.Гаузенблясу, она наоборот шире, чем высказывание.

Итак, первый путь ведет к умножению понятий, так или иначе ассоциируемых с ССЦ, но все же он характеризуется признанием факта существования промежуточной единицы. Другой путь состоит по сути дела в отказе от этого понятия.

Предварительная аргументация в пользу этого пути (не приводящая, правда, автора к эксплицитному отказу от понятия ССЦ) приводится Л.С.Бархударовым в [Бархударов, 80]. Он считает, что в тексте нет своей "грамматики", отличной от грамматики языка в целом и воплощающейся в грамматике предложения, так как связи между предложениями получают свою формальную реализацию все равно только в рамках предложения. Л.С.Бархударов проводит аналогию между средствами связи предложений в тексте и такой категорией, как падеж; ведь падеж, служащий для связи слов в предложении, тем не менее традиционно считается категорией морфологии, так как он реализуется в пределах слова.[19]

---

[19] В последнее время работы по анализу функций и значений падежей все больше тяготеют к синтаксису или к синтаксической семантике. Ср.: Филлмор Ч. I. Дело о падеже. 2. Дело о падеже открывается вновь. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, М., 1980.

В полной мере по второму пути идет, например, С.С.Волкова [Волкова, 80]. Она признает, что текстовые единства предложений существуют, но по ее мнению, "трудно согласиться с тем, что они являются синтаксической реальностью". Неудачные попытки ее предшественников выявить наиболее существенные средства связи, на основании которых можно было бы отграничивать ССЦ друг от друга, несогласованность разбиений текста, получающихся при учете разных типов связи, приводят С.С.Волкову к мысли об отсутствии объективных, формальных критериев выделения ССЦ. У ССЦ наблюдается отсутствие таких важных признаков языковой единицы как вариативность и воспроизводимость в готовом виде. Все это дает С.С. Волковой основания отказать ССЦ в статусе самостоятельной языковой единицы. На такой статус может претендовать только предложение; оно признается высшей единицей структуры языка и низшей единицей структуры речи, а следовательно - текста[20]. Термином "предложение" С.С.Волкова пользуется как объединяющим для предложения как единицы языка и высказывания как реализации предложения в речи.

Таким образом, в отличие от концепции Ю.В.Ванникова здесь не проводится разграничение понятий "предложение" и "высказывание", и поэтому при обращении к тому же самому языковому явлению парцелляции, что и в [Ванников, 79], ему дается совершенно иная трактовка: парцеллированные компоненты признаются о т д е л ь н ы м предложением (ср. Навсегда. в примере (I)), и в этом предложении усматривается так называемый коммуникативный эллипсис. Подобный эллипсис предлагается видеть также и в конструкциях с обособлением второстепенных членов: (2) Спустя тридцать пять лет благодарная память людская обращается в живой реальный металл - для БАМ'а. (3) Сталинград и Камышин были соединены на карте прямой линией - бесхитростной, как винтовочный штык. Такая трактовка обусловлена своеобраз-

---

[20] В противоположность этому Н.А.Слюсарева в рассмотренной выше работе [Слюсарева, 82] признает предложение-высказывание, тематический блок и дискурс е д и н и ц а м и лингвистики речи, имеющими значение, а предложение к тому же считает и единицей языка, однако отказывает всем им в статусе языкового з н а к а . Напротив, М.И.Откупщикова считает текст "сложным языковым знаком" [Откупщикова, 82, с.27].

ным взглядом С.С.Волковой на сложносочиненное предложение не как на отдельное предложение, составляющее единицу текста, а уже как на минимальный текст. Предложением - единицей текста признается только такая конструкция, которая построена на основе о д н о й логической предикации, о д н о й структуры "тема-рема". Если же таких предикаций две или больше, то перед нами уже текст. Таким образом, оказывается, что сложносочиненное предложение - это всегда уже текст, в то время как сложноподчиненное предложение остается, как правило, отдельным предложением[21].

В несколько парадоксальной форме основной тезис С.С.Волковой звучит так: сочинение - это связь предикаций в тексте, а подчинение - это связь слов в предложении. Предложения с однородными членами ("слитные предложения" по А.М.Пешковскому) и предложения с обособленными второстепенными членами, иллюстрируемые примерами (2) и (3) - это просто результат разного рода эллиптических трансформаций, возводимый к сочинению предложений. Отдавая себе отчет в том, что предлагаемая ею трактовка не нова[22], С.С.Волкова отмечает, что эта трактовка еще не утвердилась в лингвистике, и, по-видимому, видит свою задачу в том, чтобы способствовать ее утверждению. В частности,

---

21 Столь неразборчивое обращение со всеми сложноподчиненными предложениями может быть скорректировано с учетом результатов работы О.И.Москальской [Москальская, 80], в которой, в частности, развивается учение Н.С.Поспелова о двух видах сложноподчиненных предложений - 1) с одночленной и 2) с двучленной структурой и показано, что при гипотаксисе в двучленных (=расчлененных) сложноподчиненных предложениях можно усматривать целый ряд из нескольких предикаций с тем же основанием, что и при паратаксисе в сложносочиненном предложении.

22 В числе своих предшественников С.С.Волкова называет А.М.Пешковского, Э.Сэпира, И.П.Севбо, В.П.Кобкова (ср. его статью "Замещение, опущение и совмещение как способы сжатия текста без утери информации. // В помощь преподавателям иностранных языков. - Новосибирск, 1974, вып. 5), Дж.Катца и Дж.Фодора, С.Дика, В.Дресслера (см. его статью в сб. "Новое в зарубежной лингвистике", вып. УШ, "Синтаксис текста"). К этому можно добавить М.С.Бунину, Л.Л.Иофик (ср. [Гиндин, 77, с.352]).

такая трактовка сочинительной связи может способствовать прояснению ряда спорных вопросов синтаксиса, таких как уже упоминавшееся обособление, статус детерминантов и т.п.

Изложенная позиция С.С.Волковой находит независимую поддержку в работе Ю.А.Левицкого [Левицкий, 79], где сложносочиненное предложение рассматривается как модель текста - и в целях аргументации тезиса продемонстрировано, как в сложносочиненном предложении "работают" типичные для текста средства межфразовой связи.

Вероятно, решительный отказ от поисков критериев выделения ССЦ, представленный в работе С.С.Волковой, можно считать на сегодняшний день слишком смелым и жестким решением проблемы. В то же время решение такой сложной теоретической проблемы должно, как уже было сказано, определяться практическими потребностями. Такой взгляд на вещи находит свое специфическое отражение в работах К.А.Левковской [Левковская, 80], А.В.Клениной [Кленина, 81] и А.А.Акишиной [Акишина, 79, вып.I, гл.I § 2.2], в которых на различных основаниях аргументируется несовпадение таких единиц как абзац и ССЦ.

Наконец, наиболее привлекательная на наш взгляд, не "абсолютная", а "относительная" позиция представлена в книге М.И.Откупщиковой [Откупщикова, 82]. Отдавая должное попыткам многих ученых выделить и определить такой объект, как ССЦ, М.И.Откупщикова все же видит принципиальное решение вопроса в том, чтобы считать это понятие не простым, а производным, определяемым через более простые понятия. В качестве таких более простых понятий важно разграничивать единицу текста и единицу синтаксиса текста. Единицей текста является предложение (простое или сложное), а единицей синтаксиса текста - гиперсинтаксическая связь между предложениями текста. Объекты, промежуточные между целым текстом и отдельным предложением, могут выделяться разными способами в зависимости от целей конкретного исследования, причем при их выделении часто бывает необходимо учитывать одни гиперсинтаксические связи и абстрагироваться от других. Тот факт, что учет разных гиперсинтаксических связей может давать разные членения текста на "сверхфразовые единства", был отмечен как важный результат еще в обзоре С.И.Гиндина [Гиндин, 77, с.352]. Однако это не делает ме-

нее актуальной концепцию М.И.Откупщиковой: упор на установление соотношений между понятиями, еще ждущими общепризнанного определения, позволяет порой избежать бесплодных споров о превосходстве того или иного из имеющихся или вновь даваемых определений.

Некоторые частные примеры того, как можно членить текст с учетом разных категорий текста, можно увидеть в работах [Прянишникова, 83], [Тороп, 81], [Левин, 81].

3.3. Взаимообусловленность синтаксиса предложения и синтаксиса текста.

В заключение раздела, посвященного общим проблемам синтаксиса текста, представляется полезным обратиться еще к одному вопросу, связывающему изучение синтаксиса предложения и синтаксиса текста. Речь пойдет о взаимообусловленности синтаксиса предложения и синтаксиса текста и прежде всего о пересмотре некоторых устойчивых синтаксических представлений при обращении к тексту. Мы коснемся здесь двух таких взаимосвязей: во-первых, влияния развертывания текста на выбор той или иной из ряда синонимичных конструкций (и. следовательно, на представление о синтаксической синонимии вообще) и, во-вторых, статуса согласованных определений как свободных распространителей именной группы.

Первый тип взаимовлияния анализируется в статье О.И.Москальской [Москальская, 80]. В ней указывается, что разнообразные синтаксические конструкции русского язнка могут рассматриваться как средства реализации ряда элементарных пропозиций, лежащих в основе текста, и при этом выбор полной, субъектно-предикатной формы реализации - в виде главного предложения - или редуцированной, свернутой формы - в виде причастных и деепричастных оборотов, обособленных предложений, а также придаточных предложений - обусловлен не просто (ольшей или меньшей коммуникативной важностью соответствующей пропозиции, а факторами, связанными с реализацией коммуникативного плана текста. Полные субъектно-предикатные структуры образуют ос-

новную линию коммуникативной прогрессии[23] в тексте, в то время как свернутые пропозиции представляют собой тупиковые ответвления от этой основной линии.

Второй случай влияния текста на синтаксис предложения связан с опровержением широко распространенного мнения о факультативном характере распространения именной группы посредством прилагательного. Эта факультативность, т.е. свобода присоединения прилагательного к любой именной группе и свобода опущения его в любой именной группе в рамках целого текста оказывается иногда иллюзорной, что показано в работах [Арутюнова, 82], [Вольф, 79], [Ермакова, 79].

Е.М.Вольф [Вольф, 79], анализируя примеры из романов М.А.Булгакова, показывает, что невозможность опустить в тексте прилагательное обусловливается сложным взаимодействием ряда факторов, к числу которых относятся и чисто языковые, связанные с семантической классификацией имен и глаголов (ср. классические примеры типа *человек с какими? волосами, *рассмеялась каким? смехом), и экстралингвистические, связанные с противопоставлением альтернатив (ср. Поехал учиться в провинциальный город с подразумеваемым ... а не в столицу и поехал учиться в город с подразумеваемым, например, ... а не в деревню), и, что для нас особенно интересно, контекстные, связанные с реализацией в тексте противопоставительных, мотивировочных и других бесконечно разнообразных отношений.

О.П.Ермакова [Ермакова, 79] показывает, что употребление ряда прилагательных в функции определения при названии лица (и, особенно, имени собственном) нежелательно, если такое употребление не мотивировано в предшествующем тексте путем предикативного (или аналогичного ему) употребления либо этого же, либо синонимичного ему прилагательного. Иллюстрацией к этому тезису может служить, например, такой текст: (4) Отворяется дверь, и в вагон входит высокая палкообразная фигура в рыжей шляпе и щегольском пальто ... Один из пассажиров всматривается в фигуру и издает радостный крик:

- Иван Алексеевич! Какими судьбами? Это вы? Палкообразный Иван Алексеевич вздрагивает, тупо глядит на пассажира и, узнав его, весело всплескивает руками (Чехов, "Счастливчик").

[23] Автором этого термина является Г.Я.Солганик.

Более поздняя по времени работа Н.Д.Арутюновой [Арутюнова, 82] позволяет уточнить некоторые из тезисов О.П.Ермаковой. Н.Д.Арутюнова сужает и более четко формулирует задачу: рассматриваются функции прилагательного-определения при имени в бытийных предложениях. Сейчас уже можно с достаточной уверенностью устанавливать место таких предложений в логике развертывания текста, поэтому первичное или вторичное употребление в них прилагательного-определения особенно заметно. Различаются следующие контексты употребления прилагательного в зависимости от его семантической функции: I) с выделительной функцией (В этом краю есть глубокие озера), 2) с описательной, индивидуализирующей функцией (В этом краю есть замечательное озеро), 3) с тотально-характеризующей функцией (В этом краю глубокие озера), 4) с номинативной функцией (Глубокие озера есть на западе области). Продемонстрирована явная компрессия при выделительной и индивидуализирующей функции: вообще говоря, текст мог бы быть построен не в виде одной цельной предикации, а в соответствии с последовательностью развертывания мысли: В этом краю есть озера. Среди них есть глубокие или В этом краю есть одно озеро. Оно замечательное. Компрессия оказывается допустимым в языке средством достижения лаконичности текста.

4. Средства межфразовой связи.

4.I. Классификации.

Переходя от общетеоретических положений к описанию конкретных средств межфразовой связи (СМС), целесообразно бросить взгляд на п р и н ц и п ы классификации СМС, а также на к о н к р е т н ы е к л а с с и ф и к а ц и и, предлагавшиеся различными исследователями в I979-I983 гг. С этой точки зрения представляют интерес работы [Муравьева, 8I] и [Федосюк, 83], а также сама структура второй главы в книге М.И.Откупщиковой [Откупщикова, 82].

М.Ю.Федосюк [Федосюк, 83] отмечает, что в лингвистике утвердились, в основном, такие два принципа классификации СМС, как I) языковой уровень СМС: а) лексические и б) грамматические СМС - и 2) способ действия, или формальное устройство са-

мой связи (так этот принцип определен в [Муравьева, 81]): а) зацепление, б) повтор, в) следование. Второй принцип (способ действия), разработка которого признается заслугой С.И.Гиндина, связан с различением механизма действия СМС в тех трех случаях, когда СМС либо апеллируют к другому субтексту (зацепление), либо связаны с употреблением тождественных элементов (повтор), либо основаны на "выводе" одного субтекста из другого по определенным правилам преобразования сутекстов (следование). В дополнение к двум указанным принципам М.Ю.Федосюк считает необходимым ввести в обиход еще один, третий, - ф у н к ц и о н а л ь н ы й . В процессе коммуникации у средств связи выделяются следующие три функции: I) участие в коммуникативно-тематическом развертывании текста, то есть своего рода "ответственность" за передачу информации из одного предложения в другое, 2) референтный повтор, призванный разрешить противоречие между линейным характером текста и сложной структурой выражаемых в нем смысловых связей, 3) выражение определенных логических отношений между предложениями. Конкретные СМС должны рассматриваться с точки зрения того, какое участие они принимают в осуществлении каждой из этих функций.

Н.В.Муравьева в своей работе [Муравьева, 81] не только пытается сформулировать дополнительные критерии классификации СМС, но и строит собственную многоаспектную классификацию СМС, по-своему трактуя некоторые из введенных другими исследователями аспектов классификации. "Макрокритерии" Н.В.Муравьевой таковы: I) способ реализации, П) сила связи в зависимости от линейной позиции связываемых элементов в содержащих их предложениях, Ш) объем первой из связываемых единиц (слово, часть предложения, предложение или группа предложений). Впрочем, критерии П и Ш можно считать не "макрокритериями", а критериями следующего уровня иерархии, поскольку они применяются только к определенным наборам подтипов СМС, выделившихся после применения "макрокритерия" I и других "подкритериев". Критерий I дает противопоставление "соотнесения" и "зацепления" "Зацепление" у Н.В.Муравьевой, в отличие от С.И.Гиндина, охватывает такие СМС, как союзы, вводные слова, частицы, конкретные конструкции. "Соотносящиеся"СМС подразделяются далее

в зависимости от языкового уровня на лексические и синтаксические. К синтаксическим относятся: I) неполные предложения, 2) параллельные построения, 3) вопросно-ответные построения; лексические же СМС связаны, грубо говоря, с референтным или семантическим повтором и подвергаются далее многосупенчатому дроблению, в основе которого можно усмотреть увеличение абстрактности в трактовке понятия "повтор" или "тождество".

М.И.Откупщикова рассматривает в отдельных разделах второй главы своей книги [Откупщикова, 82] такие средства связи, как I) повторы, 2) коннекторы как средство реализации логических связей, 3) актуальное членение и 4) предсказание смысла.

Дальнейшее изложение основных идей, связанных с конкретными средствами реализации межфразовых связей, в настоящем обзоре строится по следующему плану. Прежде всего мы рассмотрим проблематику актуального членения, поскольку именно в этом аспекте синтаксис предложения наиболее тесным образом взаимодействует с синтаксисом текста. Затем будут рассмотрены связи, воплощающиеся не столько в синтаксической конструкции предложения в целом, сколько в о т д е л ь н ы х с л о в а х предложения, часто привлекающих интерес исследователей синтаксиса и синтаксической семантики.

4.2. Актуальное членение.

Членимость высказывания на две части - тему и рему[24] - принадлежит теперь уже к прочному теоретическому багажу не только лингвистики текста, но и лингвистики вообще. Этому не мешает скептическая настроенность многих исследователей по поводу применимости этих понятий к предложениям конкретного сплошного текста, коренящаяся в отсутствии строгого определения данных терминов. Как ни расплывчаты оказались те определения, которые лингвисты пытались дать понятию актуального членения (АЧ) и его компонентам, тем не менее лингвистика взяла эти понятия на вооружение, поскольку они оказались весьма удобным

---

[24] Мы будем пользоваться этими терминами, как наиболее широко применяемыми.

и полезным теоретическим конструктом. Действительно, АЧ, как ничто другое, ясно показывает "неразлучность" предложения и текста: в АЧ отдельных предложений воплощается коммуникативное развитие текста и в то же время без обращения к АЧ оказывается невозможным, например, описать для каждого отдельного предложения такую важную его внешнюю характеристику, как порядок слов. Центральное место теории АЧ в синтаксисе текста объясняется еще и тем, что важнейшей функцией конкретных средств связи (повторов и проч.) является связь тем и рем (ср. [Федосюк, 79].

Рассматривать здесь историю возникновения и развития этого важного лингвистического понятия на всем ее протяжении будет неуместно[25]. Поэтому мы ограничимся указанием некоторых итогов и проблем теории АЧ, опираясь при этом, в основном, на резюмирующую работу Т.Н.Никитиной и М.И.Откупщиковой [Никитина, Откупщикова, 82].

У разных исследователей, в принципе принимающих теорию АЧ и пользующихся в своей работе этим понятием, не только нет общепринятого определения АЧ, но даже наблюдаются расхождения в трактовке конкретных слов предложения как элементов темы, ремы или выделяемого в некоторых работах "перехода" между темой и ремой. Едины лингвисты только в том, что АЧ независимо от грамматического членения: один и тот же член предложения в одних случаях может оказаться в теме, а в других - в реме. Основным средством выражения служит порядок слов, дополнительными средствами - специальные конструкции и некоторые частицы. Существуют предложения, содержащие только один компонент АЧ (а именно: рему; подробнее см. ниже). В некоторых высказываниях, представляющих собой сложные акты предикации с несколькими элементарными пропозициями, можно усматривать нес-

---

[25] Концентрированное, но весьма содержательное изложение истории АЧ можно найти в книге А.Л.Пумпянского "Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе". М., 1974. Аналитический обзор современного состояния дан в книге: Проблемы актуального членения в исследованиях по автоматическому переводу и реферированию (авт. - Ю.С.Мартемьянов). М., ВЦИ, 1981. 106 с. Отметим также международный сборник "Papers on functional sentence perspective". Prague, 1974 (F. Daneš ed.).

кольно уровней АЧ: основной уровень проявляется в главном предложении, последующие - в придаточных предложениях и в оборотах.

Наиболее продуктивно рассмотрение АЧ в рамках связного текста. При этом ряд исследователей (см. [Никитина, Откупщикова, 82 , Горшкова, 79]) делает попытки предложить перечнь моделей того, как последовательно соотносятся между собой темы и ремы идущих друг за другом предложений текста. Так, чешский лингвист Ф.Данеш (изложение его концепции см. в [Горшкова, 79]) еще в конце 60-х годов предложил три основных модели так называемых "тематических последовательностей" (ТП): 1) простую линейную, 2) с константной темой, 3) с производными темами. Простая линейная ТП - это своего рода канонический способ следования и связи в тексте тем и рем из идущих друг за другом предложений, когда тема последующего предложения совпадает с ремой предыдущего: T_I - P_I, $T_2(=P_I)$ - P_2, ... ТП с константной темой содержит факультативное первое предложение, где эта тема вводится как рема, а затем уже идут предложения, где тема остается неизменной: (T_I - P_I), T_2 ($=P_I$) - P_2, T_3 ($=P_I$) - P_3, ... Третья модель близка ко второй, но в последовательности предложений реализуется не одна и та же константная тема, а различные производные одной и той же "гипертемы", которая либо может быть введена заранее эксплицитно, либо может просто имплицитно лежать в основе всех производных тем. Кроме основных моделей ТП, в тексте могут встречаться и их регулярные комбинации, образующие типы более высокого порядка, например, 4) "развитие расщепленной ремы" (тип, близкий к основной модели ТП-2 и обнаруживаемый в том случае, когда производные темы возникают при последовательном описании отдельных объектов, названных в первом предложении в виде целого множества), 5) "тематический скачок" (опущение одного или нескольких самоочевидных звеньев в цепочке предложений, построенной по типу основной модели ТП-I).

Т.Н.Никитина и М.И.Откупщикова [Никитина, Откупщикова, 82] выделяют 5 основных типов (а также 2 более частных) темо-ремных структур, образующих в совокупности логически несколько более стройную систему, чем у Ф.Данеша: А. Каноническая структура "зацепления" (= ТП-I у Ф.Данеша). Например: "Внук прие-

хал к бабушке. Она пекла пироги. Пироги были вкусные"[26]. Б. Параллельная структура (это почти ТП-2 по Ф.Данешу, но без факультативного первого предложения, вводящего константную тему). Например: "Мальчик играл в лошадки. Он громко кричал и смеялся. Он был счастлив". В. Обратная параллельная структура: $T_I - P_I$, $T_2 - P_I$, ... Например: "Брат читал книгу. Сестра - тоже". Г. "Пучковая" структура: $T_I - P_I$, P_2, ... , характерная для предложений с однородными сказуемыми или для последовательности предложений с эллипсисом повторяющейся темы. Например: "Он пошел дальше по улице. Завернул за угол. Вошел в ворота". Д. Обратная "пучковая" структура: T_I, T_2, ... - P_I, имеющая место в случае однородных подлежащих или однотипного введения тем. Например: "Будем говорить о трудовой дисциплине, поговорим о том, как нам организовать отдых. Все это важные вопросы нашей жизни".

Работы в области АЧ в период 1979-1983 гг. обнаруживают следующие три тенденции: 1) усиленное внимание к компонентам речевого акта: говорящему, слушающему, тексту [Горшкова, 79], [Ковтунова, 79], [Красина, 80], [Крылова, 80], [Крылова, Красина, 82], [Федосюк, 83], 2) направленный интерес к семантике лексического наполнения предложения и к ее соотношению с АЧ [Золотова, 79], 3) переход от "теории АЧ" к "практике" выявление и изучение конкретно-языковых средств реализации АЧ [Бондаренко, 81], [Орлова, 81].

Первая тенденция связана с тем, что первоначально возникшее в ходе разработки проблем АЧ многообразие терминов (тема, данное, известное, старое, определенное рема, новое, неизвестное, неопределенное) подверглось в дальнейшем более тщательному анализу, в результате которого обнаружилось, что это не просто терминологический разнобой, а несколько рядов близких, но все же несовпадающих понятий (ср. [Николаева, 77, с.307])[27]. Для синтаксиса текста особенно важно разграничение

---

[26] Интересно, что "развитие расщепленной ремы", то есть производный тип ТП-4 по Ф.Данешу, Т.Н.Никитиной и М.И.Откупщиковой считают разновидностью канонического типа А.

[27] Интересен в этой связи также подробный анализ этой серии понятий в статье У.Чейфа, перевод которой опубликован в сб. "Новое в зарубежной лингвистике", вып.XI, Современные синтаксические теории. - М., 1982. С.277-316.

таких пар, как тема/рема и данное-новое. Хотя необходимость этого разграничения сама по себе уже давно ни у кого не вызывает сомнения, тем не менее в нем осталась доля загадочности, продолжающая привлекать к нему внимание исследователей и в последние годы. Обзор "ближайшего прошлого" чехословацкой лингвистики, представленный в работе [Горшкова, 79], свидетельствует о пристальном интересе к вопросу разграничения темы и данного у таких лингвистов как Ф.Данеш и Я.Фирбас. Ф.Данеш отмечает целый ряд факторов (порой градуальных), обусловливающих трудности дискретного понимания и вычленения предложения данного и нового. Среди них хочется особенно отметить выделение двух аспектов в трактовке понятия "новое": I) "новое" в смысле "не упоминавшееся в предыдущем контексте" (то есть новые объекты, лица и, может быть, даже ситуации, впервые предлагаемые слушающему) и 2) "новое" в смысле "новой" связи данной ремы с данной темой, в смысле новизны того факта, что та или иная рема впервые предицируется относительно данной темы.

Сближение проблематики АЧ с категориями коммуникативной лингвистики проявилось в дальнейшем в том, что в целях разграничения нескольких типов членения лингвисты стали пытаться обнаружить соотнесенность того или иного типа членения с "точкой зрения" основных "действующих лиц" речевого акта: говорящим и слушающим, иногда принимая во внимание в качестве "действующего лица" также и сам производимый текст. Так, О.А.Крылова [Крылова, 80] и в более ранней работе А.П.Евсюков[28] уточняют разграничение названных выше пар следующим образом: членение на т е м у и р е м у определяется коммуникативной установкой говорящего, д а н н о е и н о в о е противопоставляются друг другу в зависимости от упомянутости/неупомянутости в предшествующем тексте, а и з в е с т н о е / н е и з в е с т н о е - это уже категория слушающего, связанная с опорой на его предшествующий опыт и характеризующая

---

28 См.: Евсюков А.П. Понятия данное/новое, известное/неизвестное, определенное/неопределенное, референтное/нереферентное в коммуникативном синтаксисе. // Вопросы грамматики и семантики русского языка. - М., Ун-т дружбы народов им. П.Лумумбы, 1977, с.31-46.

состояние его сознания. У А.П.Евсюкова помимо этих трех пар противопоставленных понятий рассмотрены еще две: лпределенное/неопределенное и референтное/нереферентное; они связаны с отношением между словом-языковым знаком и предметным миром. Дискутируя с этой точкой зрения, М.Ю.Федосюк [Федосюк, 83] приводит примеры текстов, не позволяющих разграничить источники (а именно, прошлнй опыт, предшествующий текст, ситуация общения), из которых слушающий черпает представление о существовании тех или иных предметов, признаков или ситуаций, обозначенных соответствующими компонентами высказывания, то есть может воспринимать их как данное. Поэтому М.Ю.Федосюк исходит из такого понимания данного, при котором источники известности его для слушающего могут быть разделены, но могут функционировать и в комбинации.

Все сказанное выше объясняет особый интерес к таким конкретно-языковым явлениям, в которых наблюдается несовпадение рассмотренных выше категорий или же какие-то компоненты соответствующих противопоставлений присутствуют имплицитно. И.И. Ковтунова [Ковтунова, 79] анализирует специфику функционирования в художественном тексте таких предложений, у которых т е м а , представленная п о д л е ж а щ и м , с информационной точки зрения является н о в ы м , например: (5) Я прохожу по переулкам около ее дома. Лед хрустит под ногами. Во втором предложении этого фрагмента достигается компрессия содержания двух предикаций: "В переулках около ее дома лед" и "(этот) лед хрустит под ногами", за счет того, что подлежащее-тема лед является новой информацией. М.Ю.Федосюк [Федосюк, 79] также показывает, что синтаксическая комбинация в реме в рамках одной именной группы элементов данной и новой информации позволяет имплицитно доносить до читателя определенную новую информацию, например: (6) Приближаясь к роще, ... Лиза пошла тише. ... Лиза вошла в сумрак рощи. [Новая информация: "В роще было сумрачно"].

О.А.Крылова и Е.А.Красина в [Крылова, Красина, 82] показывают, что отсутствие эксплицитной темы в предложении может быть двоякого рода: I) тема н у л е в а я , или невосстановимая по контексту, имеет место в так называемых нерасчленен-

ных высказываниях, например: (7) Было уже около полудня. Дул шестибалльный норд-ост. Шла довольно крутая волна. (Здесь во всех трех предложениях нет эксплицитно выраженной темы); 2) тема к о н т е к с т у а л ь н а я бывает элидирована в данном предложении, поскольку она совпадает с темой предыдущего предложения; такая имплицитная тема наблюдается в неполных высказываниях, парцеллятах и компонентах присоединительных конструкций[29], например: (8) Она не была в лесу давно. С той самой поры, когда ее поставили на кухню.

Конкретизация проблематики АЧ, связана, как уже говорилось выше, и еще с двумя тенденциями. Первая из них лучше всего представлена в работе Г.А.Золотовой [Золотова, 79]. В этой работе подчеркивается необходимость при обсуждении проблем синтаксиса предложения в рамках текста принимать во внимание не только формально-традиционные характеристики, но и семантические, связанные с конкретным лексическим наполнением синтаксических тем . Вводится важное понятие р е м а т и ч е с к о й д о м и н а н т ы текста (РД). Типы РД - I) предметная (при описании пейзажа, обстановки), 2) качественная (при характеристике внешности или характера лица или предмета), 3) акциональная (последовательность действий), 4) статальная (одновременность действий), 5) статально-динамическая (постепенные изменения обстановки), 6) импрессивная (передача внешней среды через эмоциональное восприятие). Для каждой РД охарактеризованы типичные средства ее реализации - наиболее частое употребление в позициях ремы слов определенных лексико - семантических групп, а также наиболее характерные для данной РД темо-ремные структуры.

Работа Г.А.Золотовой наряду с работами Г.В.Бондаренко [Бондаренко, 8I] и Л.В.Орловой [Орлова, 8I] оказывается проявлением и третьей тенденции - перехода от провозглашений необходимости изучения средств связи в тексте к изучению этих средств. Г.В.Бондаренко, экспериментируя с трехуразным текс-

---

[29] Интересные параллели обнаруживаются между этой работой и анализировавшимися выше работами Ю.В.Ванникова [Ванников, 79] и С.С.Волковой [Волкова, 80].

том, изучала распределение повторов в разных темо-ремных структурах и пришла к выводу, что ощущение максимальной связности дает текст, связанный параллельной связью повторяющихся элементов(ср. ТП-2 у Ф.Данеша и параллельную темо-ремную структуру у Т.Н.Никитиной и М.И.Откупщиковой). Л.В.Орлова [Орлова, 8I] перечисляет лексико-семантические средства реализации повтора в типе темо-ремной структуры, называемом ею "кустовой связью" и близком к "развитию расщепленной темы" у Ф.Данеша.

4.3. Средства реализации межфразовых связей.

Конкретно-лексические средства межфразовой связи могут связывать предложения текста двумя способами: I) воплощая в себе определенный "повтор" смысла или 2) непосредственно называя отношение между фрагментами текста. Каждому из этих двух способов соответствуют свои средства связи.

Повторы были подвергнуты всестороннему изучению в работах С.И.Гиндина еще в начале 70-х годов[30], поэтому на рубеже 70-х и 80-х годов эта проблематика не послужила особенно сильным стимулом для получения новых интересных результатов. Сводка полученных ранее результатов приводится М.И.Откупщиковой в [Откупщикова ,82] как дань законам жанра учебного пособия, а также в общем виде при классификации средств межфразовой связи - в работе Н.В.Муравьевой [Муравьева, 8I]. Сужение проблемы до изучения средств анафорической связи нашло свое отражение в статьях [Головачева, 79] и [Радзиевская, 79][3I]. А.В.Го-

---

30 См. его диссертацию: Внутренняя организация текста. Элементы теории и семантический анализ М., I972 - и статью: Связный текст: формальное определение и элементы типологии. (Ин-т русского языка АН СССР. Предварит. публикации, вып. 24). М., I97I, 44 с.

3I Хотя изучение анафорических связей представлено, вообще говоря, в весьма многочисленных трудах, мы ограничились здесь этими двумя работами, поскольку в них анафорические связи исследуются специально с точки зрения их функционирования в тексте.

ловачева проводит сопоставительный анализ влияния различных факторов на употребление/неупотребление указательного местоимения типа ЭТОТ при имени существительном в чешском, русском и польском языках. Среди этих факторов - принадлежность имени к тому или иному кругу лексики, определенность/неопределенность актеседента, включение имени в некоторые синтаксические конструкции, смена временных планов от одного предложения к другому и т.п. Показано соотношение и взаимодействие этих факторов, требующее, допускающее или не допускающее в каждом конкретном случае употребления указательного местоимения. Богатый фактический материал позволяет наглядным образом убедиться, как нарушение соответствующих требований или запретов ведет к нарушению связности текста.

Молодая исследовательница Т.В.Радзиевская сосредоточила свое внимание на имени, выступающем в составе анафорического выражения при повторной номинации в тексте целой предикации [Радзиевская, 79].

Выделяется три класса имен, способных служить в тексте заместителями целой предикации: I. Номинация речевых актов: просьба, обещание, совет, угроза и т.п. II. Номинации словесных комплексов: фраза, слова, реплика, замечание, тирада и т.п. III. Номинации результатов интеллектуальной деятельности: вывод, тезис, мнение, догадка, предположение, уточнение и т.п. Примером функционирования этих имен в качестве заместителей могут служить такие фрагменты текста, как: (9) Я прошу вас отказаться от этой поездки - сказал я. Но мои слова остались без ответа. (IO) - Я прошу вас отказаться от этой поездки. - С удовольствием выполню вашу просьбу. Анализ факторов, обусловливающих выбор номинации из I, II или III класса, показал, что к ним относятся: I) монологический или диалогический характер текста, 2) актантная структура, выбираемая говорящим для номинации, и в частности, установка на редукцию того или иного актанта коммуникативной ситуации, для номинации которой выбирается заместитель, 3) намеренная актуализация, подчеркивание определенных компонентов семантической структуры коммуникативной ситуации, подлежащей именованию с помощью заместителя и др. При редукции актантной структуры и употребление

слова-заместителя II класса в предикатной позиции может возникнуть необходимость в эксплицитном качественном атрибуте: так, невозможно сказать * Это - замечание, а нужно что-то вроде Это - глубоко верное замечание[32]. Недостаток такого атрибута возмещается вторичной, "обогащенной" семантической интерпретацией: (II) Это - слова! (= 'Это пустые слова') (I2) Это - мысль! (= 'Это отличная мысль').

Своего рода "повтором", но повтором "наоборот" можно считать п р е д с к а з а н и я о дальнейшем развертывании текста, которые может сделать слушающий на основании специальных средств, предоставляемых в его распоряжение говорящим. Изучение таких средств отражено в работах [Кононенко, Новицкая, 79], [Леонтьева, 82], [Шаляпина, 8I]. Понимание связного текста сопровождается построением гипотез о заполнении валентностей лексем и последующей верификацией этих гипотез. Опыт исследований по построению семантической интерпретации связного текста показал, что валентность слова часто удовлетворяется за пределами содержащего его предложения. Н.Н.Леонтьева [Леонтьева, 82] утверждает даже, что в построении и интерпретации связного текста играют роль не только сильные, но и некоторые слабые валентности: время, место, причина, цель; например (I3) Вчера он не смог прийти. У него заболела мать. Принципиальное обоснование этой закономерности построения связного текста дается З.М.Шаляпиной [Шаляпина, 8I]. Эта закономерность позволяет ей сформулировать понятие "валентности предложения", определяемое как либо наличие в предложении слова с незаполненной валентностью, либо наличие в предложении слова, кореферентного слову в другом предложении (то есть связь типа повтора).

Т.Н.Кононенко и И.М.Новицкая [Кононенко, Новицкая, 79] приводят примерные перечни "безусловных и (разных по силе) условных катафорических элементов", присутствие которых в предложении соответственно с большей или меньшей вероятностью предсказывает дальнейшее развертывание текста.

Переходя ко второму способу функционирования средств меж-

---

[32] См. общую разработку этой проблематики в [Вольф, 79].

фразовой связи - непосредственному называнию логических отношений, следует подчеркнуть, что рост интереса к тексту вывел на авансцену лингвистики большое количество таких слов, которые в былые времена доставляли грамматистам немало неприятностей тем, что никак "не влезали" в классификационные схемы и в результате "отбрасывались" в категории, которым нельзя было даже дать удовлетворительного определения. Это - различные частицы, вводные слова, а также их чуть более понятные "ближайшие родственники" - предлоги и союзы. Их классификации с точки зрения семантики можно найти в [Откупщикова, 82]и в [Вежбицка, 78].

М.И.Откупщикова Откупщикова, 82 различает коннекторы и связки. Коннекторы - это такие общелогические связи, как I) эквивалентность, 2) включение, 3) одновременность, 4) разновременность, 5) причина, 6) условие, 7) цель, 8) замена и ряд других более частных. Связки направлены не столько на отражаемую в тексте действительность, сколько на сам текст. По-видимому, именно к ним следует относить термин "метатекст" и соответствующую классификацию в [Вежбицка, 78][33].

Богатство оттенков значения у слов, способных к функционированию в качестве коннекторов и связок, ведет к тому, что многие из них становятся по отдельности или, по крайней мере, в составе узких групп предметом пристального внимания исследователей: так, в [Леоненко, 79] рассматривается серия предлогов, служащих для выражения отношения сопоставления: кроме, наряду с, в отличие от и т.п., в [Золотова, 83] - три группы вводных слов (со значением вероятности: может быть, по-видимому и т.п., со значением категорической достоверности: конечно, действительно и т.п., со значением эмоциональной оценки: к сожалению, на беду, к счастью и т.п.). В [Николаева, 82] рассматривается все множество русских частиц и уточняются

---

33 Уточнение этой классификации с учетом разных аспектов речевого акта см. в статье: Ю.И.Кисленко. Некоторые характеристики коммуникативной организации текстовой информации. // Структурная, прикладная и математическая лингвистика. вып.9, Киев, изд-во КГУ, 1981, с.21-29.

представления об их функциях; зато и в [Стародумова, 8I], и в [Широкова, 82] содержатся весьма интересные наблюдения всего за одной частицей (именно в [Стародумова, 8I] и и в функции частицы в [Широкова, 82]). Этот диапазон расширен до трех частиц-союзов в , 8I : и, тоже и также.

Во всех этих работах, занимающихся весьма частными проблемами синтаксиса текста, тем не менее отчетливо прослеживается основная тенденция развития лингвистики последних лет, уже неоднократно упоминавшаяся на страницах нашего обзора - описать и оценить лингвистические явления с учетом как можно более широкого круга факторов, характеризующих разные аспекты речевого акта, в котором текст является только одним из компонентов (наряду с говорящим, слушающим и конситуацией). Вероятно, на этом пути лингвистику вообще и синтаксис в частности ожидает еще немало интересных находок.

Е.В.Урысон

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА ОБОСОБЛЕННЫХ ОБОРОТОВ

I. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. - М., I979.
2. Барулина Н.Н. О некоторых закономерностях в смешении тире и двоеточия. // Современная русская пунктуация. - М., I979.
3. Брицын В.М. Сопоставительное исследование синтаксических синонимов в русском и украинском языках. - Киев, I980.
4. Валгина Н.С. Понятие факультативности применительно к употреблению знаков препинания. //Современная русская пунктуация. - М., I979.
5. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. - М., I979.
6. Дмитриева Л.К. Деепричастие и обособление обстоятельства. // Функциональный анализ грамматических единиц. - Л., I980.
7. Дмитриева Л.К. Осложняющие категории и осложнение предложения в современном русском литературном языке. АДД, Л, I98I.
8. Камынина А.А. О двух функциях аппозиции в простом предложении современного русского языка. // Вопросы русского

языкознания, вып.3. Проблемы теории и истории русского языка. - М., I980.

9. Камынина А.А. Причастия и прилагательные в роли обособления определений. (К вопросу о языковом статусе полупредикативных атрибутов существительного). // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. - I98I. - № I.
I0. Камынина Л.А. Связь полупредикативной функции и глагольности причастий. (На материале действительных причастий). // Вестн. МГУ. Чер.9. Филология. - I98I. - № 6.
II. Камынина А.А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. - М., I983.
I2. Наумович А.Н. Современная русская пунктуация. - Минск, I983.
I3. Прияткина А.Ф. К определению понятия "осложненное предложение". (О специфике связей и отношений в осложненном предложении). // Синтаксические связи в русском языке. - Владивосток, I98I.
I4. Прияткина А.Ф. Осложненное простое предложение. - Владивосток, I983.
I5. Русская грамматика. Т.П. Синтаксис. - М., I980.
I6. Сергеева Г.Н. Употребление лексикализованных предложно-падежных словоформ в составе обособленного приложения.// Синтаксические связи в русском языке. - Владивосток,I98I.
I7. Сироткина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М., I980.
I8. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. - М., I979.
I9. Фурашов В.И., Чернышева М.М. Субъективная модальность и обособление. // РЯШ. I983.- № I.

Русским обособленным оборотам посвящена обширная литература. Начало интенсивной разработке этой темы было положено книгой А.М.Пешковского "Русский синтаксис в научном освещении" (вышедшей первым изданием в I9I4 году), в которой обособление рассматривалось в отдельной главе под совершенно новым тогда углом зрения. Однако едва ли найдется хотя бы один

вопрос, непосредственно или косвенно связанный с обособленными оборотами, по которому в русистике было принято единое мнение. Поэтому настоящий обзор является скорее обзором проблем, нежели публикаций: нашей целью прежде всего было выделить узловые задачи, возникающие при описании обособленных оборотов, и осветить существующие их решения. А поскольку во многи работах рассматривается сразу несколько аспектов обособления, то одна и та же публикация иногда упоминается в разных местах обзора.

Основные вопросы, на которые нужно ответить, описывая обособленные обороты, состоят в следующем: 1) какие функции выполняет обособление во фразе с точки зрения ее семантики и коммуникативной организации? 2) каковы синтаксические особенности различных обособленных оборотов? Мы будем рассматривать эти вопросы по очереди (хотя в большинстве работ синтаксис предложений с обособлением описывается в контаминации с их семантикой).

Прежде чем переходить непосредственно к обзору работ, сделаем одну оговорку. Обособление - это синтаксическое средство, заключающееся в особом интонировании и выделении паузами некоторого члена предложения вместе со всеми его зависмыми (как непосредственными, так и опосредствованными - вся такая группа и образует обособленный оборот). На письме обособление обозначается определенной пунктуацией. Подавляющее большинство работ, посвященных обособленным оборотам, ориентированы на письменные тексты, интонация в них практически не рассматривается. Исключением является "Русская грамматика" [Русская грамматика, т.П, 1980], в которой специально описывается обособляющая интонация (раздел "Интонация при обособлении", написанный Е.А.Брызгуновой). Поэтому в предлагаемом обзоре наше внимание тоже будет сосредоточено почти исключительно на письменных текстах.

I.

Практически во всех публикациях, посвященных обособленным оборотам, так или иначе затрагивается семантика обособления.

Общепринятым можно считать утверждение, что обособление является средством акцентирования, логического выделения смысла, выражаемого обособленным оборотом. Так, фраза Ухаживала за мной одна девушка, полька отличается от соответствующей фразы без обособления - Ухаживала за мной одна девушка-полька - тем, что смысл, выражаемый приложением полька, в первом случае логически выделен, а во втором предложении он подается "в общем потоке". Ср. также предложения Там вдали за рекой показались огни и Там, вдали, за рекой, показались огни. Другими словами, обособление означает некую "авторскую разметку" собственно смысла фразы.

По-видимому, именно этой спецификой обособления объясняется тот факт, что иногда оно признается явлением чисто речевым, а не языковым - считается, что одна и та же "языковая" синтаксическая конструкция в речи может реализоваться как с обособлением, так и без обособления ее зависимого компонента (ср. разные звуковые реализации одной и той же фонемы). Наиболее четко эта точка зрения выражена в монографии Ю.В.Ванникова [Ванников, 79], ср. также работы Л.К.Дмитриевой [Дмитриева, 80], [Дмитриева, 81] и книгу О.Б.Сиротининой [Сиротинина, 80]. Гораздо более распространено противоположное мнение, а при соответствующем подходе возникает три круга семантических задач.

Во-первых, нужно уточнить, всегда ли обособление выражает "акцентирующее" значение. Во-вторых, требуется выяснить, может ли обособление обозначать что-либо еще. В-третьих, необходимо четко описать специфическую - "комментаторскую" - функцию обособления, а именно - эксплицировать данное синтаксическое средство средствами лексики, а в идеале - сопоставить ему толкование.

I.I. Первый круг проблем затрагивают статьи А.А.Камыниной [Камынина, 81] и, в особенности, [Камынина, 84], в которых рассматривается специфика, казалось бы, классических образцов обособленных оборотов - а именно, постпозитивных причастных оборотов. А.А.Камынина показывает (в [Камынина, 84]), что обособление постпозитивного причастного оборота не выполняет никаких функций, связанных с семантикой, а носит чисто

"служебный" характер. Действительно, если одиночное причастие - как и прилагательное - в норме располагается левее своего "хозяина", то для причастия с зависимыми словами нейтральной позицией во фразе является именно постпозиция относительно определяемого слова; ср. примеры: (1) Верочка то и дело бегала к умывальнику освежать пылающее лицо (Ю.Нагибин), (2) Верочка то и дело бегала к умывальнику освежать лицо, пылающее и (3) Верочка то и дело бегала к умывальнику освежать лицо, пылающее от волнения. В предложении (2) смысл, выражаемый причастием пылающее, явно выделен, он подан как бы отдельно, дополнительно. Но фраза (3), отличающаяся от предыдущей только наличием у причастия зависимых слов, никакого логического акцента или "дополнительного сообщения" не содержит, с рассматриваемой точки зрения она ничем не отличается от предложения (1).

Это различие между обособленным постпозитивным причастным оборотом и обособленным постпозитивным определением - прилагательным (одиночным причастием) подтверждается тем, что они по-разному функционируют в высказываниях общего типа. А именно, постпозитивные причастные обороты употребляются в этих высказываниях совершенно свободно - ср. абсолютно нейтральное предложение Есть люди, нуждающиеся в помощи. Что же касается обособленных постпозитивных определений - одиночных причастий и прилагательных, то они обозначают в общих высказываниях не только признак предмета или ситуации, но еще и некоторое "авторское" уточнение, пояснение, касающееся этого предмета (ситуации), ср.(4) Бешеные собаки опасны и (5) Собаки, бешеные, опасны. В предложении (5), по мнению автора, выражен не просто смысл 'бешеные собаки', но смысл 'я имею в виду бешеных собак'.

В работе [Камынина, 84] специально отмечается, что с рассматриваемой точки зрения постпозитивным причастным оборотам совершенно аналогичны обособленные постпозитивные прилагательные с зависимыми словами - ср. следующие фразы, в которых отсутствуют какие-либо специфические логические акценты, связанные с обособлением: Из тумана раздался тогда ответный голос, похожий на гулкий крик парохода (Бунин), ... царь вошел в сопровождении хозяина, оторопелого от радости (Пушкин).

Другие обособленные обороты под таким углом зрения пока не рассматривались.

I.2. Следующая задача состоит в том, чтобы выяснить, выражаются ли обособлением какие-либо иные, неакцентриующие, значения. С этой точки зрения представляют интерес два класса синтаксических конструкций - (а) обособленные деепричастия и деепричастные обороты и (б) препозитивные обособленные определения и приложения (типа Прекрасная гимнастка, она несколько раз занимала на первенстве Москвы второе место). Рассмотрим эти случаи по очереди.

а. В русской грамматике давно известен факт, что обособленное деепричастие может вступать в различные смысловые связи со сказуемым, к которому оно (синтаксически) относится. Так, в предложении Переводя, он пользуется словарем деепричастный оборот является обстоятельством времени, а во фразе Он переводит, пользуясь словарем деепричастный оборот - это обстоятельство образа действия. Это явление отмечается и в работах обозреваемого периода - см., в первую очередь, [Русская грамматика, т.П, 80] и[Скобликова, 79].

б) Неоднократно отмечалось, что обособленные приложения и определения (в том числе и несогласованные) в препозиции к "хозяину" ведут себя не так, как в постпозиции. А именно, соответствующие препозитивные обороты выражают некое "обстоятельственное" значение, и предложения с ними свободно перифразируются в предложения с деепричастным оборотом будучи..., ср.: Красавица и умница, Анна пользуется успехом в обществе - Будучи красавицей и умницей, Анна пользуется успехом в обществе. Принято считать, что такие препозитивные определения и приложения имеют конкретные обстоятельственные значения - уступительное (ср. Прославленный разведчик, Травкин оставался тем же тихим и скромным юношей, каким был при их первой встрече), причинное (ср. Высокорослые, ловкие, физически сильные - эти люди были отличными воинами), значение "сопутствования" (ср. В прошлом знаменитый поэт, Бенедиктов ныне почти забыт). Как справедливо отмечает В.М.Брицын [Брицын, 80], конкретное значение препозитивного обособленного оборота такого типа часто зависит от лексического "наполнения" фразы. (Поэтому

вряд ли правомерно рассматривать эти "значения" в синтаксисе - они попросту навязываются контекстом, ситуацией и т.п. Скорее всего, здесь можно говорить о некоем весьма общем обстоятельственном значении типа 'будучи'; ср. по этому поводу фразы: Красавица и умница, Анна не пользуется успехом в обществе).

Другая семантическая особенность рассматриваемых оборотов - впрочем, непосредственно вытекающая из первой - состоит в том, что по смыслу подобные обороты связаны не только с тем словом, к которому они относятся синтаксически, но и со сказуемым.

А.А.Камынина в статье [Камынина, 80] обращает внимание на тот факт (теснейшим образом связанный со всем изложенным), что препозитивные обособленные приложения (в отличие от обособленных приложений в постпозиции) могут выступать только в нереферентном значении, ср. предложения Хозяйка дачи, Ольга Ивановна стояла возле цветочной клумбы - *Ольга Ивановна, хозяйка дачи стояла возле цветочной клумбы. По мнению автора, аномальность второй фразы объясняется тем, что препозитивное обособленное приложение в ней выражено именем собственным (Ольга Ивановна) и, следовательно, референтно.

Семантические особенности препозитивных обособленных определений и приложений описываются, прежде всего, в работах А.А.Камыниной [Камынина, 80], [Камынина, 81] и [Камынина, 83]; см. также [Брицын, 80], [РГр. Т.П, 80] и [Скобликова, 79].

Семантическая специфика рассматриваемых оборотов отражается и на их синтаксисе. Нам будет удобно остановиться на нем здесь.

Обособленные препозитивные определения и приложения синтаксически могут относиться только к подлежащему в форме именительного падежа - см. [Брицын, 80], [РГр., 80], [Скобликова, 79]. (Впрочем, в статьях [Камынина, 80], [Камынина, 81] и [Камынина, 83] приводятся в качестве нормативных примеры типа Избалованному вниманием публики, ему невыносимо было мириться с таким поражением, Привыкшую к нужде, ее бесило даже и самое крохотное благополучие). Такие обороты располагаются в абсолютном начале фразы, обычно они непосредственно пред-

шествуют группе подлежащего, но могут отделяться от нее группой сказуемого (и тогда в абсолютном начале предложения может находиться детерминант), ср. *В конце января, овеянные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады* (последний порядок слов свойствен исключительно художественным текстам).

I.3. Третья - и главная - задача, возникающая при описании обособления, состоит в экспликации специфического, "комментирующего", значения этого синтаксического средства. Здесь выделяется два круга проблем: а) экспликация смыслового подчеркивания, выражаемого обособлением; б) вопрос о так наз. полупредикативности и "пояснении (уточнении)".

а. Смысловое подчеркивание, выражаемое обособлением, как таковое рассматривается, в основном, в работах по пунктуации, т.к. связано с различными (пунктуационными) способами обособления.

Стандартные средства обособления в русском (письменном) языке - это запятые, тире и скобки (заметим, что скобки в этом ряду стоят несколько особняком - этот знак обладает самой яркой, "очевидной" семантикой). В статье Н.Н.Барулиной [Барулина, 79] и книге А.Н.Наумовича [Наумович, 83] отмечено еще одно средство обособления (не зафиксированное в утвержденных "Правилах русской орфографии и пунктуации", но широко представленное в современной печати), а именно - двоеточие. Оно ставится перед обособленным оборотом, причем лишь в том случае, если обособленный оборот расположен на конце фразы, ср. *И так я нашел себе любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой* (Пришвин), *Двумя неделями позже он получил от этого же самого предприятия другое распоряжение: об отчислении из штата.*

Н.Н.Барулина [Барулина, 79] делает попытку описать различия в смысловых акцентах, обозначаемых тире и двоеточием. По данным книги А.Н.Наумовича [Наумович, 83], двоеточие близко тире по степени выделения, акцентирования смысла, выражаемого обособленным оборотом: оба знака являются более "подчеркивающими", нежели запятые, причем двоеточие - наряду с тире - допустимо, если перед обособленным оборотом можно вставить союз *а именно* (ср. примеры выше).

Точное описание семантики обособления в имеющейся литературе отсутствует, соответствующая задача - сопоставить различным средствам обособления их толкование - пока даже не ставится.

Описание семантики обособления предполагает ответ на следующий вопрос: какие фрагменты смысла (семантической структуры) фразы могут подвергаться исследуемому логическому выделению. В литературе эта проблема в явном виде не формулируется, а соответствующую информацию, в целом, относят к синтаксису (вопрос о том, какие члены предложения могут обособляться).

Принято считать, что логическому выделению, выражаемому обособлением, не подвергаются те фрагменты смысловой структуры, фразы, которые в каком-то смысле обязательны, то есть "связаны с передачей основного, а не дополнительного содержания" (см., напр., [Скобликова, 79, с.207]). Этим объясняется отсутствие "ожидаемого" обособления определений во фразах типа Вернулась она с выражением лукавым и торжествующим, Это заблуждение свойственно даже людям умным и образованным. Подобные формулировки, вообще говоря, неточны: логическое подчеркивание выделяет соответствующий фрагмент смысла фразы, придает ему больший вес, а это вряд ли совместимо с "дополнительностью", т.е. в некотором смысле второстепенностью, этого же смысла. Действительно, во фразе Вернулась она с иным выражением - лукавым и торжествующим, обособленный оборот, скорее всего, передает как раз основную информацию.

Выход из этого логического противоречия - между определением семантической функции обособления (подчеркивание, акцентирование) и описанием сферы его действия (соответствующий смысл является не основным, а дополнительным) - намечен в работе А.Ф.Прияткиной [Прияткина, 81]. По ее мнению, следует говорить "об определенной семантической самостоятельности основной части предложения (до оборота, без оборота)" [Прияткина, 81, с.25], см.[Наумович, 83].

Из изложенного следует, что смысловое подчеркивание, выражаемое обособлением, возможно лишь в предложениях, семан-

тическая структура которых удовлетворяет некоторым, пока не ясным до конца, требованиям.

б. Перейдем к семантике самих обособленных оборотов.

Смысловые особенности, присущие обособленным оборотам, принято рассматривать отдельно для оборотов полупредикативных и поясняющих (см. ниже). Можно, однако, найти некоторые данные и об их общей специфике. Ее демонстрируют определенные лексемы - в первую очередь, союзы (то есть, или и т.п.), модальные слова и частицы, входящие в состав обособленного оборота. Интерес представляют те из этих лексем, которые "в норме", т.е. при отсутствии обособления, не могут относиться к соответствующему (необособленному) члену предложения: именно такие случаи - и только они - свидетельствуют о специфической семантической организации обособленных оборотов. Приведем некоторые примеры: (6) Обстановка, во всяком случае на Западном фронте, была тяжелой, неясной... (Симонов); (7) Мать захотела жить в кабинете, и сейчас из спальной перенесли большую двойную кровать, также красного дерева и также великолепную (Аксаков); (8) Яблоневый сад, весь в солнечных пятнах, спускался по склону холма (Паустовский); (9) Военные, уже без оружия, выходили из толпы группами или в одиночку (Фадеев); (I0) Часто по ночам, в особенности лунным, он не мог спать (Л.Толстой); (II) Мы пришли в городок, весь утопающий в зеленых, главным образом вишневых, садах (Солоухин); (I2) Мне, тогда школьнику, навсегда запомнились посуровевшие лица взрослых, уходящих на фронт. Примеры (6), (7), (I0) и (II) взяты из статьи В.И.Фурашова и М.М.Чернышевой [Фурашов, Чернышева, 83]. Фразы (I0) и (I5) - из книги А.Ф.Прияткиной [Прияткина, 83], а предложение (I2) - из книги А.А.Камыниной [Камынина, 83]. Подобные примеры приводятся (без каких-либо комментариев) практически во всех работах по обособлению, но внимание к ним привлекается лишь в перечисленных публикациях. Убедительная семантическая интерпретация описанного явления пока не предложена.

Перейдем к одному из самых запутанных в русской грамматике вопросов - а именно, к вопросу о так наз. полупредикативности и пояснении (уточнении).

Прежде всего, понятие "полупредикативность" не имеет четкого объема (см. по этому поводу работу [Прияткина, 8I]). Очевидно, для того чтобы уяснить его, требуется хорошо представлять понятие предикативности.

Под предикативностью понимается "специфически предложенческое явление - значение, которое присуще именно предложению"[I]. Согласно наиболее распространенной точке зрения, это "комплекс свойственных всякому предложению грамматических значений модальности и времени (а по мнению ряда синтксистов, и лица), которые актуализируют номинативное содержание предложения, соотнося его с актом речи"[2].

Понятие полупредикативности относится не ко всему предложению, а лишь к некоторой его части. Естественно считать полупредикативным такой фрагмент фразы, в котором усматриваются "специфически предложенческие черты", роднящие его с целым предложением.

Рассмотрим сначала, какие фрагменты предложения принято называть полупредикативными, а затем - какие особенности сближают их с фразами.

Согласно наиболее распространенному мнению, полупредикативностью обладают только обособленные обороты, причем не все, а лишь следующие: I) обособленные деепричастные обороты, ср. Туманы, клубясь и извиваясь, сползали по морщинам соседних скал (Лермонтов); 2) обособленные препозитивные определения и приложения, ср. Красивая и умная, Анна пользуется успехом в обществе; 3) обособленные постпозитивные определения (в том числе несогласованные) и приложения, типа Мартовская ночь, облачная и туманная, окутала землю (Чехов)[3], Доктор, со шпагою в руке, выбежал в спальную (Тынянов), Со мной был чугунный чайник - единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу (Лермонтов).

[I] См. В.А.Белошапкова. Современный русский язык. Синтаксис. - М., 1977. С.I20.

[2] Там же.

[3] Относительно постпозитивных обособленных определений, выраженных причастными оборотами, мнения расходятся. В подавляющем большинстве работ их тоже относят к полупредикативным. Противоположную точку зрения убедительно аргументирует А.А.Камынина в работе [Камынина, 84], (см. выше).

У всех предложений, содержащих подобные обороты, усматривается одна общая черта: являясь сообщениями, они как бы содержат в своем составе еще и "дополнительное сообщение", а потому легко перефразируются в сложносочиненные предложения (или в две самостоятельные фразы), причем в одном из предложений сказуемым является обособленный оборот "исходной" фразы. Ср.: Туманы, клубясь и извиваясь, сползали по морщинам соседних скал - Туманы сползали по морщинам соседних скал, они клубились и извивались; Красивая и умная, Анна пользуется успехом в обществе - Анна - красивая и умная, она пользуется успехом в обществе; Мартовская ночь, облачная и туманная, окутала землю - Мартовская ночь окутала землю, она была облачная и туманная; Со мной был чугунный чайник - единственная отрада в моих путешествиях по Кавказу - Со мной был чугунный чайник, этот чайник был единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу и т.п.

Во всех перифразах не только сохраняется смысл исходных предложений как таковой: интуитивно они воспринимаются как не особенно отличающиеся от исходных фраз и с точки зрения подачи смысла, его организации. Последнее обстоятельство и отдаляет предложения с полупредикативными оборотами от фраз, их не содержащих - так, предложение На окне сидел полосатый кот в широком смысле синонимично фразе На окне сидел кот, он был полосатый, но явно отличается от нее с точки зрения коммуникативной организации смысла: расчленение первой фразы на два самостоятельных предложения воспринимается как нечто существенно более искусственное.

Ряд работ не ограничивается простой констатацией этого наблюдения - в них предпринимаются попытки рассмотреть обособленные обороты с точки зрения наличия в них предложенческих значений модальности и времени (см. в первую очередь [Брицын, 80], [Камынина, 80], [Камынина, 81], [Фурашов, 83]).

По существу, исследования в данном направлении находятся в начальной стадии, и сколько-нибудь точные описания значения полупредикативности в литературе отсутствуют. Неясны даже самые общие черты его структуры. Так, в одних работах под полупредикативностью понимается меньшая, чем в целом предло-

жении, степень проявления предикативности, причем она неодинакова для различных обособленных оборотов (см. [Брицын, 80], [Дмитриева, 80], [Дмитриева, 81]. Другое мнение состоит в том, что полупредикативность - это обычная предикативность, но присущая не всей фразе, а лишь ее фрагменту (в него входят обособленный оборот и группа его синтаксического "хозяина"). Поэтому полупредикативность часто называют дополнительной, сопутствующей предикативностью. Наиболее отчетливо это мнение выражается в книге А.А.Камыниной [Камынина, 83].

Примечание. Особую проблему представляют обороты, вводимые производными предлогами в силу, вследствие, по причине, в связи с, в результате, благодаря, в целях, при условии, несмотря на и под., ср. В связи с профилактическим ремонтом котельной, в Вашем доме в июне будет отключена горячая вода. Подобные (обособленные) обороты иногда считают полупредикативными. Наиболее полно эта точка зрения изложена в книге Е.С.Скобликовой [Скобликова, 79], по мнению которой полупредикативность подобных оборотов обусловлена "во-первых, употреблением в их составе отвлеченных существительных, которые как бы концентрируют в себе семантику сказуемого отдельно предикативной единицы; во-вторых, часто наблюдающейся распространенностью обстоятельственной группы. Эти особенности определяют коммуникативно-семантическую близость рассматриваемых обстоятельств к придаточным предложениям" [Скобликова, 79, с.222, сл.]. На наш взгляд, ни один из этих двух признаков не является собственно предложенческим. Эти особенности присущи и необособляемым оборотам, вводимым непроизводными предлогами, ср. Из-за профилактического ремонта котельной у нас целый месяц не было горячей воды. Поэтому вопрос о полупредикативности таких оборотов, скорее всего, следует признать открытым.

Полупредикативным обособленным оборотам обычно противопоставляют так наз. поясняющие, или уточняющие, обособленные обороты; это могут быть определения, в том числе и несогласованные, и обстоятельства, типа За месяц тезисы Лютера обошли всю западную, католическую, Европу; ...ждала домашняя, по-черному, баня (Почивалин); Дикие важенки еще долго, до темноты,

напрягали зрение и слух (Астафьев). Согласно самому распространенному мнению, уточняющее определение (обстоятельство) по смыслу относится к необособленному определению (обстоятельству), непосредственно ему предшествующему: оно его "уточняет, поясняет, конкретизирует" и т.п.

Понятие "пояснение (уточнение)" является, пожалуй, еще более расплывчатым, нежели понятие полупредикативность. Характерная его особенность заключается в том, что оно определяется одновременно через синтаксические и семантические признаки (показательно в этом отношении определение обособленного поясняющего адъективного оборота, даваемого "Русской грамматикой" [Русская грамматика. Т.II, 80, с.187]: "Обособленный поясняющий адъективный оборот представляет собой словосочетание с главным словом - прилагательным, которое синтаксически зависит от существительного (согласуется с ним), а по смыслу поясняет, уточняет предшествующее ему прилагательное".

В ряде работ делаются попытки экспликации понятия "пояснение", однако они, как правило, базируются не на учете собственно языковой специфики рассматриваемого материала, а на логическом анализе понятий "пояснение", "уточнение", "конкретизация", "тождество" и под. (см., например, [Барулина, 79]).

Наиболее полное и четкое описание поясняющих обособленных оборотов (к которым автор относит и обособленные постпозитивные приложения) содержится в книге А.Ф.Прияткиной [Прияткина, 83]. Из частных, но заслуживающих внимания, наблюдений автора отметим замечание о близости (но не тождественности) уточняющих и соподчиненных определений типа Стояла особенная, ленивая, тишина воскресного полдня - но Странный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза кряду над рекой (Тургенев).

Скажем несколько слов по поводу классификации обособленных оборотов в терминах "полупредикативность" и "пояснение (уточнение)".

Считается, что по этим признакам ("полупредикативность" и "пояснение") обособленные обороты делятся на два (непересекающихся) класса, или разряда. Но эти разряды выделяются по разным логическим основаниям: неясно, каким образом "специфи-

чески предложенческие черты" противопоставляются "пояснению (уточнению)". Именно в этом мы видим причину наметившейся в последнее время тенденции считать поясняющим любой обособленный оборот, если он несет информацию, которая в самом широком смысле что-либо поясняет, уточняет, конкретизирует и т.п. Так, в "Русской грамматике" [Русская грамматика, т.П, 80] к разным разрядам отнесены обособленные приложения в следующих фразах: До войны капитан запаса Ковтун, экономист по образованию, был главным бухгалтером большого винодельческого совхоза под Тирасполем (Симонов), На следующий день я приехал в Белую Церковь и остановился у старинного приятеля отца, начальника почтовой конторы Феоктистова (Паустовский). В первом предложении усматривается полупредикативный обособленный оборот, а во втором - поясняющий. В книге [Сиротинина, 80] поразному трактуются обособленные определения во фразах Дома мать, грустная, собирала в дорогу сына (полупредикативный оборот) и Меня, мокрого до последней нитки, сняли с лошади почти без памяти (т.н. добавочное сообщение, близкое к уточнению). Подобные описания часто базируются даже не на логических, а на контекстных и ситуативных признаках. Этот их недостаток отмечают В.М.Брицын [Брицын, 80] и Е.С.Скобликова [Скобликова, 79].

Невыработанность понятий, относящихся к обособлению, отражается и в том, что многие обособленные обороты не укладываются в принятую схему. Ср. примеры из книги Е.С.Скобликовой [Скобликова, 79, с.223]: На болоте без устали кричали журавли - не то сердито, не то жалобно (Шагибин), Вдруг, далеко на той стороне, вспыхнули быстрые огни (А.Н.Толстой), Потом, с досады, она даже топнула ногой (А.Н.Толстой). Все подобные случаи автор объединяет в рубрику "Авторское обособление обстоятельств".

Попытка преодолеть описанное противоречие содержится в книге Е.С.Скобликовой [Скобликова, 79]. Для описания обособленных оборотов автор вводит два признака: наличие/отсутствие выражения полупредикативности и наличие/отсутствие выражения дополнительной характеристики (к сожалению, эти понятия не эксплицируются в достаточной мере). Соответственно, выделяет-

ся три класса обособленных оборотов: I) обороты, выражающие только полупредикативность - ср. обоособленные деепричастные обороты и обособленные препозитивные определения и приложения; 2) обороты, выражающие только дополнительную характеристику - ср. уточняющие обстоятельства и определения; 3) обороты, выражающие оба эти значения - ср. обособленные постпозитивные определения и приложения.

2

Синтаксису предложений с обособленными оборотами, в целом, уделяется меньше внимания, нежели семантике. Кроме того, в большинстве работ синтаксис и семантика обособленных оборотов рассматриваются нерасчлененно. Тем не менее, в литературе достаточно отчетливо выделяется собственно синтаксическая проблематика, связанная с обособлением.

2.I. Первый вопрос, который возникает при описании синтаксиса обособленных оборотов, состоит в следующем: является ли обособленное определение, приложение или обстоятельство "тем же" второстепенным членом, что и соответствующее необособленное определение (приложение или обстоятельство) - тогда все различия между ними сводятся к пунктуационной выделенности/невыделенности - или же обособленный член предложения обладает своей синтаксической спецификой.

Первый подход последовательно проводится Ю.В.Ванниковым [Ванников, 79], (см. также работы Л.К.Дмитриевой [Дмитриева, 80] и [Дмитриева, 8I] и Сиротининой [Сиротинина, 80]).

Второе мнение распространено гораздо шире (из работ этого направления укажем, в первую очередь, [Камынина, 80], [Камынина, 8I], [Камынина, 84], [Камынина, 83], [Прияткина, 8I], [Прияткина, 83] и [Скобликова, 79]. В поддержку такого подхода можно привести чисто синтаксические аргументы. Например, обособленное полупредикативное определение располагается не в препозиции, а в постпозиции к своему синтаксическому хозяину. В роли таких определений могут выступать особые словоформы, которые не бывают обычными определениями; это краткие прилагательные, ср. Колеблется воздух, Прозрачен и чист (За-

болоцкий). Кроме того, обособленные определения и приложения могут вступать в непосредственную синтаксическую связь с такими словами, которые к соответствующим необособленным членам предложения относиться не могут. Этот факт отмечается А.Ф.Прияткиной [Прияткина, 83], многочисленные примеры (правда, исключительно с семантической интерпретацией) приведены в статье В.И.Фурашова и М.М.Чернышевой [Фурашов, Чернышева, 83] (см выше, р.I.3.).

2.2. Следующая задача состоит в инвентаризации, задании списка обособленных членов предложения. В более привычной форме этот вопрос формулируется так: какие члены предложения могут обособляться? Общепринятым является мнение (впервые высказанное А.М.Пешковским), что обособленными бывают тольео так называемые факультативные члены предложения - определения, приложения и обстоятельства: они могут быть удалены из фразы без нарушения ее правильности. Остальные члены предложения, в частности, дополнения, не обособляются.

В связи с этим особый интерес представляет материал книги Ю.В.Ванникова [Ванников, 79]. Автор приводит многочисленные примеры высказываний с парцелляцией дополнений, ср.: Зимой начну писать. О людях (М.Горький), Девушка говорила без умолку. Про Сибирь, про счастье, про Джека Лондона (Шукшин). Это наводит на мысль о возможности обособления этих членов предложения. Действительно, следующие фразы вполне нормативны, ср.: Зимой начну писать - о людях. Девушка говорила без умолку - про Сибирь, про счастье, про Джека Лондона.

Приведенный материал демонстрирует сложность и неразработанность данного синтаксического вопроса.

2.3. Отметим одно интересное частное свойство обособленных несогласованных определений. А.Н.Наумович в [Наумович, 83] сравнивает фразы типа Бабы с длинными граблями в руках бредут в поле и Бабы, с длинными граблями в руках, бредут в поле (Тургенев). Первое предложение синтаксически неоднозначно: группа с длинными граблями в руках может интерпретироваться
а) как несогласованное определение к подлежащему бабы и
б) как обстоятельство образа действия при сказуемом бредут.
Но если соответствующая группа обособлена, то никакой синтак-

сической омонимии не возникает: во втором предложении оборот с длинными граблями в руках однозначно интерпретируется как определение к подлежащему.

Е.Н.Ширяев

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже было сказано в предисловии, данный обзор работ по синтаксису является четвертым по счету. Каждый обзор его редакторы стремились сформировать так, чтобы не только представить наиболее значительные и интересные работы, но и выявить перспективные и активные направления в развитии синтаксической теории. Небезынтересен, как кажется, ретроспективный взгляд на проделанную работу, своего рода обзор обзоров.

В 60-е годы активно развивалась традиционная синтаксическая линия: совершенствовалась теория простого предложения, в области сложного предложения был предложен ряд детально разработанных последовательных концепций. Активное изучение синтаксиса разговорной речи, открытие новых синтаксических фактов в этой языковой сфере, также побуждали к дальнейшему совершенствованию синтаксических теорий.

70-е годы ознаменовались, по выражению Н.Д.Арутюновой, штурмом семантики. На первый план выходит изучение смысла предложения. Эта проблема разрабатывается как в духе традиционных методов, так и нетрадиционно. Формируется ряд семантико-синтаксических направлений: одни из них опираются на логические начала в предложении, другие обращены к модели "Смысл" "Текст" Работы о семантико-синтаксической структуре предложения, направленные на решение задач машинного перевода, выходят далеко за рамки прикладной лингвистики, оказывая существенное влияние на общее развитие синтаксической теории.

Эти два общие направления, которые, разумеется, с большой долей условности можно обозначить как традиционное и семантико-синтаксическое, продолжают развиваться и в настоящее время. Изданная в 1980 г. "Русская грамматика" - это, несомненно, самое полное описание грамматического строя русского языка, основанное на последовательном развитии традиционных воззре-

ний. Что же касается семантико-синтаксического направления, то оно развивается и вглубь и вширь, вступая в контакт с такими направлениями, как теория речевых актов, прагматика и, шире, язык в его функционировании. Этот разнонаправленный, комплексный подход к синтаксису позволил выйти за пределы предложения и обратиться к синтаксису текста, который в свою очередь является частью более обширной области - лингвистики текста.

Следует подчеркнуть, что традиционное и семантико-синтаксическое направления не существуют изолированно друг от друга. Уяснение многих вопросов семантики предложения позволяет по-новому осветить и многие традиционные вопросы. Здесь хотелось бы остановиться только на одном моменте. Внимание к смыслу предложения непосредственно касается традиционного вопроса о грамматической форме. Начиная с трудов Ф.Ф.Фортунатова, и в полном согласии с положениями Ф.де Соссюра, в русской лингвистике утвердилось понимание грамматической формы как единства грамматического средства и того грамматического значения, которое этим средством выражается. Если такое понимание одного из видов грамматической формы - морфологической - достаточно последовательно проводится в современных исследованиях, то в синтаксисе ситуация несколько иная. Русская синтаксическая традиция больше внимания уделяла изучению синтаксических средств, то есть только одной стороне синтаксической формы. Сейчас, как кажется, одной из первоочередных задач является уяснение того, что в семантике предложения, о которой известно уже достаточно много, является синтаксическим, то есть формальным, смыслом и какой смысл является неформальным. Если эта задача, поставленная в повестку дня всем ходом развития синтаксической теории, будет решена, то можно надеяться, что синтаксис русского языка окажется возможным представить как последовательное учение о синтаксической форме. Неутихающие споры о том, каково общее, неварианное, значение безличных, неопределенно-личных, инфинитивных и др. типов предложения знаменуют собой, как кажется, поиск именно в этом направлении.

Эта краткая заметка ни в какой мере не претендует на то, чтобы изложить вопрос о развитии современной синтаксической теории по отношению к русскому языку. Это не более чем попытка обозначить этот вопрос.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Земская Е.А. Предисловие 3
Чернов В.И. Синтаксическая концепция "Русской грамматики" 4
Шмелева Т.В. Семантический синтаксис 28
Саввина Е.Н. Синтаксис текста 82
Урысон Е.В. Синтаксис и семантика обособленных оборотов 119
Ширяев Е.Н. Заключение 136

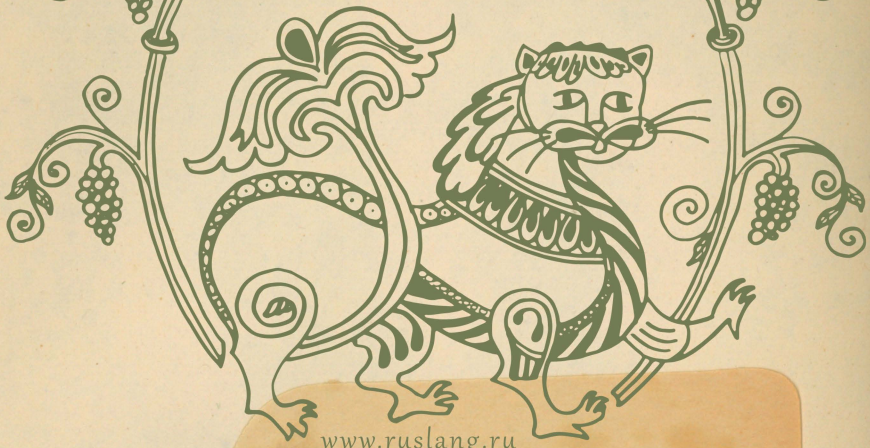
www.ruslang.ru

Синтаксис: проблемы и методы исследования
Подп к печ 6/IX-88г Объем 8,75 п.л.
Тираж 1000 экз. Зак. 2361 Цена 70 коп.
Отпечатано в типографии МГПИ им. В.И.Ленина.

13-07

ИРЯ

институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

91732

70 коп.